

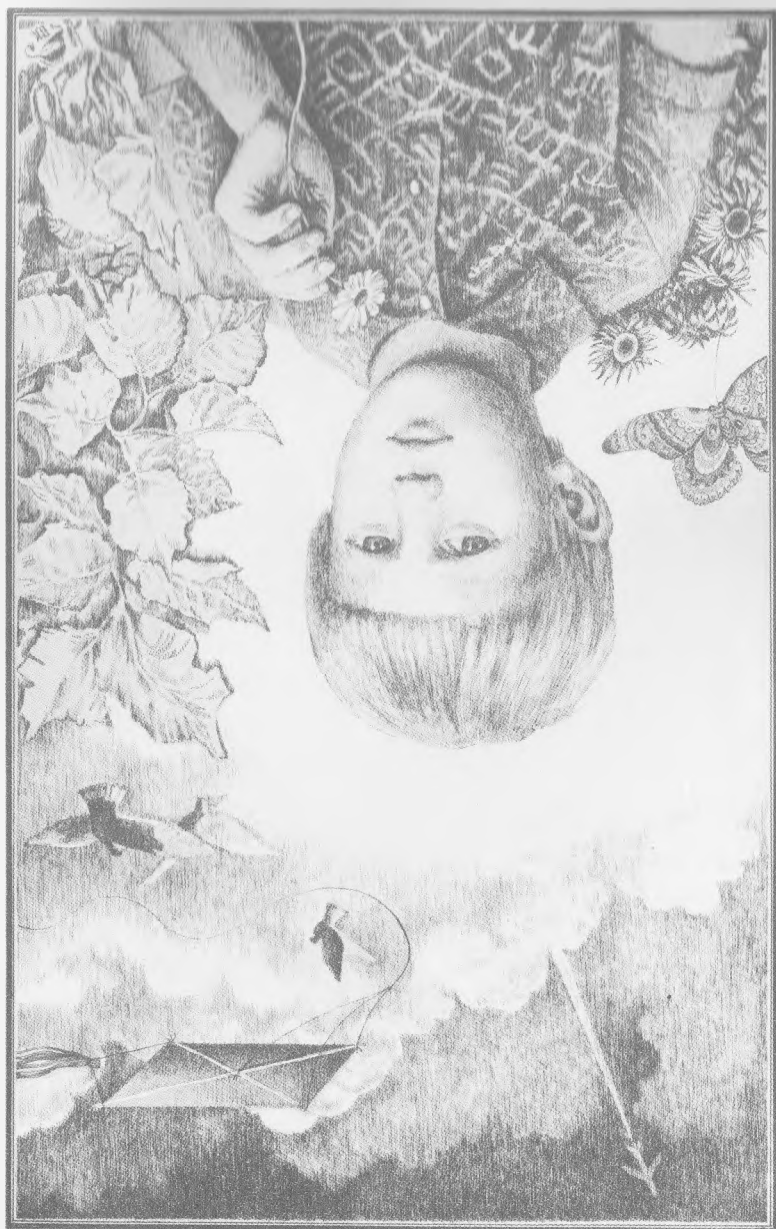
P2
0-38

3•1983

Июль — сентябрь

ОГНИ
КУЗЬЯССА





№ 3 (80)

Год издания 35-й

Выходит
ежеквартально

ОТНИИ КУЗБАССА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ,
ОРГАН КЕМЕРОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

Редактор

Владимир **МАЗАЕВ**

Редакционная коллегия:

Виктор **БАЯНОВ**

Сергей **ДОНБАЙ**

Геннадий **ЕМЕЛЬЯНОВ**

Валерий **ЗУБАРЕВ**
(отв. секретарь)

Владимир **КУРОПАТОВ**

Владимир **МАТВЕЕВ**

Валентин **МАХАЛОВ**

Зинаида **ЧИГАРЕВА**

Геннадий **ЮРОВ**

Кемеровское
книжное
издательство
1983

В НОМЕРЕ

ПОЭЗИЯ

- Валентин Махалов. В деревне. «Лечу озорно, вдохновенно...» Жеребенюк. Свадьба. Ганальская тундра. Древний художник. «На увале деревенька...» 3
Михаил Небогатов. Лирика 42

Первая публикация

- Алексей Бельмасов. Совесть (маленькая поэма) . . . 21

ПРОЗА

- Евгений Богданов. Научись на гармошке играть. Техника безопасности. Рассказы 6
Виктор Моисеев. День истины. Рассказ 43
Людмила Филаткина. Хорошая у Зойки жизнь. Накануне весны. Рассказы 49

Первая публикация

- Александр Головков. Экспертиза на искренность. Фантастическая повесть 23

ПРОБЛЕМА? ДА, ПРОБЛЕМА!

- Анатолий Сосимович. Для чего человеку дача? 54

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

- Геннадий Естамонов. Золушка 60

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ

- Борис Синявский. Лев или собачка? 64

СЛОВО — КРИТИКЕ

- Александр Казаркин. Родники и русло 74
Владимир Ширяев. Полюса смеха 76

ВЕСЕЛАЯ МИНУТКА

- А. Фролов. Гордиев узел. Записка. Юмористические рассказы. Василий Афанасьев. В первый класс . . . 80

Адрес редакции:
650099, Кемерово-99,
Советский пр., 40,
тел. 6-26-95, 6-85-14

Рукописи
не возвращаются

Ведущий редактор
Т. И. Махалова
Художественный редактор
В. П. Кравчук
Технический редактор
Г. Н. Манохина
Корректор
В. А. Лузина

На 1-й и 4-й стр. об-
ложки: *В. Селиванов.*
«Артерии КМК» и «Осень».

НАШИ АВТОРЫ

Небогатов Михаил Александрович. Родился в 1921 году в Гурьевске Кемеровской области. Участник Великой Отечественной войны. Автор многих поэтических книг, последние из которых: «Спасибо сентябрю», «Земной поклон», «Лето». Член Союза писателей. Живет в Кемерове.

Бельмасов Алексей Михайлович. Родился в 1959 году в Гурьевске. Работает пожарным. Член литературной студии «При- томье». Живет в Ленинске-Кузнецком.

Богданов Евгений Анатольевич. Родился в 1953 году в селе Чарыш Алтайского края. Окончил Новокузнецкий педагогический институт. Корреспондент газеты «Сельская правда». Член Союза журналистов. Его рассказы публиковались в альманахе «Огни Кузбасса», в коллективном сборнике «День обещает быть хорошим». Член литературной студии «При- томье». Живет в Новокузнецке.

Головков Александр Анатольевич. Родился в 1957 году в Новокузнецке, окончил Новокузнецкий горномашиностроительный техникум. Работает на Новокузнецком заводе строительных конструкций.

Моисеев Виктор Максимович. Родился в 1939 году на Украине. Окончил Кемеровский индустриально-педагогический техникум. Работает корреспондентом газеты «Кузбасс». Член Союза журналистов. Автор книги прозы «Яркий камень».

Филаткина Людмила Петровна. Родилась в Кемерове. Окончила Уральский государственный университет. Работает на Кемеровской студии телевидения. Публиковалась в «Огнях Кузбасса», в коллективных сборниках «Мой дом — Земля», «День обещает быть хорошим».

164065 ✓
+

Сдано в набор 25.04.83. Подписано к печати 18.07.83. ОП03729. Формат 70×90^{1/16}. Бумага типографская № 3. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,85. Усл. кр.-отт. 6,73. Уч.-изд. л. 8,07. Тираж 7000 экз. Заказ № 7906. Цена 50 к. Кемеровское книжное издательство. Полиграфкомбинат. Адрес издательства и типографии: 650059, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5.

ВАЛЕНТИНУ МАХАЛОВУ 50 ЛЕТ



Солидный возраст, полувековой юбилей и Валентин Васильевич Махалов, как говорится, понятия несовместимые. Вот назвал нашего товарища по перу несколько пространно, с подобающим моменту оттенком официальной торжественности, и стало за себя неловко, вспомнил, что у «поэтов нет отчества, поэзия — это отрочество».

А в мальчишески-романтическом складе души Валентина Махалова сомневаться не приходится: «состарюсь, но не повзрослею...» Его неутомимое сердце по-прежнему «ищет песню», ту самую-самую, ради которой стоило в свое время рискнуть на дебют. И сегодня, как в юности, мой ровесник и старинный приятель азартно влюблен в живое трепетное слово, стремится, умудренный жизненным опытом, наполнить его полновесным содержанием.

Не буду перечислять названия многочисленных сборников стихов и прозы юбиляра, но считаю нужным напомнить читателям о поэтической книжке «Поздний гость», вышедшей в конце прошлого года в Москве, в издательстве «Современник». Это своеобразная веха в творческой биографии В. Махалова, здесь он раскрылся наиболее цельно, ярко, убедительно. А главное — выдержал суровый экзамен на право называться (всей своей строчечной сутью) сибиряком. Об этом, в частности, пишет в предисловии к сборнику большой советский поэт, наш земляк Василий Федоров: «Сибирь так разнообразна, что в ней каждый найдет что-то родственное. Здесь каждый для самого себя первооткрыватель».

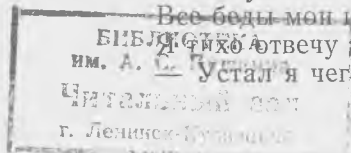
Новых тебе дерзаний и открытий, Валентин! Новых книг!

Владимир Матвеев

В ДЕРЕВНЕ

Едва только вытает снег
И солнце дорогу подсушит,
Уеду в деревню к родне
Лечить охладевшую душу.
Схожу наловлю чебаков —
Под вечер ушицу затею.
Мой дядя Никита Попов
Одобрит такую затею.
Добудет бутылку вина,
К застолью покличет соседа.
Послужит счастливо она
Для нашей полночной беседы.
Не очень стесняясь в словах,
Подробно, порою сердито,
О всех деревенских делах
Расскажет мне дядя Никита:
Что сын его самый меньшой
Весною садится на трактор,

Что новый директор лишен
С народом живого контакта.
Добавит: мол, вот хорошо,
Что в гости наведалься к ним я.
Меня назовет племяшом,
Тяжелой рукою обнимет.
С минутой потом помолчит.
И бухнет, совсем уж некстати:
— Как дальше нам жить—научи,
Племяш мой, товарищ писатель.
За то, что приехал в совхоз,
Мы очень тебе благодарны...
Усмешка его и серьез
Мне больно по сердцу ударят.
Покажутся мелкими мне
Все беды мои и тревоги.
Я тихо отвечу родне:
— Устал я чего-то с дороги.



Лечу озорно, вдохновенно,
На зависть крылатым коням.
И вновь ушибаюсь о стены,
Которые выстроил сам.

Порывов моих амплитуда
Сжимается в жесткий комок...
И все-таки верится в чудо —
В последний победный прыжок.

ЖЕРЕБЕНОК

Жеребенок-стригунок,
Звонкие копыта.
Наглядеться я не мог
На тебя досыта.

По асфальту цок да цок,
Словно в чистом поле.
Жеребенок-стригунок,
Взялся ты отколе?

Осторожно, шоферня,
Жми на поворотах.
На веселого коня
Поглядеть охота.

Поглядеть, как он сейчас
По асфальту скачет,
Может, нам в последний раз
Выпала удача.

СВАДЬБА

Забыв о земных передрягах,
На склоне осеннего дня —
Плескалась веселая влага
И пьяно шепталась родня.

А свадьба гуляла и пела
На старый нескладный мотив.
И только невеста сидела,
Глаза тяжело опустив.

И, в светлые чувства не веря,
Как ангел небесный чиста,
За шумною праздничной дверью
Стояла любовь-сирота.

ГАНАЛЬСКАЯ ТУНДРА

Весна стеклянная,
Бедовая.
Морозный воздух дребезжит.
Снег жесткий,
Словно кость моржовая,
Бескрайней скатертью лежит.
Гони, каюр!
Хмельно и весело
Полосья узкие поют.
Не пропадешь с такою песней
У бела света на краю.
Как хорошо, что нет метелицы
И солнце свет апрельский льет.
О, как легко олени стелются,
Почувяв близкое жилье.
Снегов дыхание остудное,
С тобой мы выиграли спор.
Гони, каюр!
С Ганальской тундрой
Окончим скоро разговор.
Уже две сотни верст отмеряно,
Поселок видится почти...
А час назад еще не верилось,
Что где-то есть конец пути.

ДРЕВНИЙ ХУДОЖНИК

Стрелы обсидиановое жало
Лопатку зверя' глубоко прожгло.
И небо потемневшее упало,
И зверя придавило тяжело.
Потом — костры полночные горели,
И запах, мяса поздри раздувал,
И женщины, покачиваясь, пели
Охотнику похвальные слова.
А он — в косматой вывернутой шкуре,
Зажав копы в широкую ладонь,
Глаза зеленые прищуря,
Смотрел заворожено на огонь.
О чем он думал,
Предок мой суровый?
В какую даль хотел он заглянуть?
Какое чувство и какое слово
Ему в ту пору распирало грудь?
Я этих дум угадывать не стану...

Стирая мыслью наслоения лет,
Я подниму кусок обсидиана
И острой гранью прикоснусь к скале.
И в этот миг привидится такое:
У скального обрыва на краю
Художник древний сильною рукою
Вершит работу дивную свою.
Он, вопреки законам и поверьям,
Нарушив давний родовой запрет,
Изобразит поверженного зверя,
А рядом свой начертит силуэт.
И вдруг поймет, что у него отныне
С искусством вечный заключен союз.
Задолго до рождения Афины —
Богини, покровительницы Муз.

* * *

На увале деревенька —
Сорока дворов.
Третий день гуляет Женька
Так — что будь здоров!

Женька глушит самогонку,
Женька брагу жрет.
С толстопятою девчонкой
Разговор ведет.

Загибает ей про Север,
Тундру и песцов.
И в душе девчонки сеет
Смуту и любовь.

Женька хмурится от солнца,
Духоту честит.
Женька хрусткие червонцы
Комкает в горсти.

Сладко врет в хмельном угаре
Выпившим парням:
— Там денюга почти задаром —
Подставляй карман.

Плохо только — нету девок.
Климат не с руки.
В остальном же Крайний Север
Теплый, мужики...

Засыпает деревенька,
От забот устав.
Спит в постели теплой Женька,
Руки разметав.

И во снах его тревожных
Из последних сил
Забубенно и острожно
Север голосит.

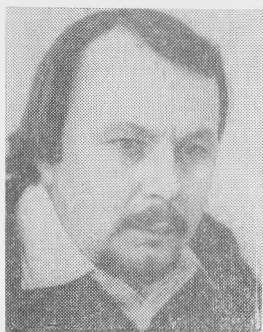
От мороза пальцы стыннут,
Тело гнет в дугу.
И летит его машина
Через смерть-пургу.

Поминает Женька бога —
Грешная душа:
— Только б вывезла дорога
И уволюсь — ша!..

Ночь пройдет,
Наступит утро.
Будет в руку сон:
Сядет Женька на попутку
И махнет в район.

Пыль поднимет пятитонка,
Скроется в лесу.
Толстопятая девчонка
Выронит слезу.

И вчерашний собеседник,
Почесавши нос,
Бросит Женьке вслед:
— На Север
Снова черт понес!



НАУЧИСЬ НА ГАРМОШКЕ ИГРАТЬ

РАССКАЗ

Выпало Ивану Медведеву сразу два праздника — и день рождения, и в отпуск идти. Заикнулся дома о гулянке. Жена кинула на стол чашку, закричала:

— Вам только нажратись, а мне готовь на такую ораву! Не буду, даже и не думай!

Уговаривать Иван не умел — заскрипел зубами и ушел в сарай. Сел там на чурбак, закурил. Во рту было сухо и горько. На глаза попался топор. Иван потянулся, сжал топорнице. Тронул твердым пальцем лезвие... Темная была минута.

Наутро взял он с собой водку, захватил сала с огурцами и пошел в мастерскую. На душе было противно — обещал пригласить мужиков и вот на тебе... Мужики увидели его с сумкой, попереглядывались, но ничего, промолчали. В обед привезли на ремонт косилку-измельчитель, но запчастей к ней не оказалось, и бригадир уехал по начальству. Полдня слонялись по мастерской, дымили в курилке. Потом смотался куда-то слесарь Серега Иванников. К концу смены явился бригадир — без запчастей. Покурил вместе со всеми и махнул рукой:

— Пошли!

Во дворе мастерской стоял бортовой «газик». В кузове его сидел Серега, плевал сверху на колесо от сеялки. Бригадир велел Ивану лезть в кабину, остальные взобрались к Сереге. Выехали за деревню, проскочили по узкой дорожке к реке. Остановились на самом берегу, на полянке среди черемух. Иван знал это местечко — ходил как-то сюда рыбачить.

Машина ушла, а мужики стали распаковывать сумки. Иван, суетясь, доставал свое. Когда выжили по разу, бригадир дал знак меднику Панкратову, и тот вынес из-за куста гармонь — Иван и не заметил, как ее туда спрятали. Покачиваясь на легких ногах, Панкратов шел к Ивану. Гармонь открывала малиновые меха, повизгивала, сердито охала басами. Мужики, весело щурясь, откладывали на газеты огурцы.

— Держи, Андрейч...

— Вы откуда-то это... — заморгал Иван.

— Секрет фирмы, — засмеялся Серега, — и не пытай, дядя Ваня, не выдадим.

— Я ведь еще когда баловался... — силится объяснить Иван, а шершавые пальцы его уже оглаживали бока гармони, трогали перламутровые кнопки-пуговицы.

— А ну, Андрейч, попробуй инструмент. — Панкратов вышел на уютную у костровища площадку, накосом развернул плечи.

— Да я...

— Давай-давай. И чтоб с выходом!

Понимая, что ни к чему это, Иван накинул на плечо ремень, поудобнее установил гармонь на коленях, ткнул пальцем в одну кнопку, ткнул в другую...

— Думал, врежу «цыганочку», потешу ножки... — прицокнул Панкратов.

— Забыл, мужики. Тридцать лет, считай, не играл. — Ивану стыдно было признаться сейчас, что играть толком он и не умел никогда.

— Ладно, вспомнишь, — сказал бригадир, — было бы чего вспоминать.

...За рекой дымили трубы ТЭЦ, букашками ползали по дороге машины, а тут, меж кустами черемухи, было привольно, пахло цветами, травой и землей. Панкратов, завернув под себя ноги, травил байки:

— Приезжают к нам японцы насчет леса договариваться. Привезли их в леспромхоз. Японцы поглядели, полопотали и к переводчику: «Ваши рабочие бастуют?» Наши в переполох: как так? А японцы им: мы, мол, здесь уже двадцать минут, а ваши рабочие все на пеньках сидят. Ну, наши давай объяснять, что это, мол, перекур у них.

— У нас душа такая! — радостно заорал Серега. — Курить так курить, пить так пить!

— Разве это работа, как мы работаем? — встрял Иван. — Галдим больше. Плуги вон как побросали с посевной, так и валяются в поле. Я как-то заикнулся главному инженеру, так он мне: не твое дело.

— Не по инстанции пошел, Андреич, — показывая железные зубы, хохотнул Панкратов, — надо было сначала бригадиру пожаловаться.

— А что бригадир? Он так же с нами вкалывает.

— Давай за бригадира...

Разошлись уже в сумерках. Иван стал совсем тяжелым, лез с тропинки в кустарник и ложился спать. Мужики довели его до дому, посадили на лавку. Гармонь поставили рядом.

Из огорода, позвякивая ведрами, вышла жена, встала перед ним темной горой:

— Нагулялся?

— Ты? — Выдернул кулаки Иван. — Ты мне что? А ребята мне...

Он уронил кулаки и пьяно заплакал. Там, у реки, у него тоже пощипывало, но обошлось, а тут вот не удержалось. Жена постояла, взяла Ивана под руку:

— Пошли спать.

— Не трожь, — выдернул он руку, — обойдуся!

Взял гармонь, унес к себе в боковушку и, не раздеваясь, бухнулся спать.

С утра Иван первым делом взялся за гармонь. Поставил ее на коленки, посидел так... Голова раскалывалась, будто внутри ее рвали гранату. Иван отставил гармонь, вышел в сени. Понарился в столе, за сундуком — везде пусто. Что делать? Пошел к старому своему знакомому Николаю Маколкину.

Тот, небритый, нечесаный, запрягал лошадь в телегу. Пегая кобыла упиралась, не шла в оглобли, а Маколкин тыкал ее кулаком в морду.

— Ты чего это, Петрович, с утра пораньше разошелся? — спросил Иван, усаживаясь на сваленные у забора бревна.

— А-а, жизнь такую. — Маколкин затыкнул супонь, присел рядом. — Которую ночь, бляха, сна нету. Хоть тресни. И чего только в башку не лезет.

— А мне бы косить надо, да теперь уж только к вечеру если...

— Нюра! — крикнул Маколкин.

На крыльцо выбежала его жена — худая, с некрасивым большегубым лицом.

— Принеси-ка там чего.

Она кивнула и скрылась. Маколкинковырял ногтем кору на бревне, молчал.

— Сыновья-то пишут? — спросил Иван.

— Пишут...

— Бывает, что исправляются. Да и твои — поняли, поди.

— Ни хрена они не поняли. Это они пока мешки вяжут, так поняли. Их теперь могла исправить.

— Ты что, Петрович?

— А-а, — Маколкин нехорошо усмехнулся, махнул перед собой рукой, — теперь уж...

Вышла Нюра. Поставила на телегу банку с нивом, накинула на кружку марлю.

— С прошедшим днем ангела, Иван Андреич!

— Ага, Нюра, прямо выручила. Петровича, поди, тоже подлечить надо?

— Не надо, — остановил Маколкин жену, — разморит по жаре.

— Кому возить-то собрался?

— Рябов сегодня мечет. А я как раз выходной.

Помолчали. Нюра топталась у телеги, оти-

рала углы рта. На скуле под ухом у нее синело. Иван никак не мог взять в толк, за что ей Петрович поддает — баба вроде не шумливая, смирная.

— Как погуляли, Иван Андреич? — спросила Пюра.

— Крепко. Ребята вот... гармонь пода-рили.

— Ты смотри-ка! Молодцы... А я и не знала, что ты у нас гармонист.

— Да какой там гармонист? Так, баловался когда-то... Когда еще с твоим мужем на Алтае коров пасли. Я ведь тоже раньше пастушил. Подожди-ка... Это, Петрович, не ты сказал ребятам?

— Я, — нехотя признался Маколкин. — Весной еще картошку Иванниковым возил... ну, и пришлось что-то к разговору.

Он встал и пошел к телеге. Сел, свесив заголившиеся было без носков ноги в парусиновых туфлях, взялся за вожжи:

— Ну, бывай, похмеляйся тут.

И ускал. Пюра нацедила Ивану еще кружку. Он выпил и пошел домой. Голова по-прежнему побаливала, но ломота уже разгладилась, и можно было терпеть. Кольнуло только, когда подумал о Маколкине: худо с мужиком. Не старый еще, чтоб по ночам не спать. Это с сыновьями беда у него вышла: взялись спяну собак да кур из ружей стрелять. Ладно бы, подрались — с кем не бывает, но чтоб кур бить — прямо дикость какая-то. А потом еще не ячине — мужику в ногу пальнули. Иван вздохнул, инул понава-шнюю под ноги навозную лешенку — не везет Николаю!

— Токо, понял, гармонь заимел, на соседей ноль внимания! — В тесовых воротах стоял Анатолий Глотов. Руки он держал на животе, крутил белыми пальцами. Телом Глотов походил на незрелый огурец — того и гляди треснет. Иван его недолюбливал, но почему — не знал.

— А-а, сосед! Здорово живешь.

— Я-то здорово, а ты никак с похмеля. Зайди — подам.

— Да я уж у Маколкина подлечился.

— Дело хозяйское. — Глотов вроде как обиделся. — Гармонист...

Напомнил про гармонь, и у Ивана сладко ворохнулось сердце: скорее бы домой, поиграть до покоса.

В доме было прохладно — комнатенка у Ивана находилась на северной стороне. Он сел на кровать, как раз напротив окошка, взял гармонь. Когда-то, еще пацаном, Иван пробовал играть, но так, больше баловался. А потом отслужил, пошел работать, женился, и про гармонь больше не вспоминалось. Возил Иван председателя колхоза, мотался с ним от темна до темна: не до музыки было. Когда слышал на гулянке гармонь, то, бывало, хотелось выучиться игре, заиметь собственный инструмент. Но ненадолго — опять работа, с женой ругань, по хозяйству от дел не продохнешь. В последнее время вроде полегче стало: и работать ушел в мастерскую, и дети поразехались, а суety все-равно не убавилось... Так бы и прожил без гармонии, если бы не ребята. Иван вздохнул, поаккуратнее заправил на плечо ремень.

...И мелодию будто чувствовал, и старался всюю, а не выходило. Пальцы слушались плохо, тыкались не в те кнопки, не гнулись, не чувствовали касания. Он положил руку на гармонь. Кожа на пальцах была задубелая, изъеденная черными царапинами. Иван раскаленные угли у печки подбирал, будто шишки сосновые. На это они годные. А тут... Он поставил гармонь в футляр, посидел, упрятав лицо в жесткие ладони, и пошел отбивать литовку.

С покоса Иван вернулся поздно. Шел тяжело, понуро: накопился так, что тянуло спину. Уже у дома ему встретились Глотов с женой. Анатолий в цветастой навывпуск рубашке шел впереди, темнолицая его супруга держалась сзади.

— Косить — это тебе не на гармонике играть, — сказал Глотов, поигрывая сложенными на животе короткими белыми пальцами.

— Не говори, сосед, — приостановился Иван, — пластаешься на эту корову все лето.

— А ты ес, понял, на базар сведи.

— Другой раз так и подумаешь. Но опять же — как без нее? Привыкли.

— А ты козу заведи. Сена ей на зиму — два навильника. Я, понял, забот не знаю: ради физзарядки помахая литовкой разок, и готово. Можно еще и козла в придачу — с цухом будешь. Шали нынче идут — будь здоров. Можно вообще не работать, если всё обмозговать по уму.

— Не, сосед, средю этих козлов не держал... Как-нибудь уж без них.

— Ну, тогда гляди,— Глотов снял с живота руки и неторопливо пошагал дальше. Его супруга молчком тронулась следом. Проходя мимо дома Медведевых, кивнули навалившейся на калитку жене Ивана Клавдии.

— Живут же люди! — с завистью сказала та, глядя Глотовым вслед. — Она при начальстве бумажки разбирает, он тоже шибко не уработается — отдежурит сутки в своей пожарке и трое дома. Вот и погуливают как на картинке.

— Погуливают... — передразнил жену Иван, — заводи козу и гуляй с ней, пока не лопнешь!.. Погуливают...

— А тебе бы только лаяться, — закричала жена, — была бы моя воля — исколотила бы всего поленом! Вот ведь до чего постылый стал.

Иван усмехнулся, прошел к сараю. Повесил литовку, присел на чурбак. Не мог же не простить того, что отказала с гулянкой. А ребята — вон чего удумали... На душе у него потеплело, но потом вспомнил, как маялся утром, и опять нехорошо стало. Так и ужинал с тяжелым сердцем. Но перед тем как ложиться спать — не утерпел, достал из футляра гармонь. Попиликал минуту и опустил на пол. Не шла музыка.

Наутро Иван снова пошел косить. Жене в это лето отпуск не дали, так что от нее помощи не жди. Хорошо, что ему еще подвезло... Но опять же — раньше сын приезжал, а нынче не будет: отправили, пишет, в командировку до середины июля. Может, хоть метать поможет. Одному-то тяжело придется. Да и тоскливо. Иван всегда удивлялся, как Маколкин работает — все один. Как уйдет с утра, так до вечера пластается.

А дома такие лбы играют. Вот и доигрались до тюрьмы. Николай, как посадили сыновей, корову продал. Лошадь оставил, да и то, говорит, до зимы только: покос-то бросил. Чужим людям еще что-то подвезет и все — выдохся мужик. А как работать уметь! Иван как-то шел мимо его покоса, да встал в шутку следом. Куда там! И ростом вроде не обошел его Николай, а как взялся махать без оглядки! Иван так не мог. Ему легче, когда с народом, когда можно с кем словом переброситься. Хоть с женой, на худой конец, только б не одному. Одному всякая ерунда в голову лезет. Такое, бывает, найдет, что хоть волком вой...

Выкосив ложбинку, Иван передохнул, сходил к родничку и принялся за косогор. Трава уже начинала поскрипывать, и он по два раза на прокосе точил литовку. Тут еще оводы налетели, жалили в голые руки. «Ладно, отпуск долгий — выкошу», — решил Иван и пошел домой.

День он провалился на кровати, а вечером ладо было опять идти. И Иван долго собирался: то курил в сарас, то поправлял поленницу — не глянулось ему одному.

И так всю неделю. Трава уродилась мелкая, и пришлось еще подкашивать — добирать по кустам и обочинам. В последние дни Иван косил только утрами — вечерами поспевал копать. Жена днем ходила ворочать, помогала грести, а уж копать приходилось одному. Выматывался к ночи так, что только бы до кровати добраться. За гармонь и не брался — не до нее было.

После ужина Иван выходил на крыльцо покурить. Вечера стояли душные, тяжело пахло огуречной ботвой и коровьим навозом, кислые запахи шли от сырой земли из-под крыльца. Приходили думы — тоже тяжелые и нехорошие. Иван торопливо докуривал, зачерпывал в сених ковш воды и шел спать.

В субботу приехал сын. Когда вечером Иван вернулся с покоса, тот в одних трусах сидел во дворе и ел малину с молоком. Был он в мать: грузиный, болышеносый, широкий в кости. Иван обрадовался: со дня на

день собирался дождь, а в копнах, как известно, не сено.

— Все выкосили? — спросил Михаил.

— Все. Пришлось еще в кустах подко-
сить, сегодня как раз сложили копешку.

— А я не смог нынче — замотали эти
командировки, черт бы их... То в Москву, то
в Свердловск...

— Ну, ничего, метать поможешь, а то
мне одному-то...

Михаил отодвинул чашку, потянулся:

— Застоялись косточки...

— Я тогда до Петровича сбегая.

Маколкин сидел на бревнах у ограды:
держал локти на коленях и глядел в землю.
Между пальцами дымились папироса.

— Михаил приехал, — как бы между про-
чим сообщил Иван, — я уж думал, одному
придется метать.

— Завтра думаешь?

— А чего тянуть? Он ведь только на вы-
ходной.

— Сколь накопнил-то?

— Десятка два наскреб. Выгорела трава,
сам видишь.

— Ладно, подъеду...

Маколкин послунывал окурок, сплюнул,
потер ладонями щеки. За его спиной в зана-
вешенном окошке тускло отсвечивало крас-
ное солнце, фыркала в загоне лошадь, шел
дым из трубы летней кухни. В огороде чего-
то копошилась Нюра. Маколкин молчал.
Иван потоптался, вздохнул:

— Пойду, что ли. Старуха уж, поди,
опять жалуется Михаилу, прямо не баба, а
бульдозер.

...Он как чувствовал — нашептала жена
сыну. Когда вышли покурить перед сном,
Михаил сказал:

— Жалуются тут на тебя, пап.

У Ивана разом задрожали губы:

— Ты, Михаил, всей правды не знаешь.
Я хотел, чтоб все честь по чести — собрать-
ся, посидеть. А она — разинула глотку.

— Мать говорит, что ты накануне пил.

— Чего я там пил? Ей бы только хай
поднимать... — Ивану было стыдно оправды-
ваться перед сыном и обидно оттого, что тот
думает про него плохо.

— Не пойму, что вам делить? — продол-
жал Михаил. — Живете вдвоем, дома все
есть. Чего не хватает-то?

Иван поднялся:

— Пошли спать. Завтра рано подниму.

— Да, пап, тебе, я тут слышал, гармош-
ку подарили, — сказал в спину Михаил, — ты
разве играешь?

— Научусь, — буркнул Иван, — вот сено
смечем, и возьмусь.

Подвезли к остожью пятую копну. Макол-
кин, молчком сидевший под вербой, поднял-
ся:

— Начинайте махать, я навожу.

— Да отдыхай, Петрович, — замахал ему
Иван, но Маколкин, будто и не слыша, уже
брался за уздцы.

Сток разложили на трех копнах. Михаил
скинул рубашку и, тужась так, что наме-
чались под толстой кожей мускулы, брал лох-
матые пласты.

— Не надсажайся, сынок, — охала со сто-
га мать.

— Ничего, — плевал на ладони Иван. —
Пушай разомнется. Полезно... Не всё по
свердловском ездить.

— А что ты хочешь? Чтoб он, как мы,
всю жизнь в навозе копался, свету белого не
видел?

— С тобой не то что белого, черного не
увидишь.

— Опять? — прикрикнул Иван, огляды-
ваясь.

— Прямо не человек, а зверь какой-то, —
запричитала мать, — вот что я такого сказа-
ла, что он на меня накинулся?

— Все, хватит! — тонко закричал Миха-
ил. — Совсем уже, что ли?!

Иван мотнул головой, зло ткнул вилы в
сено. Но пласт поднял легко, легко понес.

Подбехал Маколкин:

— Чисто.

— Отдыхай, Петрович, мы помаленьку ун-
равимся.

Маколкин отпустил лошадь, ушел под вер-
бу. Сел там в тени, нахохлился. Иван с сы-
ном прошли круг, стали забрасывать середину.

Маколкин поднялся, взял вилы-полустожки.

— Да мы сами, Петрович.

Маколкин подошел к свежей копне, навалился, присел — и поднялось с ним столько, что Михаил присвистнул:

— Тебя, дядь Коль, на ВДНХ надо!

— Это не мужик, а прямо золото настоящее, — отозвалась Клавдия, — такой рабочий.

— Больше, Васильевна, и не научен ничему, — сказал Маколкин, — как запряглись с войны, так и тянем.

И опять взялся кидать. Скоро пластики пришлось брать поменьше — надо было вершить стог. Иван отправил сына рубить ветреницы, сам подкосил на макушку свежей травы. Дело было сделано. Оставалось еще причесать стог, подправить подпорки.

— Давайте перекусим, — не выдержал Михаил.

Но Иван с Маколкиным все ходили вокруг стога, оглядывали его. Наконец отошли к вербе. Клавдия подала им банку с водой. Маколкин закинул голову, и по его коричневой, посеченной морщинами шее, потекли грязные струйки.

— Вы бы умылись, — поморщился Михаил.

— Ничего, теперь уж до дому, — отмахнулся Иван.

Ели сало с хлебом, хрустели зеленым луком. Еще были молоко, яйца.

— Николай, ты чего мало ешь? — заметила Клавдия, — так помог хорошо.

— Правда что, — поддержал жену Иван, — угощайся. Шутка ли — такую махину до обеда скидывать.

— Дядь Коль, давай на руках потягасмся, — предложил Михаил.

— Сиди! — прикрикнула мать, — не тягасся еще. Спасибо — тоже помог. Управились, слава богу.

— Ну, поеду, — поднялся Маколкин.

— Так ты подбегай часам к пяти, — сказал Иван, — посидим.

Маколкин косо мотнул головой и пошел седлать лошадь.

брала под черемухой на стол. Иван собрался идти за Маколкиным, но тот пришел сам. Был он в той же выгоревшей рубашке, в гармошку стянутых на животе штанах, в тех же парусиновых туфлях на босу ногу. Прошел к завалинке, достал портсигар. Иван присел рядом на корточках. Покурили и попили к столу. Клавдия принесла водки, себе плеснула на самое доньшко.

— Подождите, — остановил Михаил, — чего просто так пить. Тост надо.

— Да мы, сынок, по-вашему не приучены. Мы люди деревенские.

— А причем здесь, мам, деревенские или городские? Просто надо, чтоб со смыслом все было.

— Это точно, — сказал Маколкин, повертывая в пальцах стакан.

— Давайте выпьем, так сказать, за успешное окончание очередного трудового цикла.

— Пришлось нынче отцу помучиться, — кивнула Клавдия, — один все выкосил. И вам спасибо — тоже хорошо помогли.

— Ну, за сенокос, так за сенокос, — Иван поднял стакан, — держи, Петрович.

Выпили, похлебали крошки. Потом Клавдия принесла свежей картошки со сметаной, посидела и, махнув рукой, вынесла откуда-то из огорода еще бутылку.

— Ты их что, закапываешь там? — засмеялся Михаил, стряхивая с бутылки комочки земли.

— Не знаешь, куда и прятать от вас, — притворно заругалась Клавдия.

Михаил обнял ее за тяжелые плечи, поцеловал в висок. Мать обмякла, прижмурилась. Иван, выстукивая пальцем по столу какой-то мотивчик, покосился на жену с сыном.

— Как гармонь-то? Показал бы хоть... — сказал Маколкин.

Иван соскочил с лавки, убежал в дом. Гармонь вынес не в футляре — на плече, с развернутыми, полыхающими жарким огнем мехами. Но играть не стал — попробовал басы, пока шел, и подал гармонь Маколкину. Тот оглядел ее, постучал пальцем по перламутровому корпусу:

— Хороша штука. Не выучился еще?

Дома истопили баню. После бани мать со-

— Да все с этим сеном, — поморщился Иван, — все некогда.

— Надо было раньше учиться, — сказал Михаил, — лично мы своего пацана думаем в музыкальную школу.

— А мы с твоим отцом уж в тринадцать лет пахать вышли, — усмехнулся Маколкин, — я вот, помню, четыре класса кончил, а мать мне и говорит: «Давай, сынок, запригайся. Батка на фронте, ты в семье за старшего».

— Тогда время такое было.

— И теперь все войной страшают, — протяжно вздохнула Клавдия, — старые люди что говорят: пойдут народы один на другой и настанет конец света.

— Ну, ладно про это, — сказал Михаил, — давайте лучше споем.

Он поудобнее отвалился на спинку стула и затыкнул:

— Степь да степь кругом...

Пропел куплет и обиженно замолчал.

— Мы таких песен не знаем, — сказала Клавдия.

— Это же самая что ни на есть народная!

— Кто ее знает... Не пели почему-то...

— Ну тогда, — подумал Михаил, — «вот кто-то с горочки спустился...»

Иван ему подтянул. Пел он серьезно, вытянув из плеч шею и выпрямив спину. Вплелся в песню и высокий тоскливый голос Клавдии. Зажмурясь, она раскачивалась на табуретке большим грузным телом и шумно забирала ртом воздух. Маколкин, съезжаясь, все потряхивал головой так, будто на него садились мухи.

— Если бы еще да под гармошку, — вздохнула Клавдия, когда кончили петь.

— Ничего, и так хорошо, — сказал Михаил.

— Я прямо люблю, когда все вместе, — продолжала Клавдия, — когда все детки наши соберутся... На Ильин день вот Любаша с Таней обещались. Ты, сынок, как, приедешь?

— Если в командировку не пошлют.

— Ох, доеддишься... Спутаетесь с какой-нибудь и семью бросите.

— Не брошу. Жена у меня что надо.

— И слава богу, живите дружно. Все дет-

ки у нас хорошо устроились. И зятевья смиренные — тоже нечего обижаться. Вот и отпуск им вместе нынче дали. Любаша пишет — на Черное море собираются. Вас, говорит, поведем и поедем... Ты уж, сынок, как-нибудь поговори с начальством, пусть отпустят. Это ведь как хорошо бы всем вместе собраться.

Маколкин неуклюже поднялся и пошел со двора. Сначала даже и не сообразили, что это он.

— Ты куда, Петрович? — крикнул наконец Иван и побежал следом, но Маколкин уже уходил по переулку, и со двора было видно, как ныряла при ходьбе его темная голова.

Иван повернулся к жене:

— Ты когда свое ботало укоротишь?

— А что я такого сказала?

— Чего про детей закудахтали? Забыла, где у него?

— Правда, мам, зря ты так... — встрял Михаил.

— И ты туда же! Давайте на мать, давайте — недолго уж осталось!

— Ты еще нас обоих переживешь — вон какой бульдозер.

— Папа! — прикрикнул Михаил.

— Ой, да за что же на меня такое горюшко, — заныла Клавдия, — один всю жизнь пилит, и другой с ним же.

— Я по справедливости, — сказал Михаил, — а у вас, как ни приедешь, все одно и то же.

— Забирай с собой отца. Хоть неделю проживу спокойно. — Утирался концом платка, Клавдия стала убирать со стола посуду.

Иван ушел в сарай. Михаил пошел гладить брюки. Гармонь осталась на краю лавки. Клавдия позже вытерла ее мокрой тряпкой и унесла в дом.

Последним вечерним поездом Иван с сыном уехали в город.

Вернулся Иван на пятый день — не доехал неделю. Приехал, а дома никого — жена уже ушла на вечернюю дойку. Иван вычистил в стойке, подвязал у яблони надомив-

ниуюся ветку, поднял брошенную лопату — большие дела не находилось. А по работе он истосковался. Тыкался у сына в четырех стенах как теленок. Вот ведь — то не знаешь, куда от этой работы сбежать, а как нет ее, так еще хуже. Михаил старался ему угодить — навел гостей, наладил выпивку. За столом разговор про деревню затеял, чтоб ему интересно было. А чего они про деревню знают — и мяса нет, и молока нет, и помидоры гнилые. Особо кипятился один курносый паренек, все цифры называл, с заграничной сравнивал. Иван не знал, что и против сказать — так этот паренек все по полочкам разложил и объяснил — не к чему вроде придираться. Только казалось Ивану, что все это паренюку как чужая болезнь, что чего-то такого, что невозможно высказать, он не знает. А может, Ивану только хотелось, чтоб так было, потому что обидно, что какой-то городской понимает в деревне больше, чем он, который прожил в ней всю жизнь. Поэтому, когда, покричав, гости уткнулись в телевизор, Иван даже позлорадствовал: помякали, побякали и пету вас! Хотя легче от этого все равно не стало. Так и уехал от сына раньше, чем думал...

— Сидишь? — Иван и не заметил, как подошел к ограде Глотов, навалился на штакетник.

— Да вот...

— А Николай, понял, все — отсиделся. Лежит теперь.

— Где лежит?

— Да где — на горюшке. Как раз, понял, за посадками.

— Ты это... — Иван тяжело моргнул, — ты...

— Позавчера как схоронили.

Иван поднялся с завалинки и боком, подворачивая ногу, пошел к забору. Глотов повельнул белыми бровями:

— Не споткнись, смотри.

— Мы ведь еще вот... выпивали с ним...

— В ту ночь, понял, и повесился. — Глотов сорвал черемуховый листик, подул на него. — Я как раз утречком на озеро собрался. Там сейчас карась здорово берет. Мне Панкрат хвалился — ведрами, говорит,

таскаю. Ну, я думаю, дай сбегаю. Минут пять посидел, парочку вытащил. Один ничего, с ладонь попался. А потом слышу — какая-то баба кричит. Я еще внимание обратил: чего, думаю, орет спозаранку? А потом домой пришел — моя мне: так и так. Я туда. А он уже все — готов. Нюрка говорит, под утро вышел будто бы во двор. А потом все нет и нет. Выбежала, а он висит. Я, понял, говорю: может записку какую оставил? Да кому там ее искать? Я у конюшни пошарил — ничего.

Иван глотал горячий дым, кашлял и опять глотал:

— Как же это он так...

— А я, понял, давно за ним замечал: вроде как не в себе он. С одной стороны, оно и понятно.

Иван бросил окуроч, пошел. Сел в сарае на чурбак, скорчился. Не сиделось. Вышел. Глотов, сложив руки на животе, еще прохаживался по проулку. Иван ушел в дом, лег на кровать, закинул руки за голову. Он хотел подумать о Маколкине, но лезли другие, не нужные в этот момент мысли: о сыне, о жене, о работе. Иван пытался представить себе, как это все в жизни так устроено, что вот он живой лежит на кровати, может повеселить ногой, а Маколкин, с которым они совсем еще недавно курили на завалинке, лежит в это время глубоко под землей, и нет ему там ни света, ни воздуха. Иван сглатывал слюну, замирал и вдруг замечал, что думает про оставленные в поле плуги. Он спохватывался, начинал вспоминать, как уходил Маколкин, когда Кляшка затрезвонила про детей, хотел повиниться за это, но набегали другие картины: как мыкался у сына, как билкал на гармони.

Только голова заболела.

— Почему телеграмму не отбила? — спросил он жену, когда та вернулась с работы.

— Так вот... Сначала не сообразила, а потом уж чего — поздно... Он ведь недолго дома-то лежал — жарко.

— А Нюрка — как она там?

— К сестре уехала. Не могу, говорит, тут ночевать.

Иван помолчал, глядя в середину стола:

— А лошадь?

— Рябову продала.

Клавдия скрестила руки на груди, задумалась. Блеклые ее глаза устремились вверх:

— Это бесы его к себе утянули — больше никому...

— Чего собираешь, — оборвал ее Иван, — совсем свихнулась?

— А что ты думаешь? — Жена даже не обиделась. — Я еще раньше про это слышала. Вот про Бобылева что говорят? Как-то на покосе заговорили мужики про тех, кто сам себя решает, а он возьми привяжи к березе веревку и сунь голову в петлю. Будто бы понарошку хотел, а сам все пыхтит и пыхтит. Уж и синеть начал. Мужики-то ведь едва успели снять веревку. «Ты чего?» — спрашивают. А он им отвечает: бесы, мол, тянули назад. Им ведь только намек дай. Вот и Пиколой. Он, может, только подумал, а они уж тут как тут.

— А ты бы языком помельше молола. — Иван хотел выругать жену, но глянул на ее широкое опечаленное лицо и вздохнул — чего с нее возьмешь?

Они сидели во дворе, за тем же самым столом под черемухой, что и тогда с Маколкиным, ели картошку и запивали ее парным молоком. За забором, в сухой канаве, лежал старый козел Гловых, тянул морду к травинкам. Иван глянул на козла раз, глянул другой, потом вдруг соскочил и заорал:

— Пошел отсюда! Разлегся, скотина! Пошел!

Пошарил глазами палку, но не нашел и кинул в козла горсть земли с клумбы.

В воскресенье Иван взял у Рябова лошадь и поехал на базар продавать картошку. Дорога до городка была недолгая — каких-то шесть километров. А вот к самому павильону едва пробился: народу было столько, что запрудили все от забора психбольницы до кинотеатра.

— Что это за напасть такая? — спросил Иван у мужика, который тоже стоял с картошкой.

— Позакрывали кругом базары — вот и кинулись сюда...

Иван огляделся: везде сновали ребята с сумками, вертели в руках разную обувь, полосатые со звездочками ремни. С теми же товарами околачивались и молодые бабы. Дальше, у магазина, продавали ковры — там тоже былолюдно. Потом Иван услышал, как в стороне психбольницы заиграла гармошка. Что она там играла, он не разобрал, но сердце у него захватило. Продавая картошку, Иван нет-нет, да и поглядывал на забор, прислушивался к добегавшим до него голосам гармошки.

Стоять ему пришлось недолго — за полчаса все разобрали. Иван сбросил мешки на телегу и поехал к психбольнице.

Недалеко от забора, прямо на земле, были разложены газеты, и на них стояли гармони: старые, уже потертые, и совсем новые, откидывающие неяркие зайчики. Покупатель было маловато, подходили мужики, слушали минуту-другую и топали обратно. Иван не уезжал, тянул голову с телеги, когда кто-нибудь стоял на дороге. Иногда мужики брали гармони, наигрывали, и тогда круг становился плотнее. Но тоже ненадолго. А потом гармонь взял еще один. Этого высокого худого мужчину Иван еще раньше приметил: все ему не стоялось спокойно, то вертел своей цыплячьей шеей, то царапал себе ноги. На него поглядывали. И когда он подошел к гармониям, вокруг тут же пробежал шумок. Пробежал и стих. Мужчина просунул в ремни длинные руки, переступил с ноги на ногу так, будто застоялись они от ожидания, глубоко вздохнул. И заиграл. Его тут же обступили. Иван соскочил с телеги и протиснулся поближе.

Такой игры Иван не знал. Гармонист играл легко, будто балуясь, а с одной мелодии на другую переходил так запросто, будто за кружкой пива разговаривал. Иван сначала отмечал про себя: вот «Амурские волны», вот «Прощание славянки», а потом перестал отмечать — открыл рот и замер так. Смотрел, как липнут ко лбу гармониста редкие волосы, как подергиваются тонкие и бледные ноздри, как шевелятся сухие губы.

А гармонь уже говорила другие, незнакомые Ивану, песни — не те, которые он слышал сизмальства, и не те, которые наяривает теперь молодежь. Это была другая музыка, и она правилась ему. В какой-то миг Ивану даже захотелось затопать ногами и кипуться куда глаза глядят.

Гармонист кончил играть, передал хозяину инструмент.

— Молодец, парень! — крикнул кто-то, — дал гари!

И сразу загалдели, задвигались кругом. А гармонист кривил в неясной улыбке губы и тер о штаны ладони. Штаны у него были мятые, засаленные. «Без бабы живет, — подумал Иван, — только и радости, поди, что гармошка». Он хотел пожалеть гармониста, а вышло наоборот — себя жалко стало...

— Глянь на психов, — толкнул Ивана стоявший рядом мужик.

Из-за сплошного дощатого забора торчали больные в бледно-синих куртках и халатах. Они тесно жались друг к другу и глядели на базар с каким-то тоскливым любопытством. Среди них Ивану вдруг приглянулась чернобровая, круглолицая бабенка — аккуратно причесанная и совсем нормальная на вид. Она находилась немного в стороне ото всех и держалась весело, с улыбкой. Иван, уже было тронувший лошадь, потянул на себя вожжи. Ему вдруг захотелось подольше посмотреть на эту ладную, миловидную женщину. Вон она какая опрятная, будто точечная — не чета Квашке. Чернобровая заметила Ивана, повернула к нему чистое личико:

— Ты кто будешь?

— Я? — Он растерялся. — Да вот... картошку приезжал продавать.

— А кто я, знаешь?

Иван пожал плечами.

— Я — Людмила Зыкина! — Подмигнув, она выпростала из-за забора руки и протянула их к Ивану. — Буду петь да тебя целовать — научись на гармошке играть.

Она пропела это пронзительно громко, глядя на него во все глаза.

— Соскучилась без мужиков, — сказал кто-то рядом.

— Они соскучатся... мало, что ли, своих жеребцов. Вон — как на подбор выстроились.

— А чего, тут ума не надо.

— Туда только попади — уже не выберешься.

— Вы почему мне не хлопаете? — закричала чернобровая, — почему такие пекультурные? Эй ты, мужчина в телеге!

Иван понукнул лошадь. Та нехотя потрусила.

— Я в Париже выступала! — кричала сзади больная.

Иван привстал и принялся нахлестывать лошадь концами вожжей.

— Ошалел, что ли? — соскочивший с дороги парень зло махнул кулаком.

Иван опустил руки. Вот ведь навалилось... Вспомнил базарного гармониста. Соскочил с телеги и пошел рядом. Все неладно. И у самого, а тут еще Петрович... Эх, ма...

В деревне Иван повернул лошадь к магазину. Взял бутылку, спрятал ее в мешки. Дома прошел в сарай, достал из верстака стакан. Но только настроился, отворилась дверь.

— Лаяться будешь? Ну, давай начинай, — усмехнулся Иван.

Жена села на порог, уперла щеку в кулак. На Ивана не глядела — думала что-то свое. Он растерялся, замешкался со стаканом.

— Может... налить за компанию?

— А то я лила когда-то...

— Ну, хлебни маленько, — Иван засуетился, пододвинул поближе к порогу чурбачок.

— Что это ты вдруг — праздник, что ли, какой? — беспокойно шевельнулась жена.

— Жизнь такая! — озлился Иван, но тут же осек себя, распрямил пальцы.

— Обязательно орать надо? Что за человек...

— Заорешь тут... Ну, держи, что ли.

— Да не буду я. Мне еще огурцы щипать да солить сегодня. Кадку мне пропарь.

— Ладно. — Нащупал щепочку, стал еоскрести с верстака стружку. Не по себе ему было. И выпить вроде расхотелось, и трезвым тяжело сидеть.

— Картошки много было? — спросила жена.

— Нет, быстро разобрал.

— А чего долго так?

Иван помялся:

— Гармониста слушал.

— Еще, поди, рот разинул?

— И! разинул — тебе чего? — напружинился Иван.

— Да мне ничего — разевай. — Жена помолчала. — То ты раньше гармонистов не слышал?

— Такого не слышал, — Иван тоже помолчал, — мастер мужик. Так и горит в руках.

Жена вдруг вздохнула:

— А я ведь гармонистов раньше шибко любила. Как заиграют где — аж сердце зайдется. — Мигая, она поглядела мимо Ивана в темный угол сарая. — А вот и жизнь прошла.

Она навалилась на косяк, вытянула вперед большие, обвитые венами ноги.

— Совсем с тобой старые стали, оба никудышные. А ты еще табаком травнишься.

Не курил, все, глядишь, поисправнее было бы...

— Так вот — привычка уж...

— Привычка... А вот возьми да брось. Есть же мужики, которые раз — и бросят.

— Оно так, — кивнул Иван. — Надо будет попробовать.

— И пробовать нечего. Возьми и прямо сейчас же брось.

— Скорая ты больно.

— Об твоём же здоровье беспокоишься. Погляди, до чего дошел — кожа да кости.

— Ну ладно, привязалась, — Иван растер ботинком окуроч, — бросил.

— Хорошо, кабы так. А то... Обедать будешь?

— Маленько погоды. Сейчас чего-то...

— Я окрошку сделаю. А ты мне про кашу не забудь. Надо посолить, пока не переснели.

Она вышла. Иван какое-то время сидел не двигаясь. Потом вытер рукавом мокрый лоб. Подумал еще: с чего это вдруг? Не на солнышке вроде сидели...

ТЕХНИКА БЕЗОПАСНОСТИ

РАССКАЗ

Приснился Андрею сон: будто идет он по улице и видит свою первую любовь Катю Ковалеву. И будто машет ему Катя рукой, но как-то неясно — то ли к себе зовет, то ли прощается.

А потом повернулась и пошла прочь.

— Подожди! — закричал Андрей и проснулся.

Горела лампа. Перед Андреем на корточках сидела жена, часто дышала ртом.

— Что, дурочкой меня хочешь сделать?

Он моргал тяжелыми веками — так не хотелось просыпаться.

— Сколь живем и все орешь. — Крылышки ее туного носика разошлись и затрепетали.

Во сне Андрей кричал часто. Жена пугалась, плакала. Вот и теперь...

— Ну, ладно, Нин, ладно, — Андрей погладил жену по мягкому колену.

Она еще посидела, пошмыгала носом и пошла смотреть дочь.

Он тоже поднялся, вышел на балкон.

Было душно. Нахло настоявшейся за день теплой кислотоватой смеси бензина и гудрона. Андрей закурил, облокотился на перильце.

— Надо же — приснилась, — он посмотрел в ту сторону, где жила Катя: улица, в конце ее — башня крана, дальше уже не было видно, но он вспомнил: общежитие, молочная кухня, магазин, какое-то здание

и река. От заречья еще часа четыре поездом.

— Андрей!

Жена, когда он вернулся в комнату, легла ему на руку, прижалась.

— Кому кричал-то?

— Да... — Он погасил свет. — Мужик у одному. Он кошелек потерял, а я за ним — подожди, мой...

— Ты у меня прямо как пионер. — Она положила на него ногу и скоро уснула. А он сунул голову под подушку и зажмурился — захотелось еще раз увидеть Катю.

Но Катя больше не приснилась. На другой день Андрей вспоминал ее, но неподолгу: кольнет и отпустит. «Пройдет, — думал он, — чего уж там...»

Но прошла неделя — не проходило. Катя снилась едва ли не каждую ночь. Сны были тихие, мирные: то они с Катей разговаривали за большим некрашеным столом, то ехали на телеге по лесу. Наутро Андрей пробовал вспоминать, о чем они говорили, — и не мог, как ни силился. Даже зло брало — что ж это за беспамятство такое? Может, что интересное говорили?

Так он промаялся с неделю. А потом на работе случилась беда: травмировался монтажник Цапцин. Упал, когда делали перекрытие на стадионе. Андрей его знал: высокий такой парень с бледным лицом. И рассеянный: оставится, не поймешь куда, и оцепенеет. Сколько раз ему Андрей замечания делал. И все, как видно, без толку. Иначе бы не свалился. Хорошо, хоть жив остался, только ключицу сломал. Андрею, конечно, влетело.

Первое время, как его поставили инженером по технике безопасности, Андрей возмущался: причем он, если кто-то рот разевает? А потом привык. Хотя на душе все равно неприятно было: не любил Андрей, когда порядок нарушался. Он и дома все четко организовал: утром — подъем в семь ноль-ноль, зарядка, чай с медом, вечером — полчаса на газеты, полчаса с женой в карты, кино по телевизору — и спать. А то, что, бывает, кричит по ночам, так тут он не виноват — сон есть сон. И после случая с Цапциным ему несколько ночей снилась вся-

кая ерунда. Будто где-то на верхотуре Андрей читает рабочим инструкцию по технике безопасности. И вдруг вспоминает, что сам забыл пристегнуться карабином. В тот же миг он срывается и вопит: «Мама!». С женой чуть истерика не сделалась.

Андрею было велено усилить работу, и весь сентябрь ему пришлось мотаться по стройкам, а трест раскинул управления по всей области. В конце месяца выехал в городок Бочаты. С делами на этот раз Андрей управился быстро и часам к шести был свободен. Поезд уходил в полночь. Чем заняться? Городок был неуютным — кругом терриконы, угольная пыль. Сходил в кино — полтора часа убил. А дальше? Зашел в скверик, посидел. Погода стояла чудесная — сухо, не жарко, падал лист. Здесь, в скверике, было хорошо, но сидеть без дела Андрей не умел. Да и что-то защемило на сердце от такой погоды. Андрей походил по тротуарчику, носком ботинка сбрасывая с него листья, снова сел. Уже начинало смеркаться. «Подожди, — вспомнил он, — в трех километрах отсюда живет Катя. Может, попроведать? Все-таки первая любовь...» Он подумал немного и решил съездить.

Сразу за городком его взяла попутная. Шофер, ровесник Андрея, то насвистывал, то пробовал петь, но скоро ему это надоело, и он повернул к Андрею смуглое подвижное лицо:

— В поселок по делу или как?

— В гости, — сказал Андрей, — знакомую попроведать.

— Ясененько. У меня в Междуречье тоже есть. Но мне что — я на колесах. Сел и вперед. — Он закурил, прибавил скорость.

Дорога выбежала к реке, некоторое время ехали по самому берегу. Андрей привалился к дверце, его разморило. «Посидеть бы сейчас на бережку, — подумал он лениво, — костерчик развести, лечь так поудобнее, облокотиться».

— А у нас недавно случай был, — заговорил шофер, — одна крутила мужика мозги, крутила, а потом хлоп и к другому. А тот первый, — а по, уши в нее. Я его маленько знал. Ничего парнишка, только лысый. Из-за

этой лысины она его и променяла. А он раз — и под трамвай.

— Как это? — не сразу дошло до Андрея.

— А вот так. — Шофер выплюнул папиросу. — Был один, стало два.

— Может, любил? — сказал Андрей, но думать об этой истории было тяжело и не хотелось сейчас. Он стал смотреть на дорогу, которая под светом фар походила на прожженное одеяло, пробовал посвистеть, но у него не получилось.

Вспомнилось, как ездили с женой на дачу к сослуживцу Андрея. Нина все тянула Андрея в лес, а он отнекивался: «Зачем от народа отделяться? Нехорошо как-то...» На самом деле он просто боялся идти в лес вдвоем. Жена, похохатывая, станет тянуть его в траву — она еще помнит, как они ходили в лес, в первое лето их семейной жизни, а он уже не хотел всего этого.

Проехали железнодорожный переезд, Андрей полез в карман.

— Все, останови тут, — и подал шоферу рубль. Тот бросил деньги в бардачок:

— Будь здоров.

Улица уходила вниз. До дома, где, он помнил, жила Катя, было недалеко. Фонари здесь не горели, лишь у подъездов кое-где светили лампочки.

Андрей сунул руки в карманы и свернул на тротуар. Минут через пять он был у ее дома.

«Ну вот, увижу ее сейчас», — подумал он. И тут же понял, какую глупую поездку затеял. Почему он решил, что Катя до сих пор не замужем и живет у матери? Ну, молодец он, однако.

Андрей сел на скамейку во дворе, огляделся. Все осталось по-прежнему: башенки на углах дома, деревянный стол под черемухой. «Будем обратно топать, — усмехнулся он, — или, может, все-таки заглянем? Здравствуй-те, я ваша тетька...»

Ему стало тоскливо. И чего, спрашивается, поперся? Он подобрал ноги, чтобы удобнее было вставать, оперся о край сиденья.

Из подъезда выбежал мальчишка с ковриком.

— Эй, пацан! — позвал его Андрей, — Екатерину Алексеевну из шестнадцатой знаешь?

— Учительницу?

— Точно. Позови, будь другом. Скажи, из училища пришли.

Он подтянул галстук, поправил воротник плаща. Нескладно придумал: если из училища, то почему сам не зашел? Нелогично получилось.

— Ее мать сказала, что она еще на работе, — вернувшись, выпалил мальчишка.

— А больше дома никого?

— Дядя Сережа еще на диване спит.

Андрей хмыкнул: везет. И пошел к училищу.

Вахтерша, румяная завитая старушка, курила папиросу:

— В пристройке она, там свет горит — увидишь.

Он нашел эти окна и увидел Катю. Она сидела за столом и писала что-то на листе ватмана. Андрей узнал ее сразу — по топкой, выбегающей из воротника шее, по желтому гребню собранных на затылке волос. Он постучал в окно, и Катя тут же обернулась. Какое-то время она неподвижно смотрела в его сторону, а потом выбежала из-за стола и, навалившись на подоконник, приложила к вискам ладони. Он весело помахал ей и пошел к двери.

— Привет!

— Тут мальчишки часто балуются, и я подумала... А это ты...

Они стояли в полутемном вестибюле. Нахло сыростью, из коридора несло свежими красками. Катя повела плечами, так, будто озноб с себя стряхнула.

— Что мы тут? Пойдем.

В классной комнате была еще одна дверь: она вела в крохотный закуток без окна, где стояли стол со стулом, шкафчик и вешалка. Пока Андрей снимал плащ, причесывался, оглядывался, Катя вытащила из шкафа завернутую в газету плитку, поставила на нее болбу с водой.

— У химика позаимствовала: удобно, знаешь, и, главное, быстро...

Теперь, когда нечем стало занять себя, она растерялась: подняла к груди руки и давай крутить да оглаживать пуговицы на рубашке. Потом поправила очки, выпрямилась:

— На чем приехал?

— На попутной.

— А... как меня нашел?

— Да вот... нашел, — поиграл Андрей бровями.

— А я сегодня осталась. Газету к Дню учителя рисую. Все, знаешь, веселее. — Катя усмехнулась. — Ты в командировку?

Он хотел сказать, что да, в командировку, но решил сделать ей приятное:

— Нет, я специально. Ты мне снилась, — вспомнил он.

— Вот как? — Она вдруг заморгала и неловко отвернулась к шкафу. Долго копошилась там.

— У меня тут целый буфет... Варенье будешь?

И принялась выставлять на стол чашки, банку с вареньем, кулек с крендельками. Андрей вспомнил про бутерброды, которыми запаса на обратную дорогу.

— Жена приготовила? — Что-то замерло в ней.

— Сами с усами.

Катя опустила плечи, сходила в класс, принесла стул. Закипела в кобде вода. Катя заварила чай, и они сели друг против друга.

— Как живешь, Рахманов?

Она слушала его, склонив голову и царапая ноготками стол.

— А ты? — спросил Андрей.

— Я-то? — Катя уложила руки вдоль стола. — Хорошо живу...

Что-то натворили ее ученики, что-то сказал химик — она словно докладывала об этом на педсовете: громко, глядя куда-то в верхний угол.

«Вот и встретились, — подумал Андрей, — сколько не виделись...» Они не виделись почти шесть лет. И теперь он смотрел на нее и видел: это уже не та Катя, которая прибегала по утрам в его общежитие, — та не носила очков, в голосе той Кати не было этого металлического привкуса, и она не уме-

ла говорить так торжественно и четко. Не то, чтобы Катя постарела, но она стала другой, не той, какая снилась. «Не надо было ездить, — подумал он, — к чему теперь все это? Все было давно и неправда».

Он потянул пальцем щеку, вздохнул. Катя тут же оборвала себя:

— Заговорила я, Рахманов. Знаешь, — она помедлила, покусывая губы, отворила шкафчик и вынула оттуда еще одну колбочку, — тут спирта немного — химик все одаривает... Выпьем?

Андрей кивнул.

— Ты не подумай только, что я тебя спаиваю, — как-то непривычно суетясь, Катя разбавила спирт водой. Выпили. Катя достала из шкафчика яблоко, надкусила и протянула Андрею. Он отказался, взял бутерброд. Жевал и поглядывал на Катю — на бледных ее щеках быстро проступал румянец.

— Что, не та я? — спросила Катя и сняла очки. Ее глаза стали беззащитными и жалкими. Она ждала чего-то, ловила его взгляд, щурясь и помаргивая.

— Ну, что ты, — пожал плечами Андрей, — ты прежняя.

Он еще долил себе из колбочки, спросил Катю.

— Мне хватит, — покачала она головой, — мне и этого хватит.

Андрей пил редко и быстро пьянел, а тут еще спирт. Ему стало легко и хорошо. Он поднял голову — Катя была рядом, и, как это ему однажды приснилось, они так же сидели за столом и разговаривали. И все это чепуха, что она какая-то не такая.

— Ты прежняя, Катя, — сказал Андрей и оглянулся: дверь была закрыта. Он встал, и Катя тут же поднялась, уронила на стол остаток яблока. Андрей обнял ее. Катя даже не пыталась отвести руки. Вышептывая что-то, она вытягивалась к нему на цыпочках, охватывала его затылок ладонками. Он пробовал удерживать ее лицо, а оно, мокрое, выскальзывало из рук.

— И вот ты приехал. — Уже прижав к его плечу, говорила она скачущим шепотком. — И я так рада, о господи...

Андрей гладил ее подрагивающие лопатки, целовал ее висок, волосы, и ему ни о чем не хотелось думать. Он узнавал ее быстрые пальцы, ее маленькое беспокойное тело.

— Я вышла замуж, потому что надо было к кому-то прислониться. У меня еще нет детей, я еще чего-то жду все, жду. Почему я не твоя жена, Рахманов, миленький мой? Ты приехал — какое это счастье!

Притихнув, она дышала ему в плечо так, как протаивают зимой паледь на стекле — согревая во рту воздух.

— Знаешь, — голос ее стал печальным, — ведь это все уходит.

— Что? — рассеянно спросил он.

— И дни и годы... А так охота прожить их в радости. А ведь мы понимали друг друга, помнишь?

Андрей промолчал — просто кивнул в ответ, коснувшись подбородком ее затылка. Он не успел заметить, как стал трезвым. «Как бы так сказать ей, что я приехал просто повидаться, — думал он, — так, чтоб не обидеть...»

— Целых шесть лет не видется, — она будто разговаривала сама с собой, — я не видела тебя во сне, мне вообще ничего не снится, но я ждала, честное слово, ждала, и вот... господи.

«Сейчас будет заглядывать в глаза», — подумал Андрей и опередил ее. — Все это не так просто.

— Я понимаю, — перебила Катя, — но давай сейчас не будем про это. Главное, что ты приехал.

— Понимаешь, у меня же дочь, — сказал он и переступил с ноги на ногу. Только искнула половица.

Катя молчала. Андрей нашел ее руки — пальцы были сжаты. Постояли. Он посмотрел на часы, вздохнул:

— Мне пора.

— Да, конечно. — Она отстранилась от него и шагнула к вешалке. Надев плащ, достала зеркало, платочек. Словно забыв об Андрее, долго приводила себя в порядок, а когда повернулась, он увидел ее такой же,

какой встретил: испрощаемой и строгой учительницей.

На улице Катя спросила:

— На чем ты сейчас?

— На кисловодском.

— Я тебя провожу. — Она взяла его под руку.

Они вышли на дорогу. По обочинам стеной стояли тополя, листва была передавлена, и ноги мягко зарывались в мелкое сухое крошево.

— Вот и осень, — вздохнул Андрей.

— Да, — ответила Катя.

Они шли и молчали. Потом дорога свернула вправо. Впереди, примерно в километре, съестился огнями вокзал.

— Я здесь дойду, — сказал Андрей, — а то тебе еще добираться.

— Иди, — Катя поставила к ногам сумочку, скрестила на груди руки. Он топтался рядом, не решаясь вот так взять и уйти.

— Ты не обижайся...

— Да, конечно.

Он хотел обнять ее.

— Не мучайся, Рахманов, — Катя толкнула его в плечо, — иди.

На подороге Андрей не выдержал — оглянулся: Катя все стояла. Ему показалось, что сейчас он не выдержит, вернется. Вот так остановится и пойдет назад. И пусть все горит синим пламенем. Такое, может, раз в жизни...

На привокзальной площади он нашел скамейку, прикрытую от света афишной тумбой: оглянулся, нет ли кого кругом, и сказал:

— Я от бабушки ушел, я от бабушки ушел...

На вокзале люди штурмовали кассу: с юга возвращались отпускники и с билетами на этот поезд было туго. Хорошо, что Андрей позаботился об этом заблаговременно. В купе он лег на нижнюю полку, закинул за голову руки и уснул. Приснился ему незнакомый лысый мужик. Он бежал за Андреем по улице и, размахивая его, Андрея, кошельком, кричал: «Э-э, подожди!»

Алексей Бельмасов

СОВЕСТЬ

маленькая поэма

Посвящается учителям,
погибшим в первые годы
Советской власти
от кулацкой пули.

Наверное, оттого, что тучи роем
Утопили луну за один нажим,
Никто не видел,
как крались трое,
Темноту накалывая на ножи.
А утром, когда зарю оголтело
С деревьев сонных склевывали птенцы,
За деревней нашли

Молодой учительницы.
Это было!

было давно!

...зном поля палит,
На солнцепеке связка дорог,
Деревня по грудь в пыли.
В каждый дом, в грязь и в уют,
Где шепотком, где вслух,
Так, что волосы дыбом встают,
Вползает слух,
Страшный.

чудовищный,
жуткий бред

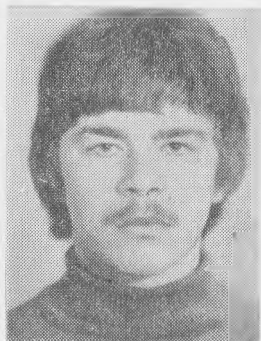
Болью, бедой застиг —
Девушку девятнадцати лет
Уже не спасти...

Там, где остановился миг,
Где лес задохнулся от слез,
Последний.

по-детски пронзительный крик
Вмерзает в стволы берез...

1

Россия!
Прости мне, что стоном в горле,
вчерашняя,
не удержалась ты,
что ГОРЕ твоё обнажаю,
годы
срывая,
как высохшие бинты.
Прости мне, что трогаю раны снова,
что боль причиняю,
прости —
мне плиты гранитные дали слово,
и камни надгробные,
и кресты.
И старая роща дала мне слово,
и этот вот холм земляной,
холм,
над которым воздух спрессован
новорожденною тишиной.
Не я,
так другой это слово выжжет,
не я, так другой
расскажет о том,
что зори твои
от крови не выжать,
что ночью земля
издает стон
везде,
где траншеи лежат, как шрамы,
где встали надгробия
чередой,
везде,
и здесь — у могилы,



той самой
учительницы молодой.

В музее,
под тишиною мерной,
под тяжестью многих лет
хранится,

навылет пробитый смертью,
ее комсомольский билет.
И фотография — снимок старый,
с которого всем нам

издалека
она улыбнулась,
как будто знала,
что надо без страха
шагнуть в века.

...Я видел однажды
(сквозь времени дымку
сберечь бы такое и пронести),
старик наклонился над этим снимком
и дрогнули губы:

— Прости... прости...
И слезы,

как будто виновен в чем-то,
протяжно текли по его щекам...
Смотрела на старина девчонка
и не узнавала ученика.

А он все стоял, согнувшись нелепо,
к желтому снимку глазами припав,
и плакал чуть слышно,

и как-то слепо
вздрагивал правый пустой рукав...
Это не бред,
это было! было!

2

Но разве могло быть иначе —
Мы носим живые цветы на могилы,
А совесть

плачет.
Мы зажигаем Вечное Пламя
И боли в глазах не прячем —
Павшие — с нами,
навечно с нами,

Но совесть
плачет.

Мы помним погибших,
но разве легче,
Разве спокойней станет
В Минуту Молчанья,
когда на плечи

Не тяжесть,
а совесть давит.
Когда тишина города застелит,
У нас для защиты все есть,
И все же срывает
солдата с постели

По первой тревоге
совесть.

И так будет вечно!
За нами люди
Дорогой пройдут хорошей,
Но легче не будет, им легче не будет
Под памятью — вечной ношей.
Им легче не будет,
и в зной, и в слякоть,

И в холод, прожженный порошей,
Будут они на могилах плакать
Под памятью — горькой ношей.
Им легче не будет нести, как гордость,
Всю память и боль о прошлом
И жить,

и любить эту землю горбясь
Под совестью — вечной ношей.

3

Россия!
Над каждой твоей тропинкой,
Над каждым клочком земли,
Где воздух великою болью пропитан,
Благослови меня, благослови,
Быть стоном твоим, Россия.
Ты — горе в моей крови,
Россия,

ты гордость моя и сила!
Благослови меня,
благослови.

г. Ленинск-Кузнецкий

Александр Головков

ЭКСПЕРТИЗА НА ИСКРЕННОСТЬ

Фантастическая повесть



День выдался таким же теплым, как предшествующий, как другие дни в конце мая. После бессонной ночи и унылых размышлений он воспринимался особенно красочно, но не радовал Бокина. Бокин давно осознал, что хочет осмысленной размеренной жизни, спокойной и плодотворной. Мучает жажда перемен. Но только жажда. Он не пытался удовлетворить ее. По сути дела, он просто мечтатель.

Говорят, в Старом городе на Зеленой улице есть какая-то таинственная фирма, которая занимается осуществлением мечты человека, заключившего контракт. Правда, ее никто не видел. В ее существование, конечно, можно не верить.

К полудню к Бокину нагрянул Захаркин — тридцатитрехлетний, жизнерадостный, чуть располневший человек. На этот раз он в оханке держал шесть бутылок вина и сетку с продуктами.

— Пить будем, — сообщил он, вваливаясь в помещение.

Захаркин каждый раз решал сам, как провести выходной, Бокин каждый раз оставался недоволен его решениями, но никогда не предлагал ничего взамен и не сопротивлялся, так что Захаркин даже не подозревал о его недовольстве.

Захаркин сложил принесенное на столик.

— Я сейчас. — Он снова метнулся к двери.

— Ключ возьми, — успел сказать Бокин. Захаркин на мгновение задержался.

— Будь при параде, приготовь стол. Через пятнадцать минут нас будет четверо.

Захаркин громко поцеловал три пальца, сложенные в щепоть.

— Ищите женщину! — выговорил он, скрываясь за дверью.

Бокину стало понятно, что этот день пройдет так же, как и предшествующие дни, так же бессодержательно. Глупо, наверное, искать смысл в каждой минуте, но не менее глупо не находить его во всей жизни. Сейчас Бокина волновало содержание каждого дня; время идет, в двадцать семь лет многие уже имеют детей, а Бокин холост, в его возрасте многие добиваются успехов в работе, а Бокин на распутье. По специальности он инженер-машиностроитель; кроме того, он увлекается шахматами, радиотехникой и скульптурой.

Бокин без всякого вдохновения сервировал стол. Через четверть часа появился Захаркин с двумя женщинами лет двадцати трех, которые с первых минут повели себя просто, без стеснения. Завязался беспредметный разговор, наполненный пустыми фразами. Впрочем, эти две женщины, Ира и Люда, были

вовсе не глупы и не лишены интеллекта, и явно чувствовалась формальность разговора, но, в самом деле, не сидеть же молча. Вскоре пошли в ход пластинки, начались танцы, посыпался смех, и разговор стал приобретать некий кажущийся смысл, но, тем не менее, Бокин все более впадал в апатию.

Вечером ушел Захаркин с Ирой; Бокин стоял у окна, смотрел куда-то вдаль и не сразу заметил их уход. Когда сработал авто-стоп, выключивший пластинку, и наступила тишина, Бокин повернулся, окинул взглядом комнату, увидел Люду, сидящую на диване, одновременно с любопытством и грустью рассматривающую Бокина. Она была симпатичная, со вкусом одета. Бокин сел с ней рядом, стараясь, чтобы голос звучал мягче, спросил:

— Ты пойдешь домой?

Улыбнувшись, женщина тихо произнесла:

— Странный ты человек, Витя Бокин. Даже смешной.

Она подошла к столу, налила фужер вина и с деланным лукавством спросила:

— Ты не предложишь мне выпить?

— Нет.

Люда села на прежнее место, выпила вино, поставила фужер на пол, потом, насмелившись, обняла Бокина и повалила на диван, засмеялась, но, встретив спокойный взгляд Бокина, погрузилась и встала.

— Жизнь очень усложнилась, — с сожалением произнесла она. — Условности, сплошные условности. — Она покачала головой. — Часто я даже наедине с собой боюсь быть откровенной. Смешно?

— Нет, не смешно, — отозвался Бокин. — Но люблю я не тебя, а одну не очень красивую девушку со старомодным именем Лиза.

— Счастливый ты человек. — Люда вздохнула.

— Моя любовь безответна, — возразил Бокин.

После недолгой паузы он задумчиво проговорил:

— Не знаю, буду ли я когда-нибудь вспоминать этот день, тебя, Захаркина, этот город. Не знаю. Не хочу вспоминать. Так все надоело.

Он холодно посмотрел на женщину.

— Иди домой.

Сегодня Бокину сообщили, что исчез один из его рабочих — Саша Измайлов. Найти ему замену на рабочем месте не составило труда. Но все-таки неприятно. Бокин старался вспомнить Измайлова; неудивительно, что это удавалось ему с трудом и в самых общих чертах: Измайлов припел недавно — худенький паренек невзрачного вида.

Бокин сидел в кресле, откинувшись на спинку, положив ногу на ногу, одна рука на подлокотнике, чистил ногти специально предназначенной для этого пилочкой. На большом письменном столе — чертежи, книги, листы чистой и исписанной бумаги, архивные папки, два телефона, календарь, ручки — веком; не было только интереса к работе.

В дверь постучали.

Бокину это сразу показалось странным и противоестественным. Давно уже не принято стучать, входя в кабинет начальника цеха. Через паузу появился человек лет тридцати пяти, аккуратно одетый и деликатно настроенный.

— Вы ко мне? — удивился Бокин, принимая рабочую позу.

— Пожалуй, если ваша фамилия Бокин. — Незнакомец вопросительно наклонился.

— Вы страховой агент? Или психолог?

— Ни то, ни другое. — Человек смущенно улыбнулся. — Хотя отчасти... У меня к вам дело.

Бокин предложил сесть, настроившись внимательно слушать.

— Мы с вами в некотором роде деловые партнеры, — продолжал человек, расположившись по другую сторону стола. — Мы занимаемся некоторыми вопросами воображения и духовной удовлетворенности. Наша фирма находится в Старом городе на Зеленой улице...

Бокин резко встал из-за стола, так, что уронил кресло, быстро подошел к двери, на ходу достал ключ, вставил и повернул ключ в замочной скважине.

— Но ее никто не видел; о ней много говорят, но ее никто не видел! — Бокин поднял голос, в то же время стараясь говорить тише.

— Туда приходят только, чтобы заключить контракт, — пояснил незнакомец, выдержав паузу, поглаживая ладонью крышку стола. — Вы хотите, чтобы ваши мечты сбывались?

— А почему именно я? — у Бокина дрогнул голос.

— Ну, если мечты будут сбываться у каждого, получится слишком большая путаница. Да и количество мест у нас ограничено. Кроме того, при выборе кандидатуры мы исходим, в частности, из того, что человеку свойственна мечта быть бессмертным, при условии, что она реальна; тем не менее, существуют и самоубийцы; мы заинтересованы в том, чтобы человек жил дольше. Но это, конечно, далеко не единственный критерий. Одним словом, после обработки ваших данных, нам рекомендовано заключить с вами контракт.

— Да, понимаю... — Бокин задумался, стоя напротив незнакомца, глядя в пол. — На каких условиях? — Он бросил на человека свой непроницаемый взгляд.

— Этого я не могу вам сейчас сказать. Поймите меня правильно, я только исполнитель, мне известно только, что оно одно и никого еще не стесняло. Еще я должен вас предупредить, что для заключения контракта предварительно необходимо ваше искреннее согласие, искренность — гарантия.

— Что-то много всяких «еще» и «только»...

— Да, еще я должен сделать оговорку, что договор вступит в силу не с определенного срока, а когда вы пожелаете, и тогда вы сможете войти в Эйфорию — столицу идеальной Земли, исполняющей желания, или остаться в своем же городе, местность не играет никакой роли.

Бокин напряженно усмехнулся, сунул руки в карманы; он смотрел в окно, стараясь предвкушать все прелести новой жизни и угадать, что в этом плохого.

Ослабив галстук, он медленно повернулся к человеку, машинально достал носовой платок, вытер вспотевшие ладони, произнес:

— Мне нужно подумать, чтобы не обещать вам зря.

— Конечно. Когда решите, зайдите на Зеленую улицу. — Незнакомец спокойно встал, уверенно направился к выходу, любезно прощаясь:

— До свидания. Мы будем вас ждать.

— Какой дом? — спохватился Бокин.

Человек на секунду задержался у двери:

— Я вас провожу.

Дверь еще не успела захлопнуться, как он исчез.

Бокин снова смотрел в окно. Одно дело мечтать, другое дело решать серьезно. Мечтать безответственной. В то же время, мечта — необходимое условие прогресса. Масло не масляное.

Бокин вздрогнул от стука в дверь, растерянно повернулся. Стук повторился настойчивей, донесся звонкий голос механика:

— Виктор Васильевич, откройте: остановился конвейер!

В замочной скважине торчал ключ.

Электричка уходит в 10.24. Нужно успеть. Иначе сорвется его однодневная командировка, связанная с производственной необходимостью.

Бокин торопился. Дыхание мощное и ровное. Пиджак и галстук — в руке, рубашка растегнута. Асфальт мягкий, как глина. Еще сто метров и две минуты в запасе.

Тенистая аллея кончилась. Бокин побежал через газон и остановился на обочине дороги, по которой тянулся поток автомобилей. Проскочило несколько малолитражек вилотную друг за другом, автобус, еще несколько малолитражек, потом длинный рефрижератор, за которым поодаль следовал джип. Бокин решил, что успеет, и рванулся на встречную полосу. Истеричный надрыв клаксона, визг тормозов... Бокин успел повернуться — грузовик уже находился в двух-трех шагах. Но ведь контракт заключен! Грузовик словно замер... Ислуганное лицо шофе-

ра, всем телом налегшего на руль, ехидный зигзаг канота, злые штрихи радиатора начали удаляться, расплываться, сливаться во что-то серое...

Все слилось в серую стену, от которой отъезжал Бокин, стоя на эскалаторе. Зачем он здесь нужен, эскалатор, движущийся из тупика, замкнутого тремя высокими стенами? Только кусочек синего неба вверху. Эйфория?

Эскалатор доставил Бокина к широко и приветливо распахнувшейся двери из коричневой пластмассы и стекла. Бокин вошел в большой куполообразный зал, украшенный резьбой по дереву, искусно освещенный неоновыми лампами. Гулко стучали туфли; рубашка по-прежнему расстегнута, пиджак и галстук — в руке.

Ну уж если это действительно Эйфория? Как-то некстати... Или, наоборот, кстати? В любом случае, он не готов. Надо было хоть денег захватить с собой побольше. Первый раз в неизвестном городе... Расходы неизбежны. А может, здесь другая валюта; может быть, они дадут хоть немного на первое время? Хотелось бы не испытывать трудностей. В конце концов Эйфория — город, где исполняются мечты.

Успокоившись, Бокин с удовлетворением заметил, что для начала все не так уж плохо: строить они умеют, и хозяйева, видно, не угрюмые.

Он неторопливо застегивал рубашку, когда услышал за спиной шаги. Приближался пожилой мужчина, старательно рассматривая помещение. Подойдя вплотную к Бокину, он удостоил его восхищенным взглядом и, расплывшейся на лице улыбкой, объявил:

— Я готов!

— Я, пожалуй, тоже, — нерешительно произнес Бокин.

— Тогда пойдете.

— Куда?

— О, простите старика! — всплеснув руками, мужчина доверительно наклонился к Бокину. — Вы тоже оттуда? Я так и думал, что не пропаду здесь в одиночестве. Тогда давайте знакомиться. Лисянский Валентин Андреевич. — Он протянул руку.

— Бокин.

Переступая с ноги на ногу, Лисянский осмотрел Бокина с головы до ног и насмешливо спросил:

— Простите, что это у вас за странный вид, точно вас «взяли».

— Я только что чуть не попал под машину.

— Ну, «чуть» — это не в счет... — потирая интерес, произнес Лисянский.

— А на вас, я вижу, костюмчик тоже не новый, — с иронией заметил Бокин.

Лисянский засмеялся:

— Конечно, новый я оставил жене: продаст; зачем брать с собой, когда тут и так все будет?

Бокин неопределенно качнул головой, Лисянский двинулся к центру зала, любуясь его оформлением.

— А вы знаете, — Лисянский заговорил громче, — здесь должно быть чудесно. Попробую получить здесь квартиру, обязательно заведу собаку...

Бокин пытался нацепить на шею галстук. Кое-как ему удалось обойтись без зеркала.

— Извините, что заставил вас ждать, — раздался снова голос. Элегантно одетый молодой человек совершенно бесшумно двигался по залу, приближаясь к Бокину.

— Это вы Бокин? — Голос у него был приятный.

Бокин кивнул.

Молодой человек повернулся к Лисянскому:

— Вас я попрошу извинить меня за то, что вынуждаю подождать еще немного.

— Ничего, ничего, я подожду, — с улыбкой поспешил заверить Лисянский.

— Пройдите, пожалуйста, сюда. — Молодой человек распахнул перед Бокиным дверь. От неожиданности Бокин растерялся.

В небольшой светлой комнате стоял длинный полированный стол, за ним — два толстых человека с красными перевязями. Бокин и его спутник остановились с другой стороны стола. Захватывала атмосфера торжественности, минула напряженная пауза.

— Итак, договор вступил в силу, — громко произнес невысокий лысоватый муж-

чина. — Вступая в новую жизнь, помните, что она — одна; безгранично пользуйтесь тем, что вам дано, прислушивайтесь к голосу сердца, будьте искренним, любите и мечтайте, и пусть ваши мечты сбываются; ваше пространство 308РЗ, чувствуйте себя как дома; то, что иногда с нами происходит, остается навсегда в нашем сердце и нашей памяти; счастлив тот, кто вобрал в себя больше, чья ноша тяжелее; будьте счастливы!

Зазвучала музыка — какой-то марш, распахнулась вторая дверь, ведущая в другой зал, аналогичный первому. После церемонии рукопожатия молодой человек взял Бокина под руку. Когда они вышли, молодой человек снова непринужденно заговорил:

— Прежде чем отправиться в путь, еще одна формальность: я должен передать вам деньги и дать разъяснения на первый случай. Зайдите, пожалуйста, ко мне.

Парень открыл маленькую дверь в совсем маленькую комнату без окон. Боком к двери стоял письменный стол, с одной стороны — стул, с другой — мягкое кресло, у стены рядом со стулом — большой металлический сейф.

Из сейфа он извлек несколько свертков, саквояж и листок бумаги.

— Садитесь, если желаете, — предложил он.

Подумав, Бокин сел.

— Вам причитается получить две тысячи раллдов; эта сумма передается вам безвозмездно в связи с тем, что у вас в первые же часы, и особенно в первые часы, неизбежно возникнут расходы. А потом вы будете получать зарплату за рекламирование мечтательности, так определено контрактом; годится реклама любого вида, например, плакаты....

— А зачем вам нужна реклама?

— Ну... сами потом поймете. Всею нужна реклама. Возьмите, пожалуйста. — Человек вскрыл свертки и выложил перед Бокиным пачки новеньких денежных билетов синего цвета.

Бокин смутился:

— Мне некуда их положить.

— Так вот, я вам саквояж приготовил.

Человек через стол подал саквояж, Бокин сложил в него деньги.

— Расписки не нужно? — спохватился Бокин.

— Как хотите.

Отказываться было стыдно, Бокин составил расписку.

— Теперь прошу ознакомиться с этим. — Человек протянул листок бумаги. — Код вашего подпространства 308РЗ...

— Как это понять?

— Ну, если не вдаваться в подробности, скажем так: код ваших желаний. Ваших личных. Правила пользования Рынком предусмотрены соответствующей инструкцией. Вам не рекомендуется принимать участие в развлечениях какого бы то ни было рода в других пространствах, а также привлекать к этим занятиям посторонних лиц. По любому вопросу вы можете получить исчерпывающий ответ в справочном бюро. Телефон 11. Там указано. Это, пожалуйста, храните у себя как памятку.

— Простите, я не вижу здесь телефона пожарной части, милиции...

Молодой человек улыбнулся:

— У нас нет ни хулиганов, ни воров. Пожаров тоже не случается. Так что не беспокойтесь. Ну-с, я вас, пожалуй, провожу, чтобы вы не скучали, пока освоитесь. И вообще, пока вы здесь, я буду вашим гидом.

— Как вас зовут?

— В сущности, это не важно, — со смущенной улыбкой на губах ответил гид, — важно, чтобы между нами сложились крепкие дружеские отношения.

— А город у вас большой?

Гид дружелюбно улыбнулся:

— Сейчас вы все сами увидите. Не хочу утомлять вас рассказами.

Город обещал быть большим. Ведь Эйфория — столица, причем столица всей Земли. В то же время не хотелось, чтобы он был очень большим: трудно ориентироваться. Хотелось, чтобы он так же, как и большинство городов, делился на старый и новый. Старый — старинные сооружения: соборы, дворцы, кирпичные дома — история города.

Новый — это то, чем город живет сегодня. Хотелось увидеть сначала новый город: озелененные улицы, огромные площади, стремительные потоки автомашин; счастливые люди: деловые и веселые одновременно...

Так оно и было. Из двери административного корпуса, откуда вышел Бокин со своим гидом, открывался вид на площадь, от которой разбегались в стороны четыре улицы, засаженные молодыми березками, несущие потоки автомашин; крупнопанельные жилые дома; многочисленные прохожие, деловые и веселые одновременно.

— Я думаю, вам прежде всего нужно позаботиться о жилье, — сказал гид, когда они шли по площади. — Что бы вы предпочли? Скажите, может быть, я вам что-нибудь посоветую.

— Я бы хотел иметь дом с садиком во дворе, — озираясь, несмело ответил Бокин.

— Тогда вам нужно побывать в Озерном районе. Туда ходит семнадцатый автобус.

Бокин поблагодарил, сказал, что дальше провожать его не нужно, гид указал, где находится автобусная остановка, и они дружески расстались. Автобуса не пришлось ожидать долго. Бокин опустил в кассу пятак, оторвал счастливый билет, уселся на сиденье и поехал в Озерный.

Район напоминал дачный городок: несколько параллельных улиц, по обе стороны которых тянулись ухоженные домики с приусадебными участками. Одни из них были довольно привлекательны, другие неказисты. Но все это было не то, что искал Бокин. У Бокина создалось впечатление, что район знаком ему, что он видел уже где-то такие слишком обычные постройки. Он искал нечто уютное и изящное, некрикливое и красивое. Он представлял, как примерно это должно выглядеть...

И тут он увидел двухэтажный небольшой домик с балконом, с резными, но неброскими ставнями, с просторной мансардой, маленький теремок, утопающий в цветущем саду. Именно о таком он и мечтал.

Бокин осознал, что находится он в Эйфории, что мечты должны сбываться. Это естественно. Но что значит мечта и что зна-

чит сбываться? А если у него, допустим, появится мечта занять крылья, стать птицей и полететь? И она должна сбыться? Но ведь это же чужь! Не верилось также, что ему удастся здесь поселиться. Каким чудом это может произойти? Разве что счастливое стечение обстоятельств; разве что хозяин дома, какой-нибудь старый добрый человек, решил свое последнее время провести в кругу близких ему людей, что мало вероятно.

Тем не менее, Бокину очень хотелось, чтобы дом продавался. Он долго стоял у калитки, мучимый сомнениями; наконец он решился постучать.

На стук торопливо вышел старичок небольшого роста в поношенной, но чистой одежде.

— Здравствуй, дедуля, — невольно ласково произнес Бокин.

— Здравствуй, здравствуй. — Старичок быстро отпер калитку. — Проходи, мил человек, проходи...

Бокин почувствовал себя неловко.

— Проходи в хату, сынок. Чем смогу, рад помочь, коли печаль, али дело какое...

— Да я просто хотел узнать... — Бокин замялся, — не продается ли дом?

— А как же, как же, милый? Проходи в хату, не пристало человеку нином зря стоять.

— Так что? — следуя за стариком, спросил Бокин.

— А что, я свое налюбовался. Есть что вспоминать напослед дней... Я теперь к племяннику собираюсь. Куда же его? Продастся, продается... Поселяйся тута, сынок...

Старичок тотчас уехал, продав дом вместе с мебелью за триста раллдов.

Бокин долго бродил по комнатам; половицы не скрипели, нигде ни пылинки; старинный комод, очень понравившийся Бокину, накрыт белоснежной накидкой с большими розами по углам, вышитыми гладью. На кухне он подошел к Эму — так старичок назвал домашнего повара, принимающего заказ с голоса и почти мгновенно выдающего практически любые блюда в соответствующей посуде. Внешне он представлял собой обыкновенный деревянный ящик размерами с тумбоч-

ку, висящий на четверть выше кухонного стола, задняя стенка которого воедино слита со стеной дома; дверца, автоматически открывающаяся после выполнения заказа; выше дверцы — узкая панель цветовой индикации: разноцветные мигающие лампочки. Старик объяснил Бокину, как им пользоваться; Бокин решил теперь испытать; захлопнув дверцу, приказал:

— Сметану.

Вспыхнули и погасли лампочки, раздался щелчок, дверца открылась, в ящике стоял обильноовенный граненый стакан, в меру наполненный сметаной. Бокин оценивающе оглядел стакан и, не притронувшись к нему, закрыл дверцу.

— Бутылку вина трехлетней выдержки и горячий шницель.

На этот раз лампочки мигали чуть дольше; тот же щелчок — открылась дверца. Стояла бутылка вина, закупоренная, оклеенная красивыми этикетками, надпись мелким шрифтом: «МПП СССР»; рядом фужер и блюдо с дымящимся шницелем.

Бокин не сдержался, поставил вино и блюдо на стол; распечатал бутылку, плеснув в фужер немного вина, осторожно понюхал его, потом попробовал — вино хорошее. Он с любопытством осмотрел Эма изнутри — ящик как ящик.

Бокин инженер. Но в данном случае принцип действия Эма ему непонятен: если это электронное устройство, приготавливающее нишу, то как можно за секунды приготовить вино трехлетней выдержки, а если только выдающее устройство, то где-то должен находиться запас посуды и продуктов, причем как в горячем, так и в холодном состоянии, которые как-то должны попадать внутрь ящика. Видимо, в стене проем, и задняя стенка ящика открывается. Бокин постучал в нее — звук был глухой.

Пожав плечами и выпив фужер вина, Бокин снова отправился в комнаты: зачем доканиваться, как работает эта штука, — главное, что она дает то, что нужно.

В комнатах он сделал некоторую перестановку мебели: диван отодвинул в угол зала, журнальный столик к стене, к нему придви-

нул кресло и торшер; большую кровать поставил посреди спальни комнаты. Процесс перестановки доставил ему удовольствие.

Раздался мелодичный звонок. Сообразив, что звонит телефон, Бокин снял трубку.

— Привет, старина! Это Лисянский. — Он говорил безудержно радостно. — Представляешь, я нахожусь уже в новой трехкомнатной квартире! Стоило только попросить их об этом. И собаку уже завел — чистокровный доберман-пинчер по кличке Кэлли. Симпатичная псина. Вишительная. Хочешь послушать, как лает?

В трубке послышалось чье-то частое дыхание и отдаленный голос Лисянского: «Пуска, гавкни разочек». Следом в телефоне громынуло так, что Бокин чуть не выронил трубку. Снова прислонив ее к уху, он услышал:

— ...я все-таки был прав. Это просто рай. А как у тебя дела?

— В общем, нормально. Тоже получил то, что хотел, — без энтузиазма ответил Бокин.

— Ну ладно, старина. У меня тут есть еще кое-какие делишки... Завтра созвонимся. Пока!

В трубке загудело.

— Пока...

Бокин положил трубку, телефон снова зазвонил.

— Витя... — донесся грубоватый женский голос.

— Да, — удивляясь, кто ему может звонить, ответил Бокин.

— Витя, ну пусти меня, — попросило из трубки.

— Как? — не понял Бокин.

— Витя, ну что ты притворяешься? Зачем голос изменил? Я тебя обидела?.. Не валяй дурака, нажми клавишу на телефоне.

Бокин осмотрел телефон, вмонтированный в подоконник, заметил внизу клавишу, нажал на нее и стал ждать, что будет дальше, прислушиваясь к шуму в трубке.

Он вздрогнул от скрипа входной двери и повернулся. У двери, робко озираясь, стояла женщина лет тридцати, высокого роста.

— А где Витя? — дрогнувшим голосом спросила она. — Витя Окунев?

— Оккупев? — повторил ошеломленный Бокин.

— Ну да.

— А я с ним не знаком... Это вы звонили? — вдруг догадался Бокин.

Женщина с непонятым сожалением покачала головой и на выходе произнесла:

— Я и сейчас звоню.

Бокин недоумевающе смотрел на нее; она пояснила:

— Вы нажали клавишу, и вот видите мой образ. Каждый раз, когда вам будут звонить и вы будете нажимать клавишу, к вам будет входить ваш абонент.

— Как? — переспросил Бокин.

Женщина усмехнулась:

— Ну, как видеотелефон; только здесь появляется не изображение на экране, а объемный образ в пространстве. Вы здесь, наверное, недавно?

— Первый день.

— Ничего. У вас все впереди. Вы ко всему успеете привыкнуть и все поймете.

Она тяжело вздохнула.

— Извините. И до свидания. — Она открыла дверь. — Да и трубку снимать не надо, когда нажимаете клавишу...

Женщина вышла, дверь захлопнулась, в трубке послышались гудки.

Бокин словно проснулся от кошмарного сна, положил трубку, в ту же дверь вышел на улицу. Женщина бесследно исчезла. Бокин побродил по саду, осматривая вишневые и яблоневые деревья, клумбы с цветами. Все было, конечно, хорошо, но радости принесло не много. Он вернулся в дом.

Надвигался вечер.

Бокин сидел за столом напротив окна, смотрел на бордовый закат и уже не испытывал удовлетворенности: к впечатлениям дня примешивалось ощущение одиночества. Он вспомнил Лизу. Теперь ему не хватало ее еще больше, чем тогда...

Лиза — добрая и откровенная девушка с вполне сложившимся мировоззрением, с уравновешенным характером, начитанна. С ней можно было говорить на любые темы, кроме как о любви. Единственный ее недостаток — если она принимала какое-нибудь решение,

то решение ее было бесповоротно. Так, о любви она предпочитала не говорить, но и не отталкивала Бокина, оставляя его в неопределенности. Быть может, от него требовалась большая решительность? Нет, Бокин так и не признался ей в любви, хотя несколько раз готов был это сделать. Тем более, он никогда ее не целовал. Он даже не представлял, как можно дотрагиваться до этого создания, так оберегающего свою неприкосновенность. Он любил Лизу не той любовью, которой называют обладание женщиной, он любил ее человеческие качества и незаурядность, любил созерцательно, но к обладанию стремился.

Он долго ходил в сумерках по комнате из угла в угол, думая о ней, надеясь ее увидеть, хотя понимал, что такой надежды нет, что она осталась там, на Земле; но он хотел ее увидеть. Истомившись, он, не раздеваясь, лег на диван, закрыл глаза и будто бы задремал...

Вспыхнул свет; Бокин резко поднялся.

— Лиза?! — Бокин задохнулся от волнения: — Неужели ты пришла?! Совсем?! Как ты сюда попала?

Лиза прислонилась к косяку двери. Ее упрямо сложенные губы расслабились.

— Ты же хотел, чтобы я пришла. Встречай.

Бокин понял, что Лиза, изменив свои намерения, пришла к нему совсем. Бокина поразила происшедшая с ней перемена. Поразила приятно. Он был полностью счастлив.

Комната залита зеленоватым светом — под цвет задернутых гардин. Зеленоватый оттенок на коричневом полированном шкафе, хрустальном бра, металлической спинке кровати и белой простыне; зеленоватое тело, зеленоватые блики на плече и лопатках, зеленоватая линия позвоночника, обрывающаяся у пояса тенью от простыни. Мирная уютная тишина несколько не располагает к размышлениям. Чувствуется только легкое дыхание еще спящей Лизы, положившей голову на плечо Бокину, и прикосновение при вдохе ее горячей и упругой груди.

Два месяца в жизни Бокина — только Лиза, эта комната и прогулки. Удивительно, что только вчера он почувствовал, как ему стало надоест это однообразие. Пора приниматься за работу. Он еще ничего не делал для рекламы. Бокин почувствовал, что готов сейчас сесть и попробовать что-нибудь сделать. Он даже приободрился, но не шевельнулся — не хотелось будить Лизу.

Лиза вдруг легко повернулась на другой бок, освободив ему руку. Он осторожно встал с кровати, накинул халат, стараясь не стучать тапочками, вышел из спальни.

Зал был ярко освещен, ослепительно блестя полировка стола. Бокин достал сигарету и с наслаждением закурил.

Лиза оказалась не только хорошей хозяйкой, но человеком, на редкость до конца понимавшим Бокина, внимательным и отзывчивым. Она понимала его не то что с полуслова, она понимала невысказанное. Она ловила каждое движение, каждый его взгляд, угадывала мысли и намерения, стараясь предупредить его действия, опередить его. И делала все это так непазвучиво, что Бокин не сразу это заметил.

Докурив сигарету, он прошел в душевую, умылся и оделся, придумывая с чего начать работу в новом амбула. Поскольку раньше ему приходилось лепить фигуры из пластилина и снега, работать с гипсом, он решил попробовать себя в скульптуре и первую работу конечно же посвятить своей жене Лизе. Он делает ее в рост, в легком платье, в позе, выдающей ее внутреннее напряжение: голова чуть-чуть повернута влево, напряжены мышцы шеи — движение словно продолжается; губы готовы вот-вот разомкнуться; широко открыты глаза; правая рука немного согнута в локте, указательный палец согнут меньше остальных; левая рука спокойно опущена; замстен перенос тяжести тела на правую ногу. Жаль, что в скульптуре невозможно передать взгляд. У нее напряженный взгляд и серые глаза, жадно поглощающие отражение. На Земле ее взгляд чаще всего был тусклым.

Бокин вернулся в зал, включил домашнего робота, купленного недавно, во время одной

из прогулок по городу, купленного только потому, что робот в доме — это необычно, велел принести кофе и широкое, сам остановился у окна, любуясь видом на сад. Дождей пока еще не было, но земля оставалась влажной и цветы не вяли. Чудно...

Тихо зазвонил телефон, как бы напоминая о себе. Бокин не стал нажимать на клавишу, разрешающую появление, а снял трубку:

— Кто?

— Да Лисянский это. Привет! — голос его был несколько звонче обычного.

— Привет. Входи, но только тихо: Лиза спит.

Бокин ткнул клавишу и положил трубку. В дверном проеме появился человек лет двадцати пяти, внешне чем-то напоминающий Лисянского; на его лице была улыбка победителя.

— Что, не узнаешь? — сказал он негромко, но с восторженной интонацией. — Здесь мне двадцать шесть лет!

Бокин смотрел на него долго и внимательно, не то непонимающе, не то осуждающе. Постепенно улыбка сползла с лица человека.

— Тебе что, не нравится? — с тревогой спросил он.

Бокин неопределенно пожал плечами.

— Ну, если не нравится, я могу и вернуться.

На гладком лице человека стали образовываться извилистые морщинки, одрябла кожа, укоротились волосы, обнаружилась плешь, человек чуть сутулился — у двери стоял Лисянский, такой, каким его встретил Бокин в фойе административного корпуса два месяца назад. Только теперь Бокин удивился:

— Как это у тебя получается?

Лисянский снова повеселел, непринужденно прошел по комнате, довольный тем, что сидит на диване.

— Это пустяки. Все так могут. Тут вообще можно сделать себе любую внешность, хоть даже женскую. — Лисянский коротко хихикнул. — Важно только, чтобы было у тебя желание.

Бокину представилась эта омерзительная картина. Он впервые почувствовал к Лисянскому отвращение. Видимо, это отразилось на его лице. Лисянский обеспокоенно посмотрел на него:

— А ты что, не знал?

Бокин принял невозмутимый вид.

— Не знал.

Лисянский успокоился, удобней устроился на диване.

— А я тут завел некоторые знакомства. Оказывается, здесь есть некоторые старожилы, в основном мои ровесники, а отличаются от других тем, что не желают желать сверх того, что уже пожелали когда-то. Как и я же. А один здесь живет с 1403 года, даже не знает, что существует Америка, и верить этому не хочет. Если хочешь на него взглянуть — номер Г1371. Любопытный экземпляр, ископаемый. А вообще, знаешь, здесь, оказывается, немногие остаются надолго; одни уходят, другие приходят; в Эйфории — как в гостинице. Сумасшедший народ пошел...

Лисянский выговорился, теперь сидел молча, о чем-то думал или ожидал, когда появится хоть какая-то мысль, — он тупо смотрел на пол, указательным пальцем почесывая щеку; брови вздернуты.

— Ты не знаешь, где взять глину? — на всякий случай спросил Бокин.

— Зачем она тебе? — Лисянский выпрямился.

— Для рекламы... По контракту.

— Охота тебе заниматься ерундой? — Лисянский принял прежнее положение.

— Ты тоже ничего еще не делал?

— Нет.

— А ведь пора...

— Да ну, ерунда какая! — Лисянский встал, категорично заявил: — Здесь вообще этим занимаются тогда, когда понадобятся настоящие деньги. Это же только по мере возможности и в силу необходимости!

— Какие «настоящие»? — не понял Бокин.

— Реальные! С реальной Земли! — Лисянский занервничал.

— А раллды?..

Лисянский вдруг хитро засмеялся.

— Когда я прибыл сюда, я тоже понятия не имел, откуда они берутся. Но здесь все оказалось гораздо проще. Самый простой способ — берешь лотерейный билет и выигрышаешь сколько хочешь. Еще раз повторяю: важно только захотеть. — Лисянский снова занервничал. — А ты живешь здесь, как в яйце, кроме своей бабы ничего не знаешь.

— Лиза моя жена, — строго сказал Бокин. Лисянский отчаянно махнул рукой.

Бокин устало вздохнул.

Когда он подписывал контракт, жизнь в Эйфории он представлял себе гораздо четче, чем теперь, имея дело с ящиком под названием «Эм», с такого рода «телефоном», с Лисянским вместе с его явлениями и рассказами, к которым Бокин относился скептически. Все это сбивало с толку, но пока что Бокин не пытался разобраться, установить хоть какую-нибудь логическую связь в этом абсурде.

— Ну ладно, я пойду, — Лисянский направился к двери. — Пока!

— Пока...

Он тихо вышел.

Бокин постоял еще немного, глядя в окно, пытаясь привести в порядок свои чувства, вернуть их в привычное русло. Потом он вспомнил, что намеревался выпить кофе.

Бокин посмотрел в сторону кухни — оттуда выкатил робот с чашкой кофе и пирожным на подносе.

Кофе был горячий, только что приготовленный.

Позавтракав, Бокин наконец обрел спокойствие и уверенность, вспомнил о Лизе, которая, по его предположению, должна была уже проснуться. Бокин придумывал, как ей сказать о том, что он сегодня будет работать, что ей целый день придется быть одной; как сказать, чтобы она не огорчилась? И какое занятие предложить ей? Может, очередную прогулку в город?

Он хотел было пойти в спальню, но тут шелохнулись портьеры и в зале появилась Лиза. В длинном роскошном халате, она словно скользила по полу. С улыбкой, выра-

ляющей удовольствие снова увидеть Бокина, она подошла и села ему на колени, нежно прикоснувшись губами к щеке, затем на ее лице отразилась печаль; она медленно провела рукой по лицу Бокина, сопровождая движение озабоченным взглядом.

— Я вчера хотела попросить тебя, чтобы ты отпустил меня в город. — Теперь она смотрела на него с надеждой.

Бокин сначала растерялся, потом с восторгом в шутку подумал, что Лиза умеет читать мысли, ответил ей таким же нежным поцелуем, произнес:

— Конечно.

Лиза собиралась очень недолго, у двери она остановилась примерно в той позе, в которой Бокин намеревался ее лепить, задержала на Бокине внимательный, пронизывающий взгляд, будто действительно читала мысли, и вышла.

Бокину показалось, что она исчезла за закрывающейся дверью.

Дождей не было четыре месяца. Земля оставалась влажной, не вяли цветы. В доме не водилось никаких насекомых. Не попадалось червивых яблок. Автобус всегда подходил к остановке в ту же минуту, что и Бокин. Почему? Даже жена делала все так, как надо.

Бокин стоял, прислонившись к подоконнику, рассеянно осматривал комнату. Он не сразу понял ощущение, зародившееся в нем. Постепенно ощущение стало менее расплывчатым. Можно было уже сказать, что это чувство обмана. Бокин ему не верил.

Он отогнал от себя мысли, решил пообедать, пошел на кухню к Эму, заказал борщ, заливное, салат «зимний», кофе, пудинг, бутылку коньяка, шоколад; роботу велел накрыть в зале стол.

Робот поехал в зал, Бокин отправился следом, но у двери он остановился: Бокин был обут в туфли, в которых он ходил сегодня к озеру. У озера он нарочно залез в грязь и туфли не вымыл. Бокин посмотрел на пол: где следы?

Он осмотрел свои туфли — они были словно вымыты. Потирая рукой лоб, Бокин ду-

мал, как такое могло случиться, но ответа не нашел.

Мимо проехал робот; Бокин пошел в зал.

Снова возникло чувство обмана. Бокин еще раз перебрал в памяти события дня, но ничего утешительного не вспомнил. В нем созрело желание обнаружить изъян. Ведь так не бывает. Не бывает все так, как нужно кому-то... Пора бы быть дождю.

Бокин вышел на улицу, чтобы осмотреть небо.

С юга плыли тяжелые дождевые тучи, но светило солнце. Однако оно вскоре должно было скрыться за одной из туч. Бокин почувствовал удовлетворение, но неполное. Нужно было еще как-то убедиться.

Решив, что успеет вернуться до дождя, Бокин пошел на автобусную остановку. Автобус ходит по расписанию, неужели Бокину везло в том, что он приходил на остановку в то время, когда должен прибыть автобус?

Приятно пахло надвигающимся дождем, растительностью, землей. Бокин вдруг заметил, что почему-то нет ветра. Он приостановился, и в ту же секунду налетел ветер. Не сильный. Но стала шелестеть листва, раскачиваться ветви.

Еще издали он увидел на остановке двух людей. Автобуса не было. И когда он подошел, автобус не появлялся. С минуту Бокин напряженно ждал.

Оказывается, не так уж все и хорошо. Еще интересно, сколько времени стоят здесь эти двое — минут десять, может быть? Бокину хотелось, чтобы они стояли не менее десяти минут и чтобы автобус пришел не скоро.

Бокин приблизился к пожилому человеку с густыми бакенбардами.

— Давно ждете автобус?

— Минут пятнадцать.

Бокин даже улыбнулся. Автобус будет не скоро. А может, и совсем не будет. «Не хочу...»

Бокин поймал себя на мысли, что не хочет, чтобы автобус пришел. Чего он еще не хочет? Не хочет, чтобы дождь застал его здесь; не хочет, чтобы был ветер, поскольку ветер опять стих; не хочет, чтобы солнце спряталось за тучу...

Бокин взглянул на небо — та туча, которая должна была закрыть солнце, почти не сдвинулась с места. Случайность, говорите?..

Бокину жгуче захотелось и дождя и ветра. Налетел ветер, пошел дождь.

Бокин был подавлен. Но, как это ни нелепо, видно, все происходило именно так. Стоило лишь захотеть. Сознательно или бессознательно. Материализация желаемого. Вот и весь фокус. Почему туфли стали чистыми? Потому что Бокин подсознательно хотел, чтобы они были чистыми. Почему автобус приходил вовремя? Потому что Бокин не любил ждать. А червивые яблоки — для любителей червей, а не яблок. Значит, все то, чем он пользуется, желаемое, а не настоящее? Искусственная обстановка, искусственная жизнь?

Бокин вспомнил Лисянского, как он вошел, его восторженную улыбку, его слова: «Что, не узнаешь? Здесь мне двадцать шесть лет!», «важно только, чтобы у тебя было желание», «еще раз повторяю: важно только захотеть». Неужели он знал, на каком принципе основана Эйфория? Или он только знал, что нужно захотеть? Если Эйфория действительно основана на принципе материализации желаемого, тогда становится понятной и роль подпространства: у каждого свои желания — у каждого свое подпространство, но подпространство — не код желаний, а место во Вселенной, где можно желания материализовать. В таком случае местность, окружающая Бокина, — всего лишь желаемая картина, а люди — случайные образы, извлеченные из памяти и воспроизведенные в натуре?

Бокин подошел к человеку с бакенбардами, оценивающе осмотрел его, медленно со слезами произнес:

— Автобуса не будет.

Потому что Бокин так хотел и в этом подпространстве он хозяин... Но тут же он понял, что наоборот, не хозяин, а узник, узник собственного желания...

Несмотря на ливень, Бокин вернулся домой сухим, потому что быть мокрым ему неприятно. Но хоть что-нибудь он мог сделать против своего желания?!

Бокин опрокинул сервированный для него стол. Роботу приказал все собрать и выбросить. Прошел на кухню.

— Бутылку водки и ливерную колбасу... Заплесневелую!

Эм выдал и это. Здесь, видимо, было все на все случаи жизни. Точнее — создавалось. Бокину стало понятно, как работает Эм. А разноцветные лампочки приделаны к ящику только для того, чтобы создать иллюзию реальности. Ну а в принципе можно было бы обойтись вообще без ящика. Расчет на косность человеческого мышления.

Бокин безнадежно закрыл дверцу Эма, ни к чему не притронувшись, растерянно вернулся в зал, остановился у окна, раздвинул гардины. Ослепительно светило солнце, покачивались ветки деревьев с пыльными листьями, пыльные цветы. Этот сад и дом тоже придуманы Бокиным. На самом деле — их нет. Помимо воли Бокина здесь существует только Эм, телефон да, пожалуй, еще административный корпус вместе с эскалатором... и гид. Гад. Лгун.

А Лиза?

Бокину страшно было осознавать, что настоящая Лиза осталась на Земле. Здесь Лиза — это тоже всего лишь его разыгравшееся воображение. Бокин вспомнил ее улыбку, ее внимательный взгляд, так не свойственный ей настоящей. Конечно, легко читать мысли и угадывать намерения, когда ты сам — часть этих мыслей, этих намерений. Госноди, сколько в их отношениях было сентиментальности! Сколько сентиментальностей в обращении со своей фантазией!

Бокину стало жаль себя: заключить контракт — то есть так просто поменять все на ничто и в том числе настоящую любовь на выдумку. Раздражала чистота и аккуратность помещения, блеск покрытых эмалью витражей... Бежать надо отсюда! В поле. Дом исчез. Появилось бескрайнее поле, колыхалась трава. Дул прохладный ветер. Бокин понял, что при желании можно обосноваться и на полюсе, но никакая местность здесь не существует реально.

Бокин вдруг засомневался, существует ли он сам?

Картина снова сменилась. Оказавшись в комнате, Бокин подошел к телефону, набрал номер Лисянского. Второй длинный гудок прервался, у Бокина непроизвольно протянулась рука — он открыл незнакомую дверь и так же непроизвольно вошел в квартиру. Лисянский стоял в коридорчике и вопросительно смотрел на него. Он явно не ожидал Бокина.

Бокин осмотрелся. Квартира утопала в роскоши. На глаза Бокину попалась только одна знакомая вещь — ящик, выпирающий из стены на кухне, — Эм.

— Валентин, я существую? — спросил Бокин, остановив на Лисянском тяжелый взгляд.

— Ты что, заболел? — Лисянский недовольно приблизился, прищуриваясь. Из комнаты появилась собака и тоже настороженно уставилась на Бокина.

— Ты знаешь, где ты находишься?

— В Эйфории, — Лисянский пожал плечами.

— А она существует?

— А что же, по-твоему, и меня нет?! — возмутился Лисянский.

— А что такое Эйфория?

— Столица Земли.

— Какой Земли?

— Да что ты ко мне пристал, не выпался ли, что ли?

Собака устала в пол и, всем видом подчеркивая свое превосходство, удалилась снова в комнату.

— Ты никогда над этим не задумывался?

— Зачем?

— Ну ладно, извини, — произнес Бокин и вышел; послышались короткие гудки, он положил трубку.

Бокин торопился. Дыхание мощное и ровное. Пиджак и галстук — в руке, рубашка растегнута. Асфальт мягкий, как глина. Еще сто метров и две минуты в запасе.

Так, наверное, тогда и было. Вот так бы и убежать отсюда. Но что бы было потом? О чем он думал? Теперь уже не вспомнить. Важно выяснить, что было потом.

Тенистая аллея кончилась. Бокин побежал

через газон и остановился на обочине дороги, по которой тянулся поток автомобилей. Ему нужно на ту сторону. Ждать нельзя. Проскочило несколько малолитражек вплотную друг за другом, автобус, еще несколько малолитражек, потом длинный рефрижератор, за которым следовал джип. Бокин решил, что успеет, и рванулся на встречную полосу. Истеричный надрыв клаксона, визг тормозов... Бокин успел повернуться — грузовик находился уже в двух-трех шагах. Еще он запомнил испуганное лицо шофера. Конечно, он не видел Бокина за рефрижератором...

Все это замерло, дрогнуло и исчезло. Что же стало потом?

Бокин стоял на опустевшей дороге, боясь сдвинуться с места. Был июль. В вышине звенели жаворонки. Жаворонки — это потому, что ему хочется жить. Но тогда, на Земле, тоже был июль. Что же было потом?

Даже три шага — немного. Вряд ли он успел бы отпрыгнуть в сторону. Грузовик почти не сбавил скорости. Все это доли секунды. Он успел тогда подумать, что мечты обязательно должны сбыться. После этого договор вступил в силу. Получается, что они его спасли, эти нелюди или люди, имен которых он не знает, идеальные, вежливые, аккуратные, как любая мечта. Они делают свое дело, честно служат тому миру, которому принадлежат. В этом заключаются их реальность и ее сила. Возможно, они бескровны и бессердечны и вообще неорганичны, неживы... Скорей всего, они наш продукт, продукт нашей неудачной фантазии.

Бокин еще раз осмотрел это место. Даже если прыгать назад в сторону... Или падать ничком между колес... Но ведь грузовик немного занесло: тормоза были плохо отрегулированы. Нет, не надо себя обманывать. В лучшем случае он остался бы калеккой.

Бокин отрешенно двинулся прочь. Было прохладно, но по-прежнему безветренно. Настроение — как погода; погода — как настроение.

Стук был размеренным, движения неторопливы, под аккомпанемент двукратного эха Бокин пересек зал и остановился у откры-

той двери в маленький кабинет. Гид не сразу повернул голову, хмуро посмотрел на Бокина... Он не скрывал, что ему известны мотивы этого визита.

— Вы существуете реально, — медленно произнес он. — Конфликт — отличительная черта реального. Если вы посетите Рынок, вы встретитесь с реальными людьми.

— Я заключил контракт на осуществление мечты. Почему же исполняются желания?

— Желания — это маленькая мечта.

Бокин напряженно усмехнулся.

— Я знаю, сейчас вам очень тяжело, трудно поступать всегда правильно. Постарайтесь не делать глупостей. Все происходит реально, потому что происходит.

— Мне известна другая формулировка, — сухо заметил Бокин. — Реально то, что существует независимо, помимо нашего представления о нем.

— По мы всегда воздействуем на реальное, подчас пытаемся откровенно изменить его согласно нашим представлениям...

— Прошу вас, — перебил Бокин, — не употребляйте слово «мы», когда речь идет о людях. Ведь вы не человек. И потом, все это демагогия.

— По я так же реален, как и вы. Жизнь — это способ существования белковых тел. А если это только способ, то неважно какой. Мы с вами в равном положении.

Бокин вздохнул и всем видом дал понять, что не желает продолжать разговор.

— Сейчас вас тяготит одиночество, хотя вы этого еще не осознали.

— Ну и что?

— Я дам вам номер подпристрастства одного вашего знакомого, которого вы, быть может, сразу не вспомните. 020И5 — Александр Федорович Измайлов.

— Я действительно его не помню.

— Других ваших знакомых здесь нет, — предупреджая вопрос, сообщил гид.

— Это хорошо.

Бокин вышел из административного корпуса. Моросил мелкий дождь. По желанию Бокина на пустынной улице появилось так-

си и остановилось перед ним у тротуара. Он забрался в автомобиль на заднее сидение, закурил и сидел молча минут пять. Теперь он не знал, что делать.

Гид. Что ж, его можно понять: он — частица этого мира. По все-таки он жесток.

Таксист робко смотрел на него сквозь зеркало заднего вида.

— Уйди, — тихо произнес Бокин.

Водитель выбрался из машины и куда-то пошел. Никем не управляемый, автомобиль тронулся и постепенно набрал скорость. До дома было недалеко, но Бокин ехал быстро и долго. Прямая, как струна, дорога действовала успокаивающе.

Наконец ему захотелось домой, автомобиль затормозил перед калиткой. Проходя по дорожке к высокому крыльцу, Бокин задержался у ближайшей яблони с искривленным тонким стволом и зелеными листьями. Сад — удивительно мирное зрелище, но сколько оно таило в себе обмана. Бокин прикоснулся к яблоне, и та рассыпалась на крошки, как стеклянная. Была очевидной нелепость этого мира. Чтобы еще раз подчеркнуть это для себя, Бокин вошел в дом через стену, рядом с дверью.

В доме было тихо и пустынно.

Снова оставшись наедине со своими мыслями, Бокин почувствовал себя очень одиноко и неудобно, поежился, который раз осматривая помещение. Нет, дом — это не четыре стены с дверью и окном. Дом — это то, где человек чувствует себя самим собой, где он забывает о своих достоинствах и не скрывает своих недостатков, не прячась от посторонних глаз и имея в помещении еще хотя бы одну пару глаз, поскольку человек — создание коллективное.

Бокин снова вспомнил о Лизе. Ему, наконец, почему-то снова захотелось ее увидеть.

Она вошла очень тихо и неуверенно остановилась, прижавшись плечом к косяку. Сейчас, отвечая на вопросы, она скажет, что была в городе, что очень устала и так далее.

— Где ты сегодня была? — едва прошептал он.

— В городе.

— Ты устала?

— Очень.

— Ты моя выдумка! Ты не существуешь реально, — отчетливо произнес Бокин.

— Конечно. Но раз уж ты меня выдумал...

— ...все претензии ко мне, — устало подумал он. — И ты мне будешь служить постольку...

— ...поскольку я твоя выдумка.

Лиза прошла по комнате и прижалась к груди Бокина. Потому что Бокин этого хотел, потому...

...что я, в сущности, неплохая твоя выдумка.

— Ладно, иди, — не то произнес, не то подумал Бокин.

Лиза тихо ушла в спальню, словно проскользнув по полу. Была она или нет? Был диалог или все это лишь мысли? Бокин почувствовал, что сходит с ума. Он подбежал к двери и распахнул ее — Лиза стояла посреди спальной комнаты, вид ее говорил: «Я здесь!» Бокин с облегчением прикрыл дверь, но тут же снова обеспокоенно распахнул ее — Лиза крепко спала, закутавшись в одеяло.

Бокин успокоился от привычного ощущения, что так было всегда, что Лиза давно уже спит, а ему предстоит заниматься своими обычными делами.

На этот раз Бокин решительно закрыл дверь. В нем даже появилась уверенность в себе. С минуту придумывая, чем заняться, Бокин вдруг решил выяснить, кто такой Измайлов. Номер подпространства он помнил. Набрав его, Бокин оказался в небольшой комнате, изрядно захламленной. В одном ее углу вперемешку с окурками лежали книги, рассыпанная колода карт, валялись игральные кости, фишки, листы бумаги. На измятой постели, накрытой синим покрывалом, лежал парень в джинсовом костюме.

— Виктор Васильевич... — констатировал он.

Бокин узнал его. Это был тот парень, который работал в его цехе и исчез. Он поднялся, не выпуская изо рта папиросу, с которой сорвался пепел и, падая, растаял в воздухе.

— Значит, и вас сюда угораздило, — без эмоций, отрывисто, — как бабочку на свечку. Изношенное сравнение. Я стал любить все тривиальное... Вот, сколько времени пытаюсь придумать какую-нибудь примитивную игру, но объективную.

— А кости? — спросил Бокин, усаживаясь за стол, стоявший рядом с кроватью.

— Всегда выпадают две шестерки.

Измайлов — человек небольшого роста, очень худой; длинные волосы, покатым лоб, впадные глаза, чуть выступающая вперед верхняя челюсть.

— Да, все как в кино, — произнес Бокин со вздохом. — Что будет дальше?

Измайлов улыбнулся.

— Иногда я думаю, не превратиться ли в насекомое? Поселиться, например, в муравейнике. Никаких мыслей — одни инстинкты. Здесь они будут более уместны. Может быть, и подпространство исчезнет, а пока я занимаюсь играми.

— Довольствуешься тем, что есть?

— А чего вы здесь хотели достичь? В своем подпространстве вы, Виктор Васильевич, можете делать все, что захотите: летать в космос, устраивать революции... То есть стать домашним хулиганом. В своем подпространстве вы — как под колпаком. Никуда не деться. Стать птицей — не улетишь.

— Ты как старик, смирившийся с неизбежностью смерти, — заметил Бокин.

Измайлов рассмеялся, потом стал серьезным и, пожав плечами, произнес:

— Человек жив надеждами, — с грустью добавил: — Говорят, отсюда не возвращаются.

— Почему?

Измайлов опять пожал плечами.

— У каждого свои причины.

С наступившей паузой Бокин почувствовал еще большую подавленность и тоску. Угнетала обстановка, в которой все совершалось по первому желанию. Он ничего не мог сделать против своего желания. А как он стремился в Эйфорию, где исполняются мечты, где человек должен быть счастлив. Он достиг этого. Он стоит, по привычке смотрит в окно, на душе пусто и одиноко. Мечта хороша, пока она мечта.

— Как вкусно пахла вся эта затея, — не то злорадно, не то с сожалением произнес Измайлов. — А теперь вот плаваешь, как муха, утопленная в тарелке с жирным супом.

Измайлов улыбнулся. Улыбка замерла на его губах.

— Самое красивое слово — неизбежность. Я бы писал его с большой буквы: при множестве возможностей неизбежность одна.

Кругом был туман. Только белый туман, то пыльными клубами, то тонкими змейками поднимающийся вверх. Белая пена, горизонт в трех метрах, не далее. Ни малейшего ветерка, ни звука, ничего... Неестественно. Зато спокойно. Разве всегда все должно быть естественно? Мало ли кому что взбредет в голову...

Под ногами тихо хрустел снег. Было немного жарко. Воздух свеж, легкий аромат оттаявшей земли. Весна.

Бокин обрывал с ромашки лепестки, медленно, вполголоса произносил: «Белый туман... белая ворона... белый туман... белая ворона...» Лепестки падали на снег и исчезали: цветок был живой. Последним остался «туман». Неправда...

Туман начинался прямо у ног, выползал из-под башмаков. Все же неестественно. Бокин это хорошо знал. Кое-что они все-таки не могут. Снег — это просто твердый азот, не имеющий запаха. Ничего не поделаешь, другого материала здесь нет. Возможно, на Рынке и удастся купить горсть настоящего снега, но что это даст, кроме воспоминаний, которых и так в избытке?

Нужно решать: остаться или уйти. Остаться — значит изменить Эйфорию или измениться самому. А если уйти — попасть снова в тот момент времени — это ужасно... А если не в тот, а в другой? Нужно только найти способ. Если уйти... В любом случае есть надежда, что он вернется на Землю. Есть надежда...

Испарялся азот. Чудовищные силы удерживали его в этом состоянии — состоянии перехода из твердого в газообразное, минуя жидкое. Низкая температура, высокое давление — ничего этого не чувствовалось.

Лучше все-таки пойти домой; вернее туда, где он поселился. Или побродить по Рынку, купить рукопожатие или настоящую кошку. Впрочем, заведешь настоящую кошку — чего доброго появятся мыши. Мышей Бокин не любил. В то же время, местные кошки слишком послушны и не лияют.

Бокин канул в туман... мгновение... он стоял посреди комнаты — ухоженное, аккуратное помещение, цветы в горшочках на подоконниках, вид на благоухающий сад. Накануне он сказал Лизе, чтобы она поехала на полюс, и она уехала. Нет, она не уехала; скорее всего, выйдя за дверь, она исчезла. Потом она появится и станет восхищаться, что полюс — это прелестно. Какая чужь.

Изменить Эйфорию Бокину не под силу. Значит, нужно возвращаться. Но возвращаться не тем способом, о котором говорил гид. Не нужно думать о возвращении. Препятствие всего, не думать об этом, не думать. Если им становятся известны желания, им будут известны намерения. Надо заставить себя не думать об этом, не мечтать. Надо просто хотеть, что-нибудь хотеть. И все. Надо жить неопределенными желаниями, общими намерениями. Потом, когда сложится подходящая ситуация, тогда нужно будет не растеряться и мгновенно принять решение, дав волю своим искренним чувствам.

Взгляд Бокина упал на мраморную статуетку, стоявшую на столе, — одну из первых его работ. Это, собственно, был бюст человека, которого Бокину видеть не доводилось, но он не придумал эти мягкие черты лица, этот восторг человека, осуществившего свою мечту. Из ящика серванта достал пистолет, не целясь, выстрелил. Во лбу мраморного мечтателя появилось сквозное отверстие правильной формы, как из-под сверла. Бокин понял, что поступил глупо: пистолетом пользоваться не нужно было. Он сосредоточился, и в статуетке появилось еще одно подобное отверстие, потому что он так хотел.

Мечтать и ненавидеть. Единственное ремесло. И смысл жизни. Да и призвание, пожалуй.

Как это у Достоевского: «Счастье не в счастье, а в его достижении»?

Бокин бросил пистолет на журнальный столик, подошел к окну, но смотрел не на сад, а куда-то вдаль, потом сел на край дивана, рядом с кошкой, и долго гладил ее, не прижав к рукам. И кошка не мурлыкала: Бокин не хотел.

У кошек перед всеми остальными существами одно, стоящее всех прочих, преимущество — независимость; они всегда независимы: ни от кого, ни при каких обстоятельствах.

Бокин перестал гладить кошку, убрал руку.

Брысь!

Дверь отворилась; задрал хвост, кошка выскочила и исчезла; дверь без стука закрылась. Вот и все. Никаких противодействий. Хоть умри. Стоит только дожелать.

Бокин устало встал, поправил покрывало на диване ради того, чтобы хоть что-нибудь сделать. Бесцельно побродив по комнате, он решил позвонить Измайлову. Привычными движениями рук он взял трубку, набрал номер — длинные гудки. Гудок. Пауза. Гудок. Пауза. С каждой паузой у Бокина улучшалось настроение: против желания, абонент не отвечал. Бокин долго с удовольствием слушал гудки. Они стали надоедать. Он пальцем нажал на рычаг и заново набрал номер — длинные гудки. Они стали надоедать. Он снова пальцем нажал на рычаг, потом набрал номер справочного.

— Алло, — как всегда мелодичный приятный женский голос.

— Почему не отвечает 020И5? — без задержки спросил Бокин.

— Минуточку.

В трубке затихло, но ненадолго.

— Алло, — донеслось тем же тоном. — Подпространство 020И5 сейчас свободно. Если вас интересует Александр Измайлов, то он переведен в другое подпространство.

Бокина это сообщение удивило.

— Как ему позвонить?

— Туда нельзя позвонить, — по-прежнему звучал голос. — Если вы хотите его увидеть, приезжайте в административный корпус, спросите подпространство А2096, а лучше Александра Измайлова, вас к нему пропустят.

Бокин молча положил трубку, не раздумывая, вышел из дома, сел в машину, стоявшую у калитки, выехал на скоростную дорогу — она принесет ему успокоение, — курил, стряхивая пепел на пол, думал, что заставило Измайлова перебраться в другое подпространство. Может быть, в справочном напутали? Ведь здесь от перемены мест ничего не меняется. От себя не уйдешь.

Он быстро добрался до административного корпуса, застал гида в своем маленьком кабинете, за чтением какой-то книги.

— А-а... — обрадованно протянул гид, — давно вы меня не навещали.

— Я по поводу Александра Измайлова, — с ходу бесцеремонно сообщил Бокин. — Мне сказали, что я смогу здесь его увидеть.

— Да, пойдете. — Гид вышел из-за стола, размеренной походкой прошел мимо Бокина; пересек мраморный зал, открыл одну из дверей. Они шли по темному коридору, по лестнице поднялись на второй этаж, снова шли по темному коридору, стены которого имели множество неприметных дверей. В одну из таких дверей они вошли.

Комната оказалась очень маленькой. В нее, собственно, и войти было нельзя. В ней стоял только стол, на столе — клетка с воробьем и стеклянный колпак, под которым ползала бабочка.

— Это что? — не понял Бокин, заметив две картонные таблички: под клеткой — «А2195», на стекле колпака — «А2196».

Гид тяжело вздохнул.

— Поправить уже ничего нельзя. Его невозможно вывести из этого состояния, — с сожалением произнес он.

Бокин оцепенел.

— Он пожелал быть бабочкой... Он был вашим другом? Я выражаю вам глубокое сожаление. Поправить уже ничего нельзя.

По стеклу, с трудом удерживаясь, ползала обыкновенная белая бабочка, медленно передвигая лапки, складывая и раскладывая крылья, полураспустив хоботок; матово-серые глаза — ни мыслей, ни желания... — Александр Измайлов.

— Уйдем отсюда, — предложил гид.

Бокин его не слышал.

— Пойдемте, — громче повторил гид и взял Бокина под руку.

Бокин послушно отошел в сторону. Гид запер дверь на ключ.

— Но ведь он же еще живой, — вдруг сказал Бокин. — Сделайте что-нибудь!

— Я понимаю ваше состояние, — сочувственно проговорил гид. — Поправить уже ничего нельзя. У нас все зависит от желания. Сейчас он находится здесь именно потому, что он еще жив. А потом... Потом, как и его предшественники, как и его последователи, он станет экспонатом нашего музея.

Когда они спускались по лестнице, гид спросил:

— Вы бывали в нашем музее? Чего там только нет. — Он вздохнул с непонятым облегчением. — Хотите посмотреть?

Не дожидаясь ответа, он открыл дверь, которой заканчивался коридор первого этажа. Он распахнул ее настежь. Бокин с порога окинул взглядом огромное помещение, заполненное чучелами всевозможных животных, коллекциями насекомых, гербариями, даже облако летало под потолком — материализованное кладбище надежд и желаний.

...Лисянский вошел обычной своей пружинящей походкой, подошел к дивану и сел, буркнув:

— Привет, старина.

Не ответив, Бокин вынул из ящика серванта деньги в настоящей, земной валюте — все свои сбережения — и сунул в карман.

— Собираешься, — сообразил Лисянский. — Ничего у тебя из этого не выплывет.

Бокин подсел к журнальному столику.

— Ты просто сам себе враг, — Лисянский смотрел на него с нескрываемой иронией. — Говоря языком психологов, деструктивная личность.

С виду Бокин оставался невозмутимым.

— Послушай, — предложил Лисянский, — поехали в Рим к Папе. Тебе нужно отвлечься. Или в Париж...

Лисянский мечтательно улыбнулся. С минуту он был в плену своих грез, затем азартно встрепенулся:

— Поехали в Африку! В прошлое столетие. Там папуаски ходили совершенно голые...

Лисянский не успел развить свою мысль. Бокин взял пистолет, взвел курок и выстрелил.

Первая пуля попала Лисянскому в шею, следующие три — в грудь, остальные — в живот. Лисянский несколько раз судорожно дернулся и упал на пол, испачкав его кровью. Вошли какие-то люди, взяли тело Лисянского за руки и выволокли из комнаты, ликвидировав лужицы крови. Бокин в изнеможении провел рукой по лицу, сунул пистолет в ящик, долго стоял, словно обескураженный.

Зазвонил телефон, Бокин ткнул клавишу, вошел Лисянский, сел на диван и долго молчал, задумавшись. Наконец, произнес:

— Возможно, ты прав. Но все же, я думаю, ты сам себе не сможешь объяснить, чем действительное лучше желаемого. Реальность — тоже понятие относительное...

Бокин приблизился к нему, окинул печальным взглядом.

— Я очень рад, что тебе здесь нравится. Будь счастлив. В конце концов это немало важно.

Не оглядываясь, Бокин вышел из дома.

Тяжелый ветер налетал порывами, кружил пыль неометенных улиц, образуя вихри. Слышен только непонятный отдаленный вой. Город пуст и сер; редкие прохожие унылы. Два маляра все время красят часть стены здания, зависнув у третьего окна слева на верхнем этаже. Все время с тех пор, как Бокин их увидел.

Бокин быстро шел по улице, пытаясь обрести уверенность. Он еще не знал, что предпринять. Он боялся, что станут известны его намерения. А намерение у него есть: покинуть Эйфорию. Но нет желания сделать это открыто. Сейчас он желает только что-нибудь сделать. Что-нибудь. Ну, например, купить на Рынке рукопожатие...

Вахтер на пропускнике был прежний — молодой человек с учтивой, чуть настороженной улыбкой: видимо, была у кого-то и такая мечта.

— Сюда, пожалуйста, — человек изящно выдвинул правую руку.

Бокин приблизился к уже знакомой ему двери. На табло, несколько выступающем из стены напротив лица, мелькали цифры: 0,18...0,47... — секунд ожидания — ...0,02... 0,01... 0,00 — дверь распахнулась. Бокин вошел в лифт, дверь захлопнулась. Как всегда, не ощущалось, движется лифт или нет, вообще не движется. Через некоторое время дверь снова открылась, Бокин вошел в отделанный серым непрозрачным стеклом зал, который назывался Рынком.

Рынок принадлежал всем подпристрастным, здесь всегда были посетители — люди разочарованные, но держащиеся с достоинством, предпочитающие покупать полевые цветы.

Из-за стекла слышны голоса, покашливание, окрики, шаги, сливающиеся в шум, как на обыкновенном земном рынке. Там за стеклом, возможно, действительно земные люди. Иначе зачем этот нереальный интерьер в нереальной стране?

Чтобы не обратить на себя внимание, Бокин, как все, сначала обошел весь зал, потом остановился у окошечка с табличкой:

Пожатие руки.

Цена — 220 руб.

Он неторопливо отсчитал деньги, правой рукой сунул их в щель автомата-швейцара, открывающего окно, левой ослабил галстук: он все-таки нервничал. Через полминуты погасла лампочка «внимание». У Бокина испотело лицо, окно распахнулось. Не сразу появилась тонкая женская рука с шершавой от воды кожей, ладонью вверх. Ожесточенно сжав губы, Бокин ухватился за кисть, рванулся в окно... Раздался жепский пронзительный крик, серия щелчков. Что-то тащило назад. Женская рука медленно выползала из побелевших пальцев Бокина, оставляя под ногтями клочья кожи. Сильно трянуло. Бокин на мгновение потерял сознание. Он пытался встать. Из носа текла кровь. Двое блюстителей порядка в штатском подхватили его под руки и потащили из зала.

Повокузнецк

Его втокнули в ванную комнату и заперли дверь, оставив в одиночестве.

Бокин медленно приходил в себя, пытаясь осмыслить положение. Он понимал, что его поступок, в сущности, был авантюрой. Окончательно его успокоило сознание того, что все произошло вопреки его желанию.

Он неторопливо снял пиджак, галстук, расстегнул рубашку, долго умывался холодной водой, остановил кровотечение, осмотрел в зеркале свое отражение. Вид у него, в общем-то, был невозмутимый, что принесло ему удовлетворенность.

Снова появились двое, предложив следовать за собой, провели по слабо освещенному узкому коридору в комнату, где, видимо, собрался совет.

Вдоль длинного стола сидели люди, с торца — энергичный человек лет сорока — председательствующий.

После минутной паузы, когда стих шум, председательствующий резко произнес:

— Честно изложите мотивы вашего поведения и дальнейшие намерения. Лучше признайтесь откровенно, чтобы нам не проводить экспертизу на искренность.

Бокин усмехнулся, потом с сожалением сжал губы, затем ответил:

— По-моему, она уже проведена.

Он помолчал.

— Я возвращаюсь.

Голос его прозвучал глухо, как из гробницы, но твердо.

Среди нарастающего шума выделился возглас: «Все ясно!»...

— Через двадцать секунд договор считать расторгнутым, — громко объявил председательствующий.

Люди начали вставать из-за стола и расходиться.

Окинув всех безразличным взглядом, Бокин направился к выходу; он не торопился; дыхание ровное; пиджак и галстук в руке, рубашка расстегнута. У него уже не было выбора, но оставалась надежда. Истеричный надрыв клаксона, визг тормозов... Бокин успел повернуться — грузовик находился в двух-трех шагах...



лирика

СЕРДЦЕ И РАЗУМ

Не суди о чем-то свысока:
Все, мол, знаю, все я понимаю...
Пусть всеилен разум на века —
Сердцу, сердцу больше доверяю.
Я пытался разумом обнять
То, что объяснить не трудно вроде.
Ничего так и не мог понять
Ни в себе, ни в людях, ни в природе.

ПЕСНЯ

Нету в песне изюминки, перцу,
Заурядна сама по себе,
Но лишь тем эта песня по сердцу,
Что была в материнской судьбе.
И одно мне из этого ясно,
И с годами все больше ясней,
Все, что связано с мамой, — прекрасно,
Все любимо, что связано с ней.

ПРОЩЕНИЕ

Прошла их жизнь, ничем не веселя.
Стал плох старик. Отходит. Дышит глухо.
— Я тут тебе сварила киселя, —
Вдруг подобрев, промолвила старуха.
— Нет, не хочу... — Кисель ему постыл.
Но помолчал и... тихо: — Дай немного...
И было ясно: он ее простил,
За все простил у смертного порога.

НА ВЫДАНИЕ

Зрелости женственной вестница —
Строгость походки, лица.
Девушка явно невестится,
Ждет своего молодца.
Все уже близко без вымысла —
Время свиданий, разлук...
Так на глазах вот и выросла,
Встав на высокий каблук.

СОВЕСТЬ

Не завоюет бешеная вьюга,
Не закахнет шумный летний лес,
Если ты забыл большого друга,
Если для него почти исчез.
Ничего такого не случится,
Кроме встречи с совестью своей.
В час бессонный в сердце постучится,
Спросит: «Как так..?» Что ответишь ей?

В НОЧНОЙ СТЕПИ

Степь ласкалась волнами теплыни,
Лунным светом залитая вся...
Сладость губ с горчинкою полыни,
Нежный взгляд — забыть никак нельзя.
Помню я, как будто снова юный:
Все тогда в одно, в одно слилось —
Ширь степи, сиянье ночи лунной
И влюбленность жгучая, до слез.



ДЕНЬ ИСТИНЫ

РАССКАЗ

Наш шахтостроевский автобус, желтый, с помятыми боками, немилосердно кидает по расквашенной осенними дождями дороге. Настоящую шоссе-ею с блестящим асфальтовым покрытием дорожники только-только начали тянуть от развилки в ту сторону, куда идет наша дежурка.

Перед самой развилкой на кособоком заборчике красуется знак: синяя стрела с кратким словом «Объезд». Как всегда, наш шофер Сергей Жуланкин принимается чеховить дорожников:

— Устроили Курскую битву, а ты гроб из-за них машину...

Зимой, когда нашему управлению поручили закладку шахты, к месту предстоящих работ двинулась колонна. Впереди три мощных гусеничных тягача, выстроившись гуськом, тянули за собой громадный металлический клин. Шли они по визирной линии, оставленной геологами во время разведки месторождения. Так родилась трасса, присыпанная с весны кое-где мелким галечником, с глубокой колеей, в которой и в самую жаркую пору стоят лужи с радужной пленкой солянки.

По-доброму, конечно, нужно бы дожидаться, когда дорожники проложат к стройке надежную магистраль. Но когда это еще будет, а у нас свой жесткий график: пройти плетевой и скиновой стволы, подготовить рудничный двор, проложить магистральные

выработки в свите угольных пластов. Словом, предстоит построить новую шахту.

А пока нашу дежурку кидает нещадно. Жуланкин, вдавив голову в плечи, багровеет лицом, и на его круглом лбу взбухает жила. Словно не мотор, а он, Жуланкин, на своем горбу вырывает, с хрипом в груди и запекшейся в уголках губ пеной, тяжелый неуклюжий автомобиль.

В автобусе людно: пахнет крепким самосадом и плохо отработанной горючкой. Самосад курит машинист шахтного подъема Петр Ларионов. Гладко выбритый, подтянутый, он смотрится моложе своих пятидесяти трех.

Незадолго до Дня строителя из-за Ларионова в управлении поднялась суматоха. В солнечный день вдруг объявились на стволе телевизионщики. В забой спустился горный мастер Слепухин и, перекрывая грохот бурильных молотков, прокричал в ухо нашему бригадиру Ермилу Баулину:

— Кончай работу, срочно на-гора!

— Авария какая? — уставился на мастера Ермил.

— Какая авария, начальник горного цеха требует, телевизионщики там.

— Кто-то? — не понял бригадир.

— Киношники, говорю, приехали. Петьку Ларионова снимают.

— Мы-то тут причем? — недоуменно пожал плечами бригадир.

— А я почему знаю? Сказано — срочно!

— Я сейчас им устрою кино!

Мы знали: не успеет бабья опуститься на

ляды, перекрывающие ствол, как Ермил на чем свет стоит начнет распекал нашего начальника горного цеха Боровикова.

Но по-настоящему разогнаться Ермил не успел. Рядом с сигнальщиком стоял какой-то мужик в парадном черном костюме, и грудь его была густо закрыта орденами и медалями. Лишь спустя мгновение, когда бабья остановилась, Ермил удивленно протянул:

— Петро, неужто ты?..

Это был Ларионов. Багровея от смущения, виновато развел руки в стороны:

— Ты уж прости. Тут ребята из телевидения приехали, хотят вас снять на кино.

— Ты-то чего вырядился? — не принимая объяснений Ларионова, продолжал недоумевать бригадир.

— Сам не знаю. Привезли домой, говорят, надевай...

Ларионов говорил еще что-то, но я его не слушал. Зато видел, как в такт его дыханию вздымалась и опускалась грудь: при каждом движении ее позвякивали ордена и медали. Потом нас долго гонял взад-вперед какой-то паренек в кожаной куртке и черном берете на голове. Рядом с ним, уткнувшись глазом в видискатель, трещал кинокамерой оператор. Мы ходили гуртом от машинного отделения к бабье, сиротливо стоящей на лядах, окружали в плотное кольцо Ларионова, говорили о всякой чепухе, а тот, в кожанке, все умолял нас:

— Повеселей, пожалуйста!

Киношники для меня были чужими людьми и потому неинтересными.

«Помучают малость и уедут к себе в областной центр, — думал я, — а здесь рядом, оказывается, Ларионов, от боевых наград которого рябит в глазах. Век не подумал бы, что у кого-то из наших мужиков их столько».

Видать, киношник был дотошным парнем и хотел многое выпытать у Ларионова. Я об этом сразу догадался, как только тот спросил нашего машиниста, как ему удастся справиться с его тяжелой работой. Ларионов согнал улыбку с губ, строго спросил у того парня:

— А Маресьеву, как думаешь, легче было?

И не дождавшись ответа, попытался свернуть разговор:

— Ну, чего все обо мне да обо мне. Вот у нас ствольники — настоящие герои. Они такую битву с плавуном выдержали. Будь моя воля, каждому по боевому ордену вручил бы...

Тот, в кожанке, дернулся, на миг повернулся к Ермилу. Но бригадир ловко заслонил спиной начальника горного цеха Боровиков. На лице блуждающая улыбка, а взглядом жег Ларионова. Но смуглому от загара лицуплыли багровые пятна. Так бывало, когда Боровиков выдал в гнев. Уставившемуся на него киношнику ответил:

— Ларионов преувеличивает. Людям, не спускавшимся ни разу в ствол, наш труд кажется сверхгеройским. А на деле — обычная работа, только воды много.

— А плавун? — не отставал киношник.

Он выжидающе смотрел, то на Боровикова, то на Ларионова. Но Ларионов, только что улыбавшийся, горевший желанием, чтобы и нас запечатлели на пленку, вдруг сник, вяло махнув рукой:

— Ладно, чего уж там...

Зато Боровиков приосанился, успев мимоходом бросить строгий взгляд за спину, где прямо ему в затылок тяжело дышал наш бригадир.

— А чего плавун? Попытался крепь выдавить, так бригада его мигом осадила.

И, наблюдая, как постепенно гас в глазах киношника огонек любопытства, Боровиков поставил окончательную точку, чтобы вообще переключить его внимание от случая в стволе на Ларионова.

— Ларионов — другое дело. И фронтовик, как видите, боевой, и среди машинистов самый первый, хотя, сами понимаете, управлять машиной на протезе — громадное мужество иметь надо. Вот о нем и постарайтесь рассказать как следует, чтобы вся область знала, какой у нас герой в коллективе. От себя могу добавить: к празднику издадим приказ, отметим отличившихся денежной премией. Ни одного фронтовика не обойдем вниманием...

Что-то, а говорить Боровиков умел. И у

киношника в кожанке окончательно пропал всякий интерес к истории с плывуном. Теперь все его внимание снова было переключено на Ларионова, который как сник после слов Боровикова, так и не мог сбросить с себя оцепенения. Молча ходил там, где его просили киношники, вяло улыбался. Делал все это с опущенным к земле взглядом, потерянно. Но телевизионщики, видимо, этого не замечали. Оставшись довольным съемкой, тот, в кожанке, распорядился:

— Всё, сейчас бригада будет садиться в бадью, а вы проводите проходчиков — помашите им ручкой.

Какой был в этом смысл — не знаю. В эту пору Ларионову самое место быть за рычагами машины. Но возражать никто не стал. Только, прежде чем направиться к бадье, Ермил спросил у Ларионова:

— У тебя самосад с собой?

Тот протянул кисет из замши, на котором, нитая бисером, красовалась надпись: «Защитнику Сталинграда». Все мы знали, как берег этот кисет Ларионов, угощая из него лишь по большим праздникам. Боровиков суетливо протянул начку «Беломора»:

— Закуривай моих...

Но к начке никто не прикоснулся. Зато кисет пошел гулять по кругу. Мужики смолели цигарки, и при каждой затяжке было слышно, как горит с треском табак. Ермил пускал густые клубы дыма, косил из-под нависших, густо припудренных породной пылью бровей черными, как две жужелицы, глазами то на Боровикова, то на Ларионова. Манинист, судя по всему, был настолько выбит из привычной колеи настырными телевизионщиками, что уже не замечал никого из окружающих. Но зато Боровиков вним перххватил взгляд бригадира.

— Чего зыркаешь? — выдавил он шепотом. — Славы захотел?

Ермил с досады швырнул окурок на землю и яростно топнул по нему каблуком тяжелого бродня:

— Не в славе дело, начальник. Только дивно больно: когда круто было, мелким бесом перед бригадой рассыпался, а сегодня труса празднующь.

— А ты помолчи. Боровиков добро помнит, но и про зло не забывает.

— Да ладно вам, — вклинился между ними Георгий Селюпин. — Развели базар, слушать тошно.

— Это ты правильно подметил, — согласился Ермил и первым направился к бадье. — Ну что, мужики, покурили?..

В бадье мы стояли так плотно, что ни рукой шевельнуть, ни вздохнуть свободно. Подрагивая, стальная махина медленно поднялась. Сигнальщик грудью навалился на рычаг. Громадные ляды раскрылись, обнажив черное жерло ствола, из которого дохнуло сыростью и туманом. Петр Ларионов махал нам рукой в косых лучах ослепительных юпитеров. Бадья медленно пошла вниз. Пабрав скорость, разом ухнула в пустоту ствола. Все мы дружно зазевали. В ушах что-то щелкнуло, и на мгновение наступила полная глухота. А когда я вновь стал слышать гул вентилятора и скрип каната, на крюку которого, как ведро на колхозном журавле, болталась наша бадья, до меня донесся глуховатый голос Ермила:

— Наклад Боровиков в штаны.

— Ясное дело, — поддержал его Селюпин. — Только нам-то что проку? Озлись его, он нам норматив выищет такой — детшкам на молочишко не заработаешь. А Ларионову и вовсе хвост прищемил. Ведь понял Петро, чуть что — Боровиков мигом уволит его как инвалида.

— Вот-вот, каждый за себя, а общее дело страдает.

— Чего заводись? — удивился Селюпин. — Ведь сам первым тогда в ствол пошел, стало быть, хотел помочь Боровикову?

— Не Боровикову, а делу, — отрезал Ермил. — Рекордная проходка, брат, на многое заставила по-иному посмотреть.

Прислушиваясь к их разговору, я вспомнил, как еще задолго до рекорда бригадир вполне резонно спросил у Боровикова:

— Ну, дадим его, а что дальше?

— Как что? — нахохлился тот за своим скрипучим столом нарядной, где состоялся этот разговор. — Сам понимаешь: сегодня рекорд, завтра — норма. Шахта быстрее вой-

дет в строй действующих. Разве этого мало?

— Да как сказать. Сегодня ты нам премию, а завтра на наждак посадишь?

— Ты о чем?

— А все о том же. Сам говоришь — завтра нормой станет. Значит, вкалывать нам по самое горло.

— Ах вон к чему ты клонишь... — протянул Боровиков. — Я же объяснял: многие операции можно совместить, уплотнить рабочий цикл. Сам же и соглашался. И потом, нормы от конкретных условий зависят, их у нас никто самовольно менять не может.

— Рекорд, так рекорд, где наша не пропадала, — сказал Ермил.

— За деньгой погнался? — помнитесь, спросил тогда бригадира после наряда Селютин.

Ермил смущенно пожал плечами:

— Видать, Георгий, время такое пришло. Как, скажем, породило оно Стаханова, Изотова. Слышал про таких?

— За славой, стало быть?

— Опять ты не понял, — не обиделся наш вспыльчивый обычно бригадир. — Время, понимаешь? Или мы с тобой это сделаем, или Боровиков найдет других, кто не побоится быть первым.

Только начав работать по рекордному графику, мы поняли, за какое нелегкое дело взялись. Пришлось забыть о воскресенье, перепили на скользящий график. Дотошный Боровиков нашел возможность почти полностью совместить погрузку породы и бурение шнуров. Так что при подготовке к взрыву в стволе, казалось, враз ревела сотня иерихонских труб. От рокота молотков, утробного хыхканья пневмопогрузчиков, грузных вздохов пневмомолотов даже у привычного человека намертво закладывало уши.

Взять цикл за смену — над этим билось каждое наше звено. Ждал этого и Боровиков, не уходящий все эти дни из горного цеха. Осунулся, похудел. И только глаза горели, и день ото дня он становился все настырнее, обретая мертвую хватку бывшего начальника. Теперь, когда дело упиралось в недостаток бетона для крепления, леса или еще чего-нибудь, он требовал у телефонистки сроч-

но соединить его с главным инженером треста, а то и с самим управляющим. И, не жалея глотки, не уступая ни капельки, настаивал, добивался своего.

После каждого такого звонка Боровиков бросал с победным видом трубку на рычаг и гресил Ермилу:

— Не сделасшь, с меня первого голову снимут...

А когда мы переодевались в свои пропахшие кисловатым потом резиновые защитные робы, Ермил сказал нам:

— Выходит, рекорда нашего не только Боровиков ждет, но и большое начальство. Ишь как позволяет кричать на себя вчерашнему студенту.

— А ты как думал, — подхватил Селютин. — Дадим рекорд, каждый начальник может дырочку на лацкане крутить заранее.

— Ох и язва же ты, Георгий! — незлобиво отозвался Ермил.

— И тебе дадут, чего расстраиваешься, — хохотнул Селютин, обнажая в улыбке крепкие белые зубы.

Я знал точно, что ни о каком ордене Ермил не помышлял. Зато, когда кто-то попытался выяснить, какая будет премия за рекорд, бригадир насупился:

— Нам, братва, грех на заработки плакаться. Другое спросить хочу: неужто каждому из вас не хотелось хоть раз в большом деле побывать, чтобы потом на всю жизнь память осталась?

Смутались мужики, в спор с бригадиром не полезли. Но мне кажется, лучше бы не говорил тех слов Ермил, потому что в тот же день и подсекли мы злополучный плавун, из-за которого и разгорелся весь сыр-бор.

Среди кренчайших, как гранит, пород канризная природа-матушка взяла да и уложила пласт сине-зеленой глины. Нам бы сразу сообразить, тормознуться на пару смен, да и закрепить ее намертво. Но до решающего замера оставались считанные дни. И потому Боровиков скомандовал Ермилу:

— Подхвати, как обычно, металлом, после замера перекрепим.

Мы прошли еще несколько метров ствола,

миновав рекордную отметку. Боровиков был словно хмельной. Он то и дело вскидывался за своим столом, бросая быстрый горделивый взгляд на нашего бригадира:

— А ты мне не верил. Завтра приедут из центра маркшейдеры, сделают точный замер — и рекорд ваш!..

Он хотел сказать еще что-то, но в этот миг в нарядную ворвался звеньевой Горячев, которого мы должны были менять в забое.

— Доигрались, мать вашу! — крикнул он фальцетом. — Плывун пошел!

— Где люди? — взвился Боровиков.

— На-горах, все выехали, — успокоил Горячев. — А работа вся козлу под хвост.

И, словно ища поддержки, жалобно закашлялся:

— Дали бы человеку закурить...

Кто-то протянул Горячеву пачку сигарет. Ермил уже был в дверях. На ходу он крикнул Ларионову:

— Давай на машину! Придется на гоп-стоп работать.

Мы бежали гурьбой к стволу, затягивая на ходу пояса, на которых болтались аккумуляторные батареи. Под копром былолюдно. Проходчики Горячева галдели все разом. Перекрывая гул, Ермилов крикнул:

— А ну, помолчи!

Легко перекинул свое мохлястое тело в бадью. Следом ввалился Боровиков. Метнувшись к бадье Селютина Ермил остановил:

— Вдвоем скатаемся... — и посмотрел на сигнальщика: — Чего ворон ловишь? Давай спускай, да сигнал не зевай!

Работать на гоп-стоп — ответственное дело. Интуитивно, ориентируясь лишь по количеству смотанного с барабана каната, машинист должен точно знать, где сейчас находится бадья. Петр Ларионов будто прикипел к рычагам.

Прошла, кажется, вечность, прежде чем из глубины ствола прилетел глухой крик:

— Стоп!..

И тут же судорожно дернулся сигнальщик, резко надавил на кнопку. В машинном отделении коротко охнул ревун, и в тот же миг Петр Ларионов намертво затормозил барабан машины.

— Приехали, — протянул Горячев, но никто не поддержал его.

Проходчики молча смотрели на чуть подрагивающий канат, прислушивались, не доносится ли из чрева ствола каких-нибудь звуков, по которым можно было бы понять, что там происходит.

Прошло не меньше четверти часа, когда из его глубин раздалась гулкие крики:

— Гооп, гооп!..

— Подъем! — встрепенулся Горячев.

Вынырнула бадья из ствола неожиданно резко, почти мгновенно. Еще не успела она стать на ляды, как Ермил уже командовал:

— Горячев, Селютин, Мионов и Неустроев — со мной! Остальным готовить лес, обрезные плахи.

Четверка проходчиков разом поспешила к бадье. И в этот миг взгляды наши встретились. Не знаю, почувствовал ли мое желание Ермил, но, пытливо окинув меня с ног до головы, неожиданно распорядился:

— Давай, Серега, сюда!

Звать меня два раза не надо. Не успел еще Горячев втиснуть свой широкий зад между проходчиками, как я уже прижался грудью к прохладной бортовине бадьи рядом с бригадиром.

Когда же бадья стремительно ухнула вниз, у меня нервно шевельнулось сердце, и я с тревогой подумал, что ждет нас в забое.

Мне и до этого приходилось видеть, как словно спички ломает порой капризная кровля толстенные лесины. Но чтобы в считанные часы мягкая и податливая под рукой глина могла напрочь смять солидное металлическое кольцо крепи — воспринималось с трудом. Выглядел потерянным Боровиков: лицо бледное, испуганное. Пока мы молча осматривали место предстоящей работы, причитал:

— Надо же, все прахом пошло!

— Хватит зудеть, — осадил его Ермил. — Я тебе когда говорил? Теперь расхлебывай. Горячев, успевший лучше всех изучить ситуацию, сказал:

— Как бы монолит, что лежит на плывуне сверху, не сыграл в забой. Тогда, считай, кранты нам.

— Ну, тогда извини,— сказал Ермил.

— Ну, теперь ты понял, что главное в нашем деле — не рекорд?



ХОРОШАЯ У ЗОЙКИ ЖИЗНЬ

РАССКАЗ

Нет, а все ж таких, как эта фуфыня в троллейбусе, Зойка не терпела. Ах ты, она не может сидеть с Ленечкой рядом, сразу же соскочила. Фуфыня!..

Зойка почти с ненавистью взглянула на эту принаряженную дамочку лет сорока пяти. Для ненависти нужно другое настроение, а сегодня Зойке хорошо. Она наклонилась к Ленечке и хриловато-певуче сказала:

— Не спи, Ленечка, скоро приедем. — Потормошила его. Ленечка ословело бормотнул что-то, поднял было ежик головы и уронил опять подбородок на грудь. — И с чего тебя так развезло, Ленечка? Ну, не спи, не спи!

И Зойка победно оглядела всех в троллейбусе. Она всего добивалась сама, мучалась, цеплялась, карабкалась... А сейчас зато все — хорошо! Ленечка вот вернулся. С чего это его так развезло, дурачка? Непонятно. Но так все хорошо складывается, что прямо не верится. Скоро ребеночек родится, и у нее, Зойки, будет семья, как у всех порядочных людей. А там, глядишь, квартиру они с Ленечкой получат, очереди подходит, а начальник цеха Петр Петрович — ничего мужик, обещал помочь с квартирой, словечко замолвить. И квартиру получают, и обстановку купят, теперь-то, когда Ленечка вернулся. За ум он возьмется, в это Зойка верила абсолютно, и все у них будет, как у людей. Еще такие, как фуфыня, позавидуют. Зойка насмешливо посмотрела на женщину, которая не стала с Ленечкой рядом сидеть. Тоже, глянь-ка, цепляется за молодость: реснички

накрасила, маникюр, то-се, чутьем только и догадаешься, что перевалило за сорок. Ей, Зойке, такую жизнь, с маникюрами, — она куда бы лучше выглядела в свои тридцать семь. Нутром Зойка любую женщину чувствует, это ей все товарки говорили. «Ты, Зойка, — говорили, — как рентген, все усекаешь в момент».

Зойка еще раз посмотрела на женщину. Та заметила взгляд, передернула плечиками. Ах ты, фуфыня... Зойка отчего-то обиделась. А попробовала бы эта старая молодуха на выкладке кирпичей поработать... Куда бы маникюры девались!

Серая пыль на плечах, на волосах. Серая, плотная пыль в горле...

На выкладке давно уж Зойка не работала, а все тяжело вспомнить. Приползала, считай, в общагу, падала без рук-ног на кровать — до утра. Теперь-то на дозаторе, на формовке кирпичей — дело иное. Ничего себе работенка. Порой и по двести пятьдесят зарабатывать удается. А вообще Зойка терпеть не могла свою работу, просто другой не умела или не хотела. Тут хоть деньги заработать удается. Но такая работа никому не любя. Грязная, тяжелая, неприглядная. Найти бы дурака, который визжал бы в восторге от такой работенки!

За четырнадцать лет, что Зойка на кирзаводе мантулит, много, конечно, разного случилось. Погрузчики новые, кары-бары всякие, а проку-то! Как был бой кирпича, так и остался. Труха, а не кирпич, щебенка, в руках рассыпается. Как был Петр Петрович,

так и есть. Курам на смех, скажи — не поверят: едва расписываться умеет начальничек. Этак и Зойка могла бы... Она ухмылинулась. Но Петр Петрович — ничего мужик, не заедает сильно, жить можно. Тошно только бывает.

А давеча Ленечка шутку отмочил! Зойка хмыкнула, наклонилась:

— Ленечка, не спи. Скоро дома будем.

Тот слабо шевельнул голубой от татуировки рукой.

Ленечку на выкладку поставили — малость проштрафился: день прогулял. Ну уж и ничего особенного, со всеми мужиками грех бывает. А его — на выкладку сразу. В печи жарко, пылюка. С похмелья и без того нить хочется. Никакого к человеку снисхождения!.. Ах, вы так? Ну и мы так!.. Платите за тысячу кирпичей на трех поддонах? Получайте!.. Ленечка колодцем уложил кирпичи, а в середину мусора, боя набросал, кирпичами прикрыл. Сошло. Строители все хватают без разбора. На все согласные. Смена до сих пор ржет, как Ленечкину шутку вспомнит.

Зойка пригорюнилась, ей с чего-то строителей стало жалко. Дурацкая, конечно, шутка. Посмотрела на Ленечку: почему его так развезло? Вроде, и выжили чуть.

Глянь-ка, фуфыня не сошла еще... Что и соскакивала с места, сидела бы спокойно. Врачиха тоже, навряд ли этой. Все неймется. «Вам, мамаша, — это она Зойке говорит, — вам нельзя пить, ни в коем случае, ни в кой мере!» Да разве Зойка пьет?! Не пьет, за рукав выливает. Да кто не пьет в наше время? Немножко, для аппетита только — на

пользу. От такой жизни только на пользу. Так бывает тошно!

Вот и пора выходить.

— Ленечка, мы выходим. Ну, вставай, вставай...

Зойка едва успевает выволочь Ленечку из троллейбуса, чуть пятки дверцами не защемило. Попадись мне! — грозит кулаком Зойка вслед водителю. Троллейбус, словно испугавшись, с воем убегает дальше.

А Зойка и уговорами, и волоком ведет Ленечку домой, на квартиру. Жить можно, хотя-seba ничего себе, терпимые. Не возникают сильно-то. Косятся только, как Ленечка вернул. А бояться слово сказать поперек. Бандит, думают. Если в тюрьме сидел, то не обязательно — бандит. Совсем даже не обязательно.

С детства видел Ленечка хорошее? Мать померла, отец пил да дрался. Оттого и Ленечка нервный такой. Что не по нем, сразу — в кулаки. А заступиться некому. Адвокатов нанимать — кошелек толстый надо. Это для тех, кто маникюрится, для фуфынь всяких, оправдания да снисхождения.

— Правда, Ленечка?

— М-м-м...

— Ты иди-иди, переставляй ноги. Вот так... Ну, пришли наконец. Господи!

Зойка уложила Ленечку на кровать, раззула-раздела, укрыла одеяльцем. Грузно опустилась на табуретку и так что-то задумалась и — ни о чем особенном. А слезы капались по ее одутловатому, в темных пятнах, лицу. Как годы. Как надежды. Она не чувствовала их медленного бега, не утирала лица, а, тупо глядя впереди себя и не видя ничего, сидела и едва заметно покачивалась.

НАКАНУНЕ ВЕСНЫ

РАССКАЗ

Иринка влетела в квартиру возбужденная, шарф выбился и языком повис поверх пальто, нижняя петля застегнута на предыду-

щую пуговицу. Девочка, как всегда, на дорожку на ходу сбросила сапоги.

— Мама! — блестя глазами, выкрикнула

она. — У нас будет вечер! Танцы! Завтра в четыре часа, после уроков.

Мать из кухни подала голос:

— Ишь ты, танцы... Интересно... Иди есть.

— Я не хочу еще. К нам, мама, придет бывший фронтовик. А потом вечер. Мы домой сбегаем, переоденемся и вернемся. А он расскажет о чем-нибудь. Мария Сергеевна сказала, что потом в спортзале танцы. Шестые и седьмые классы будут...

— Ты руки мыла? Иди — вымой. Руки немые, а куски хватаешь.

— Ага! — Иринка поцеловала мать, неуклюже ткнувшись носом. — Я не выдержала — очень вкусно пахнет. Я сейчас, мамочка.

Из ванной мать слышала восторженные возгласы, непонятные за шумом воды. Иринка мелькнула в дверях в соседнюю комнату. Села за стол.

— Теперь я хорошо танцую? Да? — спросила она. — Ну скажи, а?

Вскочила и, напевая мелодию, взмахнула руками.

— Сиди спокойно! Ирина, честно: рассержусь! Ешь... Ты уже такая здоровая девочка. Скоро тринадцать. А за столом не умещай себя вести, — сказала мать и вышла из кухни.

— Мама! Мамочка, не сердись.

Но та уже не слышала. Раскрыв книгу и закулив, она углубилась в чтение. Пепел она забывала сбрасывать, и скоро пол около ног, ручка кресла и колени ее были припорошены тонкой серой пылью.

Иринка не разговаривала больше, знала: мать не любит, когда ей мешают. Стараясь не греметь, вымыла посуду.

— Mam, я погуляю?

— Угу.

Иринка нулей вылетела на улицу.

— Завтра, — села она тихонько, — завтра будет вечер, будут танцы!

Музыкой была канель. Зима отступала неохотно, медленно. Еще вчера она стучалась в окна, требовала к себе внимания. Днем смирилась, запряталась в синие тени домов. В сугробах на припекке появились резные

кружевца льдинок, кромки одиночных следов закруглились, а под водосточными трубами темнела талая вода, и каждая новая капля торжествующе вызванивала кончину зиме.

Двое малышей перепрыгивали через кусты ручеек. После каждого прыжка они оглашали двор громкими, радостными и бесвязными воплями.

Иринка снисходительно, сверху вниз, посмотрела на них и перешагнула ручеек, хотя было желание перепрыгнуть через него: возраст не позволял совершать глупости. Малыши, приоткрыв рты, посмотрели ей вслед и, минуту помедлив, стали бегать впергонки.

Девочка и не знала, куда ей пойти, что делать. Бегать? С кем? С малышкой? Ну и вообще — несерьезно бегать.

На горке покататься? Зимняя белая гордость всего двора, горка, побурела, зашеравилась потеками, и только пацаненок лет трех отчаянно работал пятками, подталкивая себя к подножию.

Пойти к Лене... Наверное, к Лене — не надо...

У Иринки не было близких подруг. И класс попался недружный, все порознь, каждый — сам по себе. Не было у Иринки ни дома, ни в классе хорошей подружки. Раньше — до переезда — была. Светланка. И другие девочки — в той школе, где прежде Иринка училась и куда ехать больше получаса, много было друзей. А здесь никого. Проще, чем с другими, Иринке было с Леной, но уже не раз, выведав какой-нибудь секрет, Лена неожиданно переставала с ней дружить и все-все рассказывала Катке Федосовой. Так было, когда Иринка раскрыла тайну про Сашу Перминова: на Сашу радостно было смотреть, и Иринке казалось, что Саша как-то по-особенному поглядывает на нее. Теперь в классе Ирку дразнят: «Лалина влюбилась в Перминова!» А Сашка пообещал подкараулить и побить, потому что ему надоело прозвище «жених». И если этот самый-самый секрет она выдала, что и говорить про другие. Что квартиру разменяли с отцом и он проходит мимо Иринки и даже

не здороваются. В классе знают и о курении матери... И все это из-за Ленки! Ленка — предательница! К ней просто нельзя идти.

Мысли расстроили Иринку. Поболтавшись немного на улице, она вернулась домой. Уроки сделала кое-как. Посмотрела телевизор.

Мать, наконец, очнулась, дочитала главу, и Иринка поспешила спросить:

— Мама, в чем я пойду на вечер?

Мать долго раздумывать не стала, выбирать было не из чего: нарядов раз-два и обчелся.

— Вот, — сказала она, — сарафан и белая кофточка. Для вечера это подойдет в самый раз. Растешь, доча... Шелковое платье, совсем новое и — не годится, такая жалость! — И она ласково потрепала дочь по волосам. Иринка видела себя в пыльном белом платье, как показывали по телевизору, и потому вначале упала духом. Кофточка-то была почти новая, а сарафан...

— Зато он тебе очень подходит, — сказала мать. — А что ношенный, это — ерунда. Черный. Незаметно. Почисть, погладь, и все будет хорошо. Сама увидишь...

Все равно Иринка взгрустнула, а перед собой даже не заплакала.

И настало утро. И прошли наконец до-о-олгие уроки.

...Иринка придирчиво осмотрела себя в зеркале. Косы мама распустила и подхватила лентой. Пряди волос щекотали шею, и новая прическа делала Иринку совсем взрослой. А кофточка — как влитая. «Мама права», — подумала девочка. Она вздохнула: мама все-таки очень строгая, не разрешает тенями покраситься. Вон Ленка — с синими веками. Она говорила как-то: мелом можно красить. А Оля Морозова волосы завилла. Ух, и красивое же у нее платье! И туфли белые... Иринка с сожалением посмотрела на свои саночки. Они зеркально блестели, так тщательно были вычищены, и настроение у нее повысилось.

У входа в спортивный зал еще толпились ребята. Иринка посторонилась, мимо нее прошли Мария Сергеевна и фронтовик Семен Ильич Гареев. Седой, высокий, с усталым и спокойным лицом, он очень понравился

Иринке. Она подумала, что если б таким был ее отец и мог бы так же интересно рассказывать, как Семен Ильич!

В спортзале было празднично от музыки, многолюдно, от флагов и плакатов. Иринка словно нырнула в иной, прекрасный мир. Огляделась. Кое-кто уже танцевал под музыку из репродуктора школьного радиоузла.

— Пойдем потанцуем? — сказала Иринка Лене, которая оказалась рядом.

— Нет. Мы с Катей договорились сегодня весь вечер танцевать.

Отдельными группами возле стен расположились мальчики и девочки, шести- и семиклассники.

Под музыку ноги сами невольно притопывали. Очень хотелось кружиться, двигаться, чтобы мелькали вокруг лица в карнавальном возбуждении...

— Саша, можно тебя пригласить?

Перминов смерил ее с головы до ног.

— Отвяжись от меня! Не то... — со скрытой угрозой буркнул он и отошел в сторону. Иринка попыталась еще пригласить двух девочек. Но одна из них, как назло, не умела танцевать и потому отказалась. Другая отказалась без объяснений.

Девочка так огорчилась, что чуть не заплакала. Она бы и заплакала: было нельзя. В том чувстве, с которым она смотрела в зал, не было злости. Просто ей самой хотелось быть там. Но — не пойдешь ведь одна... «Ну почему? Почему никто не хочет со мной танцевать?!»

И в тот момент, когда слезы наполнили глаза, заслоняя зал, и Иринка опустила голову, она услышала негромкое:

— Разрешите вас пригласить?

Семен Ильич, пожалуй, не смог бы ответить, почему он пригласил на танец эту девочку.

Может, потому что и трогательно, и завидно, и радостно было ему видеть школу, этих ребятешек и так живо вспомнилась молодость, но он уже с горечью подумал было, как легко они, только что увлеченные его рассказом, забыли все вмиг, отстранились от его боли прошлой жизни. А эта девочка... Ее он пожалел, наверное.

Она не выделялась красотой или грацией. Желтоватая кожа указывала на переутомление, волосы, освобожденные от тугих косичек, топорщились неровными завитками, скромная одежда лишь подчеркивала ее непомерно длинные руки и ноги, сутуловатость.

С неожиданным сочувствием Семен Ильич видел, как девочка подбежала к одной, потом к другой подружке и отошла, сутулясь еще больше. Она стояла у стены, и на ее подвижном лице сменялись надежда отчаянием, отражение чужой улыбки — близкими слезами.

И вот тогда-то, подчиняясь неожиданному порыву, Семен Ильич подошел к ней. Склонил со старомодной почтительностью голову:

— Разрешите вас пригласить?

— Да! — почти выкрикнула она, еще и не осознавая, кто ее приглашает, порывисто шагнула навстречу, подала потную ладонь и тут только удивилась, улыбнулась.

Семен Ильич танцевал, с доброй усмешкой наблюдая за девочкой. Она была горда: взрослый человек танцует с ней, с Иринкой, а не с Олей Морозовой, ни с какой другой девочкой! Радость окрасила щеки. Глаза

сверкали восторгом. Куда девалась неуклюжая скованность. Послушно девочка следовала каждому его движению, ритму музыки.

— Вы хорошо танцуете, — заметил Гареев.

— Меня звать Ира. Я очень люблю танцевать! — выпалила она. — Как хорошо танцевать! Ведь правда?

О ней говорили. На нее оглядывались. Иринка это видела, принимая внимание за восхищение. А в нем было непонимание и желание разобраться, что примечательного, что необычного в Лапиной?

Величавая мелодия вальса славилась праздником исполненных надежд.

— Благодарю вас.

— Спасибо вам! — откликнулась она, эта маленькая женщина, на всю жизнь, сама того не зная, запомнив этот миг и этого старого доброго человека. Придерживая под руку, Гареев проводил свою маленькую даму на место. Отошел в сторону и снова смотрел в зал. В его строгом чеканном лице странно сочетались отрешенность часового и мудрость старика.

Нестрели в круговерти наряды, и Семен Ильич с добрым чувством видел среди танцующих Иринкино счастливое лицо.

Анатолий Сосимович

ДЛЯ ЧЕГО ЧЕЛОВЕКУ ДАЧА?

Информация к размышлению

Идет заседание бюро горкома партии. Слушается персональное дело секретаря одного из крупнейших партийных комитетов города.

Суть дела: используя служебное положение, забыв о скромности, о требованиях Устава КПСС и партийной этики, этот сравнительно молодой по возрасту, но не по опыту партийной работы человек отгрохал себе на садовом участке такой домик-теремок, который ни под каким соусом нельзя подать как летний домик в садоводческом товариществе.

Правда, за материалы оплатил, как положено. Однако привести свое строение в норму отказался, сославшись на то, что оно ему лично не принадлежит, а записано на тещу и сестру жены, которые, естественно, возражают, а он ничего поделать не может.

— Считаете ли вы свои действия совместимыми с нормами партийной морали? — задает вопрос один из членов бюро.

— Законов я не нарушил, дача, как видите, не моя. Пытался уговорить тещу и свояченицу ликвидировать дачу, но те отказались. Вины своей в этом не вижу.

Он умалчивает о том, что его именем и старанием добывались материалы и транспорт для строительства, что, рано почувствовав приближение грозы, он переоформил строение на родственников, что этот формальный акт ему был нужен, чтобы отвести от себя возможные неприятности.

Его двоедушие так очевидно, что члены бюро единодушно голосуют: дальнейшее пребывание на партийной работе этого человека невозможно.

Ненастный осенний день под шорох мелко-го нудного дождя подходил к концу. Я шел обочиной раскисшей дороги, проклиная себя за то, что не остался дома и вот теперь мокну, как бездомный пес, хотя мог бы валяться на диване с книжкой в руках в теплой городской квартире, тем более, что охота не получилась. Добавьте к этому, что до деревушки, где мне предстояло ночевать, еще оставалось верст пять, да все лесом, да все по грязи, и вы поймете, что настроение у меня было, прямо скажем, не самое лучшее.

Но вот впереди за поворотом я увидел фигуру еще одного бедолаги, который, втянув голову в плечи, месил грязь по самой середине дороги, упорно двигаясь в том же направлении, что и я. Через несколько минут я догнал его. Это был знакомый дачник.

Поздоровавшись, я спросил его:

— Куда ж это тебя носило в такую непогоду? Ну, я — охотник, а охота — пуще неволи. А тебе-то что не сидится дома?

— Понимаешь, ходил в соседнюю деревню. Там бабка одна продавала лошадь со сбруей, телегу и плуг. Я хотел купить: недорого, всего 800 рублей. Да опоздал, какой-то дачник уже перехватил.

— А зачем тебе лошадь и все остальное?

— Да ты что, не понимаешь? — удивился знакомый, разглядывая меня, как музейный экспонат. — Да я тут с лошадью и телегой буду кумом королю и сватом министру. И себе вовремя огород вспашу, и дрова-сено вывезу, и соседям помогу, понятно не бесплатно, и, извини, навоз конский у меня будет — лучший навоз для огуречных грядок.

Сраженный этими железными аргументами напавал, я замолчал и всю оставшуюся дорогу размышлял о том, что если бы моему оборотистому знакомцу предложили трактор, то он купил бы его не задумываясь, а потом, глядишь, и тракториста нанял бы, а потом...

СУПЕРБЛАГО — СУПЕРВРАГ

Последние годы я, как правило, провожу лето в деревне. Точнее, в бывших деревнях, которые сейчас стали практически дачными поселками. Весной и летом в них живут в основном новокузнецчане — владельцы дач, их родственники и друзья, а на зиму остаются две-три семьи местных жителей.

Горожане стали дачниками, получив в наследство дедовский или отцовский дом или купив в свое время по бросовой цене в обход законов дом в деревне у того, кто решил перебраться в город.

Правда, в последнее время вокруг города возникло много садовых и дачных кооперативов, в которых выросли, как грибы после дождя, целые поселки таких домов-теремов, что сейчас трудно определить, где садовый кооператив, а где дачный, хотя по своему статусу они должны резко отличаться один от другого. И прежде всего — размерами участков и строений, которые возводятся на них. Но сейчас речь не об этом, а поэтому вернемся, как говорят, к нашим баранам.

Места, где стоят деревни, которые с легкой руки некоторых ретивых переустроителей сельского быта стали называться неперспективными, — благодатные: кругом тайга, речки, много ягод и грибов, хорошая рыбалка и охота. И тишина: дорог добрых сюда нет, исторических и географических достопримечательностей — тоже, а следовательно механизированные горожане и толпы туристодикарей сюда докатываются сравнительно редко. Как говорят, отдыхай в свое удовольствие. Но чем больше наблюдаю за жизнью дачных поселков, тем чаще задаю себе вопрос: «А для чего человеку дача?»

Станный, не правда ли, вопрос? «Дача, как сообщает нормативный «Словарь русского языка», — загородный дом для летнего отдыха городских жителей». Коротко и ясно.

Добавим к этой формуле, что дача — это еще и небольшой огород при доме, а в дальнем конце огорода — иногда крохотная банька, поблизости от дома — погреб для хранения картошки-морковки, реже — колодец со скрипучим журавлем или без него.

Все здесь располагает к отдыху от городской суеты и многолюдья: бери грибы и ягоды, лови пескарей и чебаков, копайся в свое удовольствие в огороде и выращивай невиданные урожаи картошки и помидоров, гигантскую викторию и цветы несказанной красоты, загорай и слушай тишину.

И вы, читатель, вместе со мною уже готовы подтвердить, что лучшего и желать нечего, а выяснять, для чего человеку дача — все равно что ясным днем с фонарем по улицам ходить, когда и так все видно. Но видно-то видно, да не все...

Этот дом стоит почти у самой реки — добротный, вместительный. Владелец его, по словам старожилов, работает где-то в геологии или на шахте. Хозяин, судя по всему, рачительный. Сначала подвел под дом бетонный фундамент. Надо? Конечно. Потом под домом решил оборудовать нечто вроде подвального этажа с кухней, погребом и гаражом. Решил и... сделал. Все лето, как негр-невольник, работал вместе с чадами и домочадцами: копал землю, бетонировал подвальное помещение. Закончил строительно-монтажные работы в подвале — переключился на расширение огорода. Напилел в тайге бревен для столбов, нарубил жердей, благо местный лесничий — мужик покладистый и не очень щепетильный при выдаче разрешений на порубку государственного добра. И к 6—8 соткам законного огорода, который был при доме, по осени прихватил еще чуть не столько же, оградив накрепко часть прилегающего пустыря (благо, за это своеволие с него спросить, оказалось, некому). Вот так «отдыхает» этот дачник. Так «наотдыхается», что, поди, дня три на работе в своей конторе пальцем шевельнуть не может, разве только к концу недели отойдет, сердечный.

Скажите, нетипичный пример? Ну, это как посмотреть. Но для убедительности — еще несколько дачных картинок.

Посередине главной деревенской улицы — великолепный дом, окруженный разными хозяйственными постройками. В нем живет семья то ли пенсионера, то ли человека без определенных занятий. Извините, я оговорился, так как занятие у него есть: в многочисленных хлевах и клетушках содержатся две коровы и лошадь, несколько подвинков, овцы, птица; были до последнего времени у него и песцы. Все это хозяйство дает дачнику немалый доход и требует больших усилий по уходу и расходов на содержание. Чтобы как-то прокормить и обиходить эту животноводческую ферму, впору работников нанимать, а не об отдыхе думать.

Раньше в таких деревнях на три десятка дворов, оставленных прежними владельцами, а потом проданных новокузнецанам, приходилось пятюк бань, в которых даже в самое людное время успевали помыться все дачники и их гости. Сегодня деревни и садоводческие кооперативы переживают банный бум: бани растут как грибы, вопреки законодательству, вопреки здравому смыслу. Они все больше совершенствуются, повышается степень их комфортности и благоустройства. Если у первых дачников были простые деревенские бани по-черному, доставшиеся им от прежних домовладельцев, то теперь появились бани с усовершенствованными печами, над конструкциями которых ломали головы специалисты-теплотехники и колдовали дипломированные электро- и газосварщики. Внутри бани стали обшивать «вагонкой» или тесом из благородной сосны, а кое-кто, говорят, уже проектирует персональный помывочный объект с индивидуальным бассейном и пивным баром. Если и дальше так пойдет дело, то не удивлюсь, что из желания «переплюнуть» соседа кто-нибудь, войдя в раж, соорудит баню с рестораном, бассейном и пятидесятиметровой дорожкой.

Кстати, как сообщала в прошлом году газета «Кузбасс», один из крупных руководителей угольной промышленности области, которого за излишества, допущенные в строительстве персональной дачи, привлекли к ответственности, возмущенно высказывался в таких выражениях:

— А что, разве за свои кровные я не имею права построить то, что хочу и как хочу? Я работаю больше некоторых и имею право на больший комфорт во время «кайфа».

Вот так вот.

У инженера с Записба — прекрасная дача в деревне, при ней отличный гараж для личного автомобиля, сваренный из хорошего, а не какого-нибудь бросового металла. Есть у него гараж и в городе, есть и третий гараж — в соседней деревне, где хозяйственный дачник «на всякий случай» держит моторную лодку.

Ну и что же дурного во всем этом, скажете вы? Что за беда, если владелец дачи вовремя подведет фундамент, переберет пол или крышу и тем самым сохранит дом? Или подновит погреб? Какой криминал усматривает автор в том, что дачник-пенсионер заведет корову, поросенка или станет выращивать нутрий, содержание которых не возбраняется ныне, а, наоборот, — поощряется государством? Что за грех в стремлении иметь хорошую баню или еще один гараж, если все это делается своими руками, за свой счет и на законном основании?

Резонные вопросы, ответы на которые, вроде бы, уже заложены в них самих. Но... Ох уж эти пресловутые «но». А ведь в них-то как раз все дело. Хорошо и правильно, когда дачник по-хозяйски и своевременно ремонтирует свой домик-теремок, следит, чтобы огород был возделан вовремя и как надо. Но скажите, зачем дачнику бетонный бункер под домом и три гаража? К чему ему огород в 15—20 соток, когда и пяти сотых гектара за глаза хватит, чтобы обеспечить семью картофелем и овощами на всю зиму?

На кой ляд, извините, человеку тратить силы и средства на строительство сверхкомфортабельной бани или дачи для семьи в три-четыре человека, если сюда он приезжает только летом для того, чтобы отдохнуть на лоне природы, всласть и в удовольствие — а не до изнеможения, как бывает, — покопаться в огороде или побродить в окрестностях в поисках грибов и ягод, избавиться от той самой гиподинамии, которая грозит большинству горожан; если в городе у него вели-

колепная квартира с ванной, душем и прочими удобствами?

Конечно, для большинства людей дача или садовый участок были, есть и будут всегда местом, где отдыхают, обретают покой, общаются с природой в самом возвышенном понимании этого слова, где открывают наедине с самим собою то, что не всегда откроешь в суете городских буден. Но факт остается фактом — в дачных поселках и садоводческих товариществах родился новый тип горожанина-дачника, который вольно или невольно становится рабом собственного непомерного тщеславия, а иногда и жадности, его идеал — мещанское благополучие, главный мотив, побуждающий к действию: быть не хуже других. А может быть, все-таки лучше быть «хуже»?

СЛОВО — РАЗГНЕВАННЫМ ДАЧНИКАМ

Многие читатели, видимо, помнят телевизионный фильм, сделанный на одной из студий США. Он называется «Двенадцать разгневанных мужчин» и считается классическим, своеобразным учебником для режиссеров и кинооператоров, работающих для малого экрана.

Так вот, в этом телефильме рассказывается о том, как в первом слушании суд единогласно приговаривает обвиняемого к смертной казни. Но в последний момент один из присяжных вдруг высказывает сомнение в правомерности приговора. Его сомнение стало толчком для всех двенадцати заседателей к более тщательному рассмотрению дела. И это рассмотрение окончилось тем, что обвиняемый был оправдан.

Автор не собирается «без суда и следствия приговаривать к смерти» дачников и садоводов, а, наоборот, предоставляет им слово для защиты. Я не назову фамилий «адвокатов», но заверяю читателей, что это невыдуманные люди, их письма хранятся в архиве газеты «Кузнецкий рабочий».

Итак, слово «защите».

«Я хочу сказать большое спасибо партии и правительству за то, что они уделяют такое внимание развитию дачных и садовых коопе-

ративов. Но откуда у нас такие завистливые люди? Глядя на нас, они думают, что мы много выращиваем, наживаемся. Да я бы дачникам спасибо говорила. А что сказать этим «пожирателям», извините за выражение? Работы действительно много, но зато я по 100 рублей за ягоду не плачу, и все овощи в зиму свои, потому что не жду, когда кто-то мне их вырастит».

«Совершенно согласен, что хоромы до 100 кв. метров полезной площади, бани, по размерам и по комфортабельности не уступающие коммунальным квартирам, хлев, в котором может разместиться «животина», превышающая по количеству и разнообразию все допустимые нормы, гаражи, в которые можно загонять автобус, летние кухни типа гостиницы — не укладываются ни в какие допустимые законом нормы. Не нужны такие излишества человеку с нормальными запросами. К ним-то, видимо, и относится статья 109 Гражданского кодекса РСФСР. Но зачем же опешлять самую идею создания садоводческих коллективов и строительства дач?»

«Если есть участок — значит не нужно тратить время на очереди, не надо ходить по базарам и платить баснословные цены за привозную из азиатских республик продукцию. Но для того чтобы это было, нужен большой физический труд, вложенный человеком для того, чтобы на «неудобных» землях появилась такая благодать. И нет, видимо, никакого криминала в том, что дачник, получив участок на болоте, в течение нескольких лет не ловит пескарей, не ходит по грибы, а вырубает кочки и чахлые осинки, роет водоотводные каналы, делает грядки и т. д.»

«А проблема детей и подростков в летнее время? Дачник забирает их с собой и приучает к физическому труду. Дети на глазах и на свежем воздухе, не болтаются без присмотра».

«Баня по закону не положена на садовом участке. Как быть? После выходных дней можно дома смыть с себя дачный «загар». А если человек в отпуске или уже на пенсии, то тогда как? Другое дело, что при сооружении своего «помывочного объекта» надо со-

блюдать элементарные требования санитарно-го надзора».

«Несколько слов и о доходах с садовых участков. У рачительного садовода могут быть излишки, которые он захочет реализовать. Но в городе до сих пор плохо организован прием излишних ягод, овощей и фруктов от садоводов. А это создает много стихийных базаров и не менее стихийные цены, особенно на ягоды. Думаю, что продукцию садоводов надо заготавливать на месте — в обществах. Для этого правления садоводческих товариществ должны выделять помещения, а заготовительным органам останется только обеспечить приемные пункты тарой и своевременно вывезти заготовленное».

«Следует только восхищаться дачником, у которого земля в образцовом порядке, на постройку которого приятно взглянуть. И то, что люди берут пример с лучших и стараются не уступить им, — только похвально».

«Я не имею дачи, но считаю, что все дачники — великие труженики, а среди тружеников, как известно, не встретишь пьяниц, лодырей, тунеядцев. Люди, занимающиеся трудом, физически сильнее, реже обращаются в больницы. А что произойдет, если снести все дачи, сады, а вместо этого в селе заниматься только тем, что разглядывать небо, бродить по холмам и читать до одурения книжки?»

«Я, как и многие другие, уже пять лет держу мичуринский сад. Чтобы в нем все росло и было на диво другим — знаю, чего это стоит. Многое перенял у соседей-садоводов. Я вижу, как некоторые из них выращивают не только плоды и ягоды, но и откармливают поросят, занимаются кролиководством. А ведь это хорошая прибавка к нашему столу».

«Где взять проект и приобрести материалы для строительства дачи? Негде. Не потому ли некоторые используют всякого рода нелегальные каналы, привлекают на строительство подчиненных, вступают в конфликт с законом? Кстати, опытный глаз сразу определит дачу, которая построена на трудовые доходы, а какая — воровским путем, за счет государства. В этом вопросе — слово за Советской властью и прокуратурой».

«ПОСЛЕДНЕЕ» СЛОВО АВТОРА

Несмотря на убедительность и обоснованность аргументов оппонентов, они не смогли переубедить автора в том, что при определенных условиях часто экономическая и социальная проблема любительского садоводства и дачного строительства становится проблемой нравственной, а точнее совершенно безнравственной. И экономические и социальные выгоды, которые она несет при определенных условиях, оборачиваются такими нравственными потерями, которые наше общество ничем, а может быть, и никогда не сможет возместить.

Это вовсе не значит, как иронизируют иные «присяжные», что автор подвергает сомнению необходимость развития дачных и садоводческих кооперативов и обществ. Они несомненно нужны, они приносят большую пользу и, конечно же, вносят весомый вклад в решение Продовольственной программы, разработанной нашей партией. И правы те, кто ставит вопрос о выделении стройматериалов для дачников и садоводов, обеспечении их семенами, удобрениями и транспортом за определенную плату, чтобы люди не пользовались услугами ловкачей и жуликов. Над этим вопросом стоит хорошо подумать и правлениям кооперативов, и руководителям профсоюзных организаций предприятий и учреждений, и работникам торговли.

Но несомненно и другое — необходимо усилить контроль за соблюдением законодательства и уставов дачных и садоводческих кооперативов и обществ как в области соблюдения норм застройки и использования по назначению отведенных земельных участков, так и в области реализации излишков продуктов, получаемых от них.

Кстати, насчет излишков. К сожалению, садоводы и дачники не очень-то торопятся сдавать их в пункты Горкоопторга, которых к тому же очень мало, да и цены не устраивают тех, кто «делает бизнес». Но, думается, к таким, кто превращает участок в источник наживы, общество вправе и власть употребить. В конце концов, никто не должен забывать, что дачный участок — это, прежде всего, зем-

ля, принадлежащая народу, государству, и они вправе спросить с каждого, как он ее использует.

Некоторые горячие головы высказывают мысль о том, что владение на правах личной собственности дачами, гаражами, садами и прочими видами недвижимого и движимого имущества расшатывает устои социалистической экономики и чуть ли не порождает капиталистические отношения в нашем обществе. Думается, что тут налицо преувеличение опасности, но.

Видите, опять это «но». Ведь что бы мы ни говорили, а при известных условиях некоторая, пусть самая малая, часть владельцев дач и садовых участков в силу разного рода причин становится не только рабами своих непомерных желаний и стремлений (это еще можно было, как говорят, пережить), но и действительно подтачивает устои нашей экономики, так как превращают землю, выделенную во временное пользование, в источник сверхдоходов, в частнопредпринимательскую ферму, где на государственной земле, на кормах, производимых государством, выращиваются овощи и цветы, скот и птица, ягоды и фрукты, которые продаются не государству, а на рынках, по спекулятивным ценам.

Я, например, знаю всего один случай, когда садоводы-любители Новокузнецкого алюминиевого завода добровольно сдают излишки ягод в свой детский садик. Но мне известны десятки случаев, когда уважаемые в прошлом люди, прославленные бригадиры шахтерских коллективов гоняют личные «Жигули» и «Волги» в соседние города с грузом викитории и малины, торгуют там, как завзятые барыги, заламывая невероятные цены.

Часто говорят, мол, чем больше будет садоводов и дачников, тем дешевле будут фрукты-ягоды. За последние годы «любителей» действительно стало много, но вот парадокс: пять лет назад ведро малины на рынке стоило 7—10 рублей, а сейчас 15—20 рублей, а то и дороже, не падают цены и на картофель и на все виды овощей.

Еще один пример к этому разговору. В Юргинском районе в одной из деревень на каждом подворье держали по 20—30 голов свиней. Представьте, сколько им нужно кормов! А ведь на огороде в 15 соток их не вырастишь. Где же брали корма? У государства, со складов и ферм совхоза, воровали всем миром. Так что призывы к непомерному раздуванию личных подсобных хозяйств, как видим, могут оборачиваться и вот такими издержками.

Есть и вторая сторона у этой проблемы — нравственная. Такой добытчик-бизнесмен детей своих воспитывает по образцу и подобию своему — завистливыми стяжателями, которые равнодушны к делам общества, разрушает у окружающих веру в наши идеалы, так как попирает принцип «от каждого по способностям — каждому по труду». А ведь особых талантов и права жить лучше других у него нет, есть только все пробивающая жадность. Для него не достаток и вещи служат человеку, а человек — достатку и вещам, а главная ценность человека — не его духовные богатства, а количество денег, положенных на сберкнижку, или ковров и хрусталя в доме. За всем этим, как правило, во всей красе вырисовывается самодовольное «мурло мещанина». А потому восторг некоторых товарищей по поводу того, что дети, работая на даче или в саду рядом с родителями, становятся трудолюбивыми, здоровыми, думается, следует несколько поумерить, если вспомнить, что рядом с некоторыми родителями они начинают обретать опыт ловчил и торгашей, жуликоватых прилипал, деньгоделов. И забывать об этом мы не вправе.

И последнее. Автор ни в коей мере не зовет садоводов и дачников к праздному безделью и ничегонеделанью, не ратует за ликвидацию дач и садовых кооперативов. Наоборот, он за то, чтобы каждый участок был ухожен и обработан, давал отменные урожаи и способствовал физическому и духовному совершенствованию детей и взрослых. Но автор против того, чтобы дача или сад затмили все вокруг и стали главным содержанием жизни человека.

Геннадий Естамонов

ЗОЛУШКА

Искитимка в черте Кемерова настолько невзрачная речушка, что ее и речкой-то трудно назвать, она кажется сточной канавой, в которую льют «все и вся».

Так, наверное, кажется и большинству жителей города и всем, кто приезжает в гости к нам. Исчезни река сегодня, о ней вряд ли вспомнили бы завтра.

Многие считали, что речку надо запрятать в бетонные трубы и пустить прямо к очистным сооружениям, а сверху засыпать, заровнять, чтоб и помину не было о какой-то там Искитимке.

Заманчивый проект, не очень сложен технически, а главное, проще стало бы всем, кто загрязняет реку. Ее как таковой-то уже бы не было. Вздохнули бы свободно на мясокомбинате, авторемзаводе, на автобазах южного района, в поселке шахты «Ягуновская»...

А между тем городские очистные сооружения уже и сейчас-то работают с перегрузкой.

Я не могу приучить себя к мысли, что реки — это не живые существа и подходить к их проблемам надо проще, спокойнее и рациональнее, что ли.

Вот и Искитимка мне кажется живым существом. Больным, но пока еще живым, хотя живого в ней все меньше и меньше. Даже личинки комаров (мотыли) хиреют с каждым годом, и ими уже брезгуют страдающие без наживки рыбаки-подледники.

Как-то я сопровождал ради интереса одного такого любителя. Он осторожно долбил тонкий лед, опускал марлевый сачок в воду и долго «колдовал» там. Потом вынимал сачок и аккуратно и терпеливо, по одному выбирал из кашицы тонких красных червячков.

— Мальки-то хоть попадают в сачок? — Я имел в виду рыбью мелочь. А он или не дослышал, или у него своя была дума в голове, ответил мне огорченно:

— Мелки, говорите? Да они просто дистрофики! Даже такой живности, как комар, и то воды нужно немного. побольше, чем бензина и прочей мути в нашей Искитимке...

В речи рыбака мне понравилось явное огорчение и слово «нашей». Выходит, Искитимка для некоторых кемеровчан все-таки на-а-ша. А может быть, не только для некоторых? Потому что в нашем доме — все наше: и наш порядок, и наш беспорядок...

Вспоминая слова рыбака, я думал, что если личинке комара вода нужна почище, то мальку — рыбьему детенышу — и подавно. А нам? Ведь мы — живая цепочка в природе. Замыкая эту цепочку и размыкая ее, познавая самые сокровенные тайны, самые скрытые истины, мы порой не обращаем внимания на то, что лежит у нас перед глазами. И одна из этих истин: вода, чистая вода — богатство и чудо! Улыбнется скептик и воскликнет:

— Ну коль это богатство, то надо водичку на вес золота ценить. Пора ставить счетчики на квартирах и... брать за нее денежки, как за электроэнергию!..

Нет, к этому я не призываю, но нелишне будет напомнить, что в некоторых прикаспийских городах, как например в г. Шевченко, к воде относятся, я бы сказал, с почтением. Еще бы! Там пресную воду получают выпариванием и конденсацией морской, и по экономическим затратам она не намного дешевле электроэнергии.

Слава богу, воду из нашей матушки Томи не надо выпаривать и конденсировать, чтобы избавиться от солей. С учетом расходов на очистку и санитарную обработку воды, она стоит того, чтобы относиться к ней бережливее, чем мы это делаем подчас. Я имею в виду не только нас самих, но и всю городскую коммунальную службу и особенно водоканализационные службы промышленных предприятий. Назовите мне в городе дом, где была бы исправна вся водопроводная арматура и канализация. Назовете, конечно, но это лишь там, где действует сантехническая служба.

В нашем промышленном регионе с каждым годом все увеличивается расход воды на

технические нужды, и проблема обеспечения промышленных производств водой становится намного острее, чем нам кажется на первый взгляд. А выход здесь, разумеется, в одном: в замкнутом водооборотном цикле любого, самого маленького предприятия. Такие примеры есть в нашем городе, и они связаны непосредственно с проблемой очистки вод Искитимки.

Завод химического волокна полностью ликвидировал сток отходов в речку. А ведь он выпускал в нее несколько тысяч кубометров загрязненной воды в сутки. На заводе построен пруд — отстойник, и вода полностью замкнута в оборотном цикле. Это первое предприятие в городе, которое обходится без промышленного сброса. Вот почему радует пониженный уровень воды в Искитимке.

Я любил и люблю маленькие реки, а они, как это ни странно, не отвечают мне взаимностью: что-нибудь да случится со мной. В Анжеро-Судженске, где пришлось мне жить, бродил по Алчедату — ноги сыпью покрылись. Не знал я тогда, что химфармзавод туда стоки свои спускает, а сейчас не знаю: жива ли речка Алчедат?

Не обошла меня в детстве и Искитимка, вернее, я ее не обошел — здесь было самое близкое место купания от нашего детдома. Однажды во время такого купания я умудрился распороть себе осколком стекла ногу там, где только что прыгала и бултыхалась целая орава пацанов. Под оханье этой оравы, которая всячески помогала мне, я ковылял, оставая в пыльной ямке каждого следа капли, похожие на подмороженные ягоды калины... Так недружелюбно обошлась со мной когда-то Искитимка, но мне повезло: мне посчастливилось знать ее и гостеприимной, и щедрой, привлекательно-задумчивой в густой тальниковой зелени...

Собирая этот материал, я задавал вопросы людям, окна домов которых смотрят на ее берега и огороды подступают к воде:

— Стала ли Искитимка чище за последнее время?

Одни резонно отвечали, что, мол, какая разница, стала она чуть чище или нет: водичку-то пить из нее все-равно нельзя — значит, грязная.

Другие, в основном женщины, отвечали более определенно:

— Намного чище, намного! Раньше огороды поливали, так овощи то бензином, то соляркой пахли, а постоит ведро несколько минут, так грязи не меньше трети ведра отставалось. Теперь этого нет!

Когда я сказал, что, наверное, потихоньку все-таки лютот грязную водичку в Искитимку —

после мытья машин, при ремонтах и т. д. — работники автопредприятий категорически отвергли мое предположение:

— С этим сейчас стало очень строго. Врачи санэпидстанции — как автоинспекция. За малейшее нарушение если не оштрафуют, то «пропесочат» обязательно.

А на Южной автобазе построена для машин типовая мойка с очистными сооружениями, с замкнутым оборотным циклом. Это первое автопредприятие в городе, из хозяйства которого, образно выражаясь, не капает ни бензин, ни солярка, ни смазка.

Все вышесказанное подтвердили в городской санэпидстанции:

— Да, сейчас нет грубых технологических нарушений на всех автопредприятиях в черте города, которые раньше загрязняли Искитимку. Более того, построены типовые мойки машин и в автоколоннах 1237 и 1962.

— Можно подвести хотя бы некоторые итоги того, что сделано и делается для очистки вод Искитимки? — спросил я у заведующего отделом городской санэпидстанции В. И. Зайцева.

— Можно, — ответил он и привел краткий перечень основных мероприятий: ликвидированы переливы без очистки на авторемзаводе, предприятиях общества слепых и в других хозяйствах за счет того, что сооружен канализационный коллектор от устья Искитимки, а точнее — от насосной станции № 1 до авторемзавода; построены мойки с оборотным циклом на Южной автобазе, в автоколоннах 1237 и 1962 и канализационный коллектор от Южного района до аэропорта — с вводом его в действие прекратится сброс нескольких тысяч кубометров загрязненных стоков; прекращен сброс грязных стоков с завода химического волокна; разработан проект канализационного коллектора от поселка шахты «Ягуновская» до городских очистных сооружений, с пропускной способностью до десяти тысяч кубометров.

Если я в чем-то повторялся, то только для того, чтобы напомнить лишний раз, что работы по очистке вод и благоустройству берегов Искитимки не стоят на месте.

Но я не поленился напомнить и то, что основные загрязнители реки в черте города — мясокомбинат, Южный район и поселок шахты «Ягуновская» — пока... действуют. И это значит, что тысячи кубометров грязных стоков из Искитимки, минуя очистные сооружения, попадают в Тьму. А то, что в них нет ядовитых примесей типа фенола, смол и кислот и т. д., для нас лишь слабое успокоение, так как большинство органических примесей — биологически активные вещества, которые, находясь в воде, разлагаются, поглощая кислород. Кислород же в воде — это такая

же основа всего сущего, как и на земле...

Я слушал рассказ В. И. Зайцева, а в голове у меня вертелся несколько лирический вопрос: «А когда же все-таки мы сможем напиться из хрустального башмачка нашей Золушки-Искитимки?»

Но Вячеслав Иванович в это время, по-моему, не был склонен к лирике. Его вызывал начальник, звонили телефоны, он звонил, а ответы на мои вопросы были, как мне показалось, прежде всего ответами самому себе. Но я все-таки спросил:

— Вячеслав Иванович, все, что сделано,— хорошо. Сделано многое, но положи руку на сердце, когда можно будет утолить жажду чистой водой Искитимки?

Он задумался, наморщил лоб, помолчал некоторое время, а в его взгляде можно было ясно прочитать: «Мы же не боги!..» Я ошибся, он твердо, довольно твердо ответил:

— Году так в 85-м,—помолчал и продолжал:— А если нашими заботами проникнуты все, от кого это зависит, может, и раньше...

Я не стал просить его пояснить свою мысль: как-никак живем в одной области и я прекрасно понимаю, что ни городская, ни областная санэпидстанции не обладают правом абсолютного «вето». Допустим, ликвидируют все имеющиеся ныне места загрязнения, а на реках Прямой или Камышинке, которые, как известно, сливаясь, образуют Искитимку, задумают что-нибудь построить и построят, «забыв» взять разрешение санэпидстанции. Так было не раз. Например, строительство всех турбаз, за исключением «Юности», где есть очистные сооружения, не санкционировалось санэпидстанцией. И вот эти, разросшиеся до поселков туристические базы—ведь каждый завод старался для блага своих трудящихся—загрязняют Томь и другие реки неочищенными стоками... Грубо говоря, получается так: в одном месте убираем, в другом стараемся незаметно гадить.

Итак, 1985 год не очень уж и далек. И я надеюсь, что мы будем радостными свидетелями возрождения нашей городской Золушки.

На берегу Искитимки я не нашел того места, где мы купались в детстве, и немного грустный пошел новыми улицами в сторону мебельной фабрики. Вот и резной двухэтажный дом, когда-то казавшийся высоченным. Здесь я жил.

Дул порывистый, но еще не холодный ветер, и с тополей стайками слетала пожухлая листва. Тополя эти, пиленые-перепиленные, но на диво крепкие, свидетели и участники наших ребячьих проказ...

Отсюда я уходил с дядей Митей на рыбалку—и не куда-нибудь на Томь, а на Ис-

китимку, в сторону теперешнего авторемзавода.

Дяде Мите было лет семьдесят (он говорил: всего лишь семьдесят), а мне он казался старым-престарым, он очень не любил, если его называли дедушкой. Усы и борода—белые-белые—всегда были аккуратно подстрижены. Дядя Митя помнил Искитимку лесной речушкой, с голубыми плесами, с песчаными косами. А «песок чище проса твоего», и «вода в реке с хрипотцой». Это значило—попьешь не в меру и охрипнешь, холодна была водица.

Без рыбы мы никогда не возвращались, но дядя Митя всегда был недовольный, выбирая из сетки крупных чебаков:

— Вот раньше была рыбка так рыбка! Язь—что таз! Щука—бревно! А харюзишка в каждую ячею набивался!

Я верил дяде Мите, а он верил в бога. Часто поминал его по добру и по худу.

Когда спросишь его с усмешкой (все же я был пионером):

— Где бог твой живет-то?

— А хрен его знает,—ответит дядя Митя, не задумываясь, но, помолчав, добавит:— Все говорят, на небесах, но я думаю, его там нет, иначе давно бы самолетом зацепили. Скорей всего, где-нибудь под землей. Потому как из земли вся красота и благодать. Земля—живее всего, от нее все идет—значит, и бог там.

Я списходительно относился к его богу, потому что сам дядя Митя был на гражданской войне. «Значит, Советскую власть защищал!»—думал я и гордился дружбой с ним.

Однажды я спросил:

— Дядя Митя, на гражданской вы служили у Чапаева или у Шорса?

Дядя Митя раскурил затухающую трубку, потрогал усы. В гражданскую они, должно быть, были черными, как у Чапаева.

— У белых был я,—ответил дядя Митя грубовато, а потом, смягчаясь, добавил:— Нас всех, кто в лесу не спрятался, к Колчаку под ружье взяли...

Больше тридцати лет прошло с тех пор, многое забылось, а вот «колчаковца» дядю Митю помню. Помню, как пробирались по влажному от росы или тумана кустам и как вдруг капля падала за воротник и холодила все тело, внутри которого и без того росла злоба на неразоблаченного врага народа. Это продолжалось до тех пор, пока я не поделился своей мучительной тайной с воспитателем детского дома. А тот за мою бдительность назвал меня же дураком, а потом пояснил:

— Да этот «колчаковец» на войну с фашистами ушел добровольцем!..

И вот теперь, благодаря дяде Мите, я могу представить, какой красавицей когда-то

была Искитимка. Она и сейчас хранит былую красоту, а чтобы эта красота ожила и засверкала вновь всем на радость, надо помочь реке.

То, что благоустройством берегов Искитимки занимаются уже сейчас вплотную, заметили, наверное, все. А вот что мне рассказал и показал на макете главный архитектор города В. Д. Полтавцев.

В том месте, где сейчас стоит детский кинотеатр «Антошка», будут продолжены благоустройство и озеленение. Здесь поднимется парк. На водной поверхности, а уровень Искитимки повысится благодаря плотине, разместится плавучая танцевальная площадка, будет создана лодочная прокатная станция и организованы различные игры и аттракционы.

Дальше по левому берегу Искитимки раскинется красивый и современный детский автогородок с автодромом, пунктом проката. Здесь детишки будут не только играть, развлекаться, но и получать азы дорожного движения автотранспорта...

Ближе к устью Искитимки разместится на двадцати гектарах комплекс Дворца пионе-

ров со спортивными помещениями, морским клубом — зеркало реки позволит заниматься водно-моторным спортом, а сливная-переливная плотина — регулировать уровень воды, которая в весенний паводок будет из Томи легко переливаться через плотину, а летом — скапливаться в Искитимке. Русло речки очистят, а в месте впадения в Томь выпрямят. Протоку, куда сейчас впадает Искитимка, освободят от грязных наносов и здесь, как и на Томи за островом, устроят пляж. И наконец, в самом устье реки будет воздвигнут комплекс ВДНХ Кузбасса, а на правом берегу, наискосок от плавательного бассейна, полуподковой встанет красивое здание управления Кемеровской железной дороги с вычислительным центром.

Конечно, архитектору города было легче отвечать на мои вопросы. Все-таки строить заново часто легче, чем перестраивать, как это делает санитарная служба города, перестраивая всю водную систему Искитимки.

Я верю, что Золушка рано или поздно предстанет перед нами во всем великолепии и блеске.

«ВЕСНА В ПРИТОМЬЕ»

Так назывался традиционный праздник молодой Сибирской поэзии, который прошел на земле Кузнецкой. Кемеровская областная писательская организация, областной комитет ВЛКСМ и бюро «Досуг» пригласили для участия в празднике поэтов Новосибирска, Томска, Барнаула, Кемерова, Новокузнецка, Прокопьевска.

Литераторы встретились с читателями в цехах ордена Октябрьской Революции производственного объединения «Азот», производственного объединения «Химпром», на объединении «Химволокно», заводе «Коксохим», в учебных мастерских профессионально-технических училищ, в учреждениях и учебных заведениях.

Звучали стихи, участники праздника отвечали на многочисленные вопросы слушателей, знакомились с работой крупнейших промышленных предприятий.

Поэтический праздник закончился, но продолжают встречи поэтов и писателей Кузбасса с читателями. В короткие минуты обеденных перерывов в красных уголках цехов и шахтных раскомандировках, в студенческих общежитиях звучат в авторском исполнении стихи и рассказы. Как творческий отчет перед самым требовательным критиком — читателем — расценивают писатели каждое свое выступление перед аудиторией.

И. Ляхов,
уполномоченный бюро пропаганды художественной литературы
Союза писателей СССР

Борис Снявский

ЛЕВ ИЛИ СОБАЧКА?

(Английские впечатления)

У перекрестка, ожидая, когда впишется в поворот грузный двухэтажный омнибус, оставилась живописная группа монахов-бенедиктинцев в белых рясах. Рядом с ними продолжали вести свою беседу трое индийцев-сикхов, выделившие себя из толпы непосвященных своеобразно повязанной чалмой. Две веры оказались мирными соседями. Мимо Востока и Запада прошла Африка — молодая негрятинка с ребенком на руках. Десяток ее косичек с вплетенными в них ракушками раскачивался как в ритуальном танце.

По Риджен-стрит к Пикадилли идет народ. Я стараюсь впить глазами и памятью вавилонское смешение народов, языков, обликий. Это мои последние часы в Лондоне, да и в Англии вообще. Знаю, что дома друзья после «здравствуй» зададут вопрос: «Ну как там, в Англии?»

Отвечать, рассказывать я готовился с первых же шагов по острову, который своими очертаниями на карте напоминает севшего на задние лапы льва. Французы, правда, утверждают, что остров похож больше на маленькую собачку, выполняющую команду «служить». Все зависит от точки зрения. Англичане видят льва. И бог с ними. Пусть видят. Нам же предстояло открыть Англию каждому для себя.

ЧЕШИРСКИЙ КОТ И ЭКОЛОГИЯ

Самолет ринулся на бегущую по ватным холмам собственную тень, смял ее, захлебнулся белесым туманом, поднатужившись, прорвал его толщу и...

На изумрудном газоне рассыпались игрушечные двухэтажные домики красного кирпича с красными же черепичными крышами.

— Лондон?

Попутчик улыбается: — Да, да, Лондон.

— Так ведь Лондон — огромный город, а у англичан это называется «сити», а тут даже не «таун», а «виллидж» — деревня.

— Смотри, смотри, Имеющий глаза да увидит.

Очень захотелось пройти по этим улочкам, постучать в любую дверь, войти на приглашение, сказать кому-нибудь «здравствуйтесь».

Первая дверь первого английского дома открылась для меня в городе Дареме, до которой группе нашей пришлось прокатиться на автобусе с юга на север через всю Англию, затратив на дорогу целые сутки (!).

Европейские города со стоящими вплотную друг к другу островерхими домами всегда напоминают мне птичий базар, где большие, потерявшие осторожность, крылатые существа застыли в оцепенении, забыв о счастлимом чувстве полета.

В Дареме впечатление усилилось. Река Вир, сделав большую крутую петлю, вырезала из ландшафта скалистый холм, увенчанный, как короной, зданиями старинного университета и кафедрального собора. На него, на холм этот, и уселись птицы-домики. Мы могли стать временными обитателями почти любого из них.

В Англии гостей (туристов, членов различных делегаций) размещают чаще всего не по

отелям, а по частным квартирам. Благодаря этому я и попал в дом к миссис Майлз. Переступив порог ее большой квартиры, я очутился в девятнадцатом веке. В таком доме могли бы жить Шерлок Холмс и доктор Ватсон. Все оказалось на месте: трофеи из экзотических стран, гостиная с настоящим камином. И хозяйка — миссис Майлз — настоящая английская леди. И два кота — Плутон и Рэд. Огромный черный Плутон растянул губы в улыбке Чеширского кота — излишне отросшие клыки подарили ему гримасу, невольно вызвавшую в памяти изящную выдумку Льюиса Кэрролла.

Милая, добрая миссис Майлз... Всего три дня ваш дом был открыт для меня, но теперь мне совсем безразлично, как живет хозяйке дома номер двенадцать по Черси-стрит в маленьком городке на севере Англии. И кто придумал, что англичанки — ваши ровесницы — сухи и чопорны? Если они все такие, как вы, то это самые радушные хозяйки в мире. Я до сих пор помню свои мучения выбора, когда за завтраком не знал, на какой из предложенных вами четырех (французской, немецкой, английской, американской) горчич остановить. А помните, как мы выглядели, когда подгоняемые добрым английским дождем не вошли, а вбежали в ваш дом? Вы сразу заметили, что я, собираясь в страну хрестоматийно сырой погоды, не удостоился захватить с собой ни зонта, ни куртки; тут же последовал звонок соседу, и в Дареме мне было тепло и сухо; меня грели ваша забота и куртка мистера Фарби.

И что бы я делал без ваших рассказов, что бы я увидел и понял в вашей стране, не возьми вы на себя труд сделать Англию мне понятней и ближе?

Вечером, когда завершалась официальная программа и наш гид Карл Белшоу отправлялся домой, мы сидели в гостиной у камина, Плутон занимал привычное свое место у вас на коленях.

Вы рассказывали о том, что жизнь становится все дороже. И не только в Англии. Подруга ваша — учительница Салва — каждое лето в короткие шестинедельные канику-

лы ездит отдыхать в Испанию. Там тоже все дорожает очень быстро.

Когда умер ваш муж, вам, миссис Майлз, пришлось возобновить частную практику, и в окне, справа от входной двери, появилось объявление: «Беременны? Если вам нужна помощь, звоните по телефону... или прямо в дверь». Пришло время, когда и частная практика перестала обеспечивать прожиточный минимум, и в другом окне, слева, появилось еще одно объявление: «Бэд энд брэкфаст» (кровать и завтрак). Часть своей прекрасной квартиры вам пришлось превратить в частный пансион для туристов. Дорогие вашему сердцу вещи стали рекламой. Теперь обстановка ваших комнат не гонится за временем не только потому, что она связана с лучшими воспоминаниями: в доме традиционного английского стиля девятнадцатого века турист-иностранец остановится охотнее. Вы рассказывали, что Дарему еще везет. Раньше тут не было столько туристов, но теперь, когда землю графства привели в порядок, старинный собор стал привлекать много людей. Вот даже из какой дали приехали, из России.

Милая миссис Майлз, мы, к сожалению, и понятия не имели о вашем соборе, когда собирались в Англию. Хотя, конечно, не без его помощи мы увиделись: не будь его, зачем бы нас повезли в ничем не примечательный город? Собор ваш действительно очень красив. Теперь я знаю, что он один из самых старых в европейской готике. В моем журналистском архиве собор Дарема хранится рядом со слайдами величайших архитектурных творений человечества: с индийским Тадж-Махалом, пирамидами Луны и Солнца, буйными фресками Сикейроса и Риверы. И по праву. Чтобы увидеть и услышать собор, стоило ехать через всю Англию.

Однако десяток-другой лет назад ни собор, ни звучащий в нем Бах не смогли бы заманить в графство Дарем столько туристов, сколько приезжает сегодня: земля графства была обезображена. Когда-то тут добывали уголь, как открытым, так и подземным способами, а в самом Дареме ежегодно летом отмечался День шахтера.

Мы, кузбассовцы, отчетливо представляем, какой становится природа после разработок, и немало удивились, что о былом можно узнать только из рассказов: инженеры-экологи и специалисты по реконструкции ландшафта сделали великое дело — возродили землю. Карьерные и шахтные выработки были спланированы и засажены. На территории графства раскинулся самый большой в Европе рукотворный лес. В речушках вновь заплескалась рыба. Можно посидеть на берегу с удочкой, если, конечно, река не частная, хотя, впрочем, можно и в этом случае, надо только внести обусловленную плату.

Удивителен английский рыболов-любитель: он согласен платить за ужение даже не рассчитывая на улов. Тем более, что у большинства речушек красуется табличка «Поймал — отпусти». Так и делают. Рыбачат не ради добычи, а ради удовольствия.

Три дня — это очень и очень мало. В университете Дарема, хранящем традиции, освященные Оксфордом и Кембрижем, прекрасная кафедра русского языка. Мы встретили в столовой университета студентов, говорящих на русском. Они предлагали нам организовать встречу, но представитель фирмы так и не внял нашему обоюдному желанию. Как-то так само собой получилось, что меньше на встречу времени и не хватило.

Мы побывали на выставке скульптуры Генри Мура, но не успели побеседовать с художником, выставившем свои работы на площади города. Мы многое не успели. Единственное, что нас утешало — впереди еще было время. Дарем — только начало поездки.

Миссис Майлз вышла проводить нас. В окне с объявлением «Бэд энд брэкфаст» улыбался Чеширский кот. Я подумал, что это хорошее предзнаменование.

ИИСУС ХРИСТОС И ПЯТЬ ФУНТОВ

Три бутылки свежего молока и утренняя газета, несмотря на непогоду, оказались на месте. Их, как обычно, принесли в семь часов. Молоко оставили в металлической сетке у входной двери, газету спрятали от дождя под специальный полиэтиленовый козырек.

Поставив молоко в холодильник, я, утоляя профессиональное любопытство, развернул газету.

Английские десантники вышли-таки в Порт-Стэнли. Президент Аргентины в отставке. Сообщается об этом лаконично, броско и емко: на всю первую полосу портрет отставного президента и траурного цвета, но легкомысленной конфигурации шрифт: «Гуд бай, Гальтиери!» Вторая полоса — хроника с Фолклендов, комментарий. Третья — уголовная хроника. На остальных тридцати трех — семьдесят процентов рекламы. Снижаются цены на мебель — население почти не прибывает, новые дома не заселяются.

— Монни, Борис! Ты правильно делаешь, что рано встаешь. У раннего человека два дня в сутках.

Проем входной двери почти полностью закрыла фигура хозяина дома — Джона.

Принимающая нашу группу фирма обратилась к жителям графства Ноттингемшир: «Кто хочет пригласить в свой дом на три дня русских?» Необходимое количество семей, откликнувшихся на объявление, нашлось в городке Оллертоне.

Джон, в отличие от миссис Майлз, не сдает комнат постоянно — такой возможности у него просто-напросто нет, ему захотелось самому, в непосредственном общении уяснить себе, что это за люди — русские. На три дня я стал практически членом семьи Пейперов, потому так свободно и хозяйничаю на их кухне.

Джон не случайно дополнил утреннее приветствие репликой о раннем человеке: сам он время ценить умеет. Я встал рано, а Джон успел уже покопаться в стоящей без гаража, у ворот дома, машине, повозился на маленьком своем клочке земли. У дома Джона, как и у любого английского, крохотный участок, который не назовешь привычными нам словами «огород», «сад», потому что это ни то и ни другое. Есть, конечно, семьи, разводящие у дома огородную зелень, но то больше хобби, чем необходимость. Зеленные лавки в любое время года предложат самый широкий выбор от молодого картофеля до свежей клубники. Здесь же и экзотика: плоды ман-

го, бананы, ананасы, апельсины. Все продается поштучно или небольшими порциями — брать помногу нет нужды: купить необходимое можно когда угодно. Англия сейчас потеряла свои колонии, но «двухспальный английский лева» продолжает кормиться со стола бывших своих земель. Причем, везет в дом свой он не только диковинные плоды. Такую мелочь, как производство тапочек и прочего галантерейного барахла, он с легкостью доверил всяким там Гонконгам, Сингапурам, свое же внимание сосредоточил на сырьевых базах. По экономической карте мира широкими жирными полосами течет в Англию нефть с Ближнего Востока, руда и прочее сырье из Латинской Америки и Африки. Канада поставляет хлеб. Австралия — мясо. У британского льва аппетит хороший, и утолять его с каждым годом все труднее. Интересно в связи с этим такая деталь: по телевизору показывали визит в Англию президента США Р. Рейгана. Когда гость и правительство принимающей страны спускались по крутой лестнице, то вопреки всем правилам этикета Рейгана под локоток поддерживала дама. Надо ли уточнять, что сверхзаботливой леди оказалась Маргарет Тэтчер? Гость-то действительно дорогой, не грех и подслужиться.

Годы, долгие годы колониальной политики накопили Англии огромные богатства, они-то и позволили возникнуть обычаям, традициям, которые в иных странах немыслимы.

Так, участок у дома — просто лужайка, на свободном от газона месте — цветы. Ох уж эти лужайки! Без них, как и без камина, англичанин не чувствует комфорта. Лужайки везде. У каждого дома, на любом свободном от асфальта клочке, за городом, где играют в гольф или крикет. Создается впечатление, что в Англии вовсе нет дикорастущей травы, везде аккуратный, ледантично подстриженный зеленый ковер. Даже коровы, и те пасутся на огороженных лужайках, на которых растут какие-то определенные травы. Кукольные буренки кушают чистенький газон.

Оллертон — город шахтеров. Счастливая случайность: мы опять в шахтерском краю!

Шахты специализируются на добыче угля для тепловых электростанций, и это определяет жизненный уровень жителей города, стабильность их положения, их планы на будущее. Пока все нормально. Запасы угля — обнадеживающе, перевод электростанций на более экономическое топливо вроде не планируется, а это означает, что сегодня жителям Оллертона беспокоиться не о чем: работой, а значит и всем необходимым они обеспечены. Однако трудно себе представить, что будет, если шахты закроют: ни в Оллертоне, ни в других подобных, рядом расположенных городках, работы для такого количества свободных рук не найдется. Не так давно отшумели волнения в Южном Уэльсе — там после закрытия шахт на улице оказалось несколько тысяч шахтеров.

Джон не любит обсуждать такую, вполне возможную перспективу. С гораздо большей заботой он говорит о дне сегодняшнем. С гордостью показывает мне он свой дом, пусть не такой красивый, как в пригородах больших городов — Лондона, Манчестера, Ноттингема, или как в «новых городах», но зато свой. Он многократно подчеркивал мне эту деталь: «Понимаешь, Борис, он мой, совсем мой, я за него все выплатил, теперь я хозяин дома».

Джона можно понять: цены на жилье растут быстро и успеть выплатить за дом до того, как ссудная плата стала увеличиваться с «космической» скоростью, — везение немалое.

Дом — стандартный, двухэтажный. На первом этаже кухня и гостиная, являющаяся одновременно и столовой. На втором — спальня Джона и его жены Айлен, комнаты их дочери Джеки и сына Мака. Джон работает на шахте. Айлен — домохозяйка, на ней лежат заботы о хозяйстве и о детях.

В доме есть все необходимое. Кухня снабжена разнообразными приспособлениями, помогающими Айлен выполнять свои обязанности. В гостиной газовый камин, цветной телевизор, комплект стереоаппаратуры и набор мягкой мебели. Привычных нашему глазу «стенок» нет, да они и ни к чему. Посуда в доме только необходимая, и она хранится

частью на кухне, частью в специальной, стоящей в гостиной, горке. Книг и пластинок наберется от силы десятков, и это при том, что Джон — завзятый меломан и владелец небольшой дискотеки — она обеспечивает ему дополнение к основному заработку. Англичанин никогда не купит то, без чего можно обойтись. Книгу можно взять в библиотеке, там же найдешь необходимую пластинку, а если надо, то и альбом с партитурами и текстами вошедших в нее композиций. Затрудняюсь дать определение этой черте характера англичан. То ли это бережливость, то ли просто скупость. Непривычно, что на стол подаются строго отмеренные порции, и даже оставшиеся три клубнички заворачиваются в фольгу и кладутся в холодильник.

Монин, Борис. — Монин, Джон.

Со второго этажа спускается Айлен. Через двадцать минут мы завтракаем. За завтраком вся семья. Тут обычай незбылем: время завтрака, ленча, фэйв-о-клока и правило — вся семья в сборе — соблюдаются непоколебимо.

Час назад я, согласно традиции, выпил уже чашку горячего, густого до черноты, но удивительно невкусного чая. Теперь завтрак как таковой.

Айлен подаст кукурузные хлопья с молоком, затем на столе появились тарелки, на которых ломтики поджаренного бекона и яичница на кусочке белого хлеба. Завтрак завершает чай, к которому подаются тосты, масло и джем.

Как и любые родители в любой стране, Айлен и Джон часами могут говорить о своих детях. Однажды, после длительной поездки в Шервудский лес, прославленный тем, что в нем орудовал со своими парнями Робин Гуд, усталый Джон нашел в себе силы и не пожалел времени, сделал крюк к отелю, где стажирется Джеки, — ему хотелось, чтобы я видел, как работает его дочь. А с какой гордостью он предлагал мне воскресный обед, приготовленный дочерью!

Рассказывая о том, как они воспитывают своих детей, Айлен и Джон особый упор делают на религию. Она, по их мнению, — основа нравственной чистоты человека. В Олвертоне две церкви — англиканская и католи-

ческая, Пейперы ходят в первую. Джон от детей требует строгого соблюдения ритуалов, хотя сам порой пренебрегает ими.

— Дело не в боге, дело в вере. Без веры нет души.

Полно, Джон. Я могу тебе кое-что сказать о вере твоих соотечественников.

Группа наша отдыхала в одном из туристских комплексов фирмы «Батлинз», расположенном на берегу Северного моря. Там было все, что только может понадобиться для отдыха. Обилие всяких кафе, ресторанов, дискотек. Пять тысяч человек могло одновременно вместиться в эти залы — и они не пуствовали.

Была в «Батлинзе» и церковь. В воскресенье я пошел посмотреть службу. В скромном помещении (куда ему до любого, расположенного рядом кафе!) священник читал проповедь. Говорил он о социальном биче — безработице, поминал английских парней, погибших на Фолклендах, вот только послышать его из пяти тысяч, заполнявших вчера вечером многочисленные рестораны, пришли всего два человека. Остальным о своей душе заботиться, видимо, не было необходимости.

Священник, причастив более чем немногочисленную паству, допил сам разбавленное церковное вино, съел просвирки. Служба закончилась.

Дорога моя из церкви проходила мимо бинго. Огромный его зал, несмотря на ранний час, чадил дымом сигарет. Крупье выкрикивал цифры — играли в рулетку. Бог но имени «мани» оказался поспешнее.

А вспомни, Джон, как мы с тобой ездили в торговый центр Ноттингсма. По английскому обычаю, ты должен был купить всем членам твоей семьи пусть небольшие, но подарки. Маку ты взял миньон с записью песни, стоящей на вершине хит-парада, для Айлен приобрел что-то интимное. Потом мы зашли в отдел, где продают книги. Ты взял в руки красочный альбом, повествующий о жизни Иисуса Христа. На книге значилась цена — пять фунтов. Ты, Джон, поставил книгу на место и в соседнем отделе купил дочери более практичную вещь — кофточку за два фунта.

Я не собираюсь критиковать твоё мировоззрение, Джон. Это было бы просто неприличным — не так надо благодарить за гостеприимство, которое ты мне оказал. Просто пришлось к слову.

Мы не пытались переубедить друг друга. Думаю, что и правильно делали. Но три дня не прошли даром. Помнишь, в первый вечер ты показал мне географический атлас, очень подробный, на нем были даже маленькие города области, в которой я живу: Топки, Гурьевск, Мыски? Но вся карта была белая, рельеф местности обозначался незнакомым мне методом. Я спросил: «Почему все белое, Джон?» Ты удивился вопросу: «Как почему? Снега...»

После знакомства с тобой, Джон, англичане мне стали понятнее, надеюсь, что и для тебя земля, которую ты называешь «Раше» (Россия), не будет, как раньше, абсолютной «terra incognita».

ПРОКЛЯНИТЕ МЕНЯ...

— Сорри...

Позади остановилась, ожидая пока я посторонюсь, освобождая проход по узкой улице, сегодняшняя Англия в лице самого юного социально активного ее поколения — тинейджера.

Быстро все же человек привыкает к хорошему. Меня уже не удивляет всеобъемлющая английская вежливость: ты случайно толкнул прохожего, а тебе «сорри» (извините). Подал в магазине деньги, слышишь — «сенкью» (спасибо), протягивают покупку и вновь — «сенкью». В отличие от вышколенности, скажем, продавцов западногерманского супермаркета, тут воспитанная с молоком матери культура, которая не позволяет нахамить, порвать или испортить телефонные справочники, лежащие в каждой будке телефона-автомата по всей Англии.

Внешний вид моего минутного визави не дает оснований подозревать его в излишней воспитанности, встретить такого дома — шарахнешься: волосы выбриты, на голове остался только гребень, очень похожий на истинный, тем более что и выкрашен он соответственно:

в ярко-оранжевый цвет с вкраплением голубого. Облик дополняют драные джинсы и давно забывшая о лучших своих временах куртка с наляпанным через всю грудь вызовом: «Прокляните меня, вас я давно проклял».

В начале поездки заметил надпись на стене одного из домов Дарема: «Панкс нот дид» (панки не умерли). Действительно не умерли — передо мной живое тому подтверждение.

К не очень хорошему тоже привыкаешь довольно быстро: меня не только не удивляет, но уже и не занимает костюм панка. Подобного за дни, проведенные в Англии, повидал немало. В молодежных дискотеках и не того насмотришься.

Поклонники «новой волны» наряжаются похлеще панков: обязательно черные, накрашенные так, что стоят дыбом, волосы. Брюки и куртка черной кожи увешаны массой значков и цепей. На руках — цветные татуировки. Грим — красные от переносицы до уха треугольники, заключающие в себе глаза и яркие, значительно больше естественных размеров губы.

В дискотеках только английская музыка. Сменяют одна другую монотонные, с невыразительным ритмом мелодии. «Бумтаун Рэтс», «Клэш», «Полис», «Адам Ант». Лишь иногда ухо, привыкшее к определенным танцевальным тактам, отдыхает на классическом рок-н-роле. Дisko-ритм оказался бы родным!

Под невыразительные синкопы танцевать трудно, да никто и не танцует — просто выходят на площадку, становятся в позу любимого гитариста, изображают, что держат в руках гитару и подражают всем движениям своего кумира на сцене. Само собой — «танцуют» в одиночку и только под музыку той группы, где играет предмет поклонения.

Много приходилось читать о том, что внешний вид молодежи Запада отражает не только ее эстетические, музыкальные привязанности, но и несет, пусть стихийный, несознанный, но все же социальный протест.

Вероятно, так оно и есть, но я так и не смог, глядя на изуродовавших себя парней и

девушек, всерьез принять их форму протеста. А после того как побывал в магазине, где продавалась одежда для панков, мое скептическое настроение усилилось: что это за бунт, если он разработан опытными модельерами и выпущен массовым тиражом? Да и стоит подобная сбруя немало, много больше «цивильной» одежды. Так что бросающему «фирменный» вызов обществу следует основательно подраскошелиться.

Когда я поинтересовался мнением Джона на этот счет, то он ответил коротко и просто: «Перебеситесь».

Опять же, может, оно и так. Сегодняшние тинейджеры (те, кому от 14 до 18) сходят с ума на концертах «Секс пистолз». В шестидесятых подобные им «умирали» по «Битлз». Прошло время. Леннона два года как нет в живых, сейчас мало кто может сказать, какие политические взгляды он проповедовал. Полу Маккартни 18 июня 1982 года исполнилось сорок лет, ныне он вполне состоятельный буржуа — «зарабатывает» в день до тридцати тысяч фунтов. И «битлы» и их поклонники несколько постарели. Те, кто когда-то заходил в истерику от музыки «ливерпульской четверки», обзавелись семьями, заботы о которых крепко прижали их к грешной земле. Им стало не до всяких там музыкальных течений, не до простецки-снобистского образа жизни, проповедуемого журналом «Плейбой», не до псевдопротестов. Накопившие жизненный опыт битломаны спокойно взирают на подросших в собственных семьях тинейджеров, по своему опыту зная — время все приведет в порядок.

Что же касается вызова обществу своим внешним видом, то тут, полагаю, дело вкуса. Мы, например, были свидетелями, когда на сессию английского парламента явился «денди» в одном нижнем белье. В парламент Англии, на заседание палаты общин, могут попасть все желающие, кроме, кстати говоря, королевы английской. Группа наша, разумеется, не пренебрегла такой возможностью и, пройдя досмотр на отсутствие оружия, сгрудилась на балконе, откуда и разрешается наблюдать работу правительства одного из видных государств мира. Вместе с нами ока-

зался и «этот» — затрудняюсь сказать, кто он такой и был. Кстати, он даже быстрее нас и досмотр прошел.

Внизу, в зале, сидело правительство, спикер рассуждал о международном терроризме. Забыв напрочь о только что отшумевших событиях на Фолклендах, он делился своими фантазиями о советских танках на улицах Бейрута. Лидер оппозиции пытался вставить свое слово.

Большие дяди играли в большую игру, за которой следили зеваки. Среди них и наш случайный попутчик. Он, по-видимому, тоже выражал протест. Но социальные проблемы Англии такими протестами не решишь. На это же заседание сессии пришли и лидеры всеанглийской забастовки медсестер. Под лозунгом «Наша работа — ваше здоровье» они выдвигали конкретные требования по улучшению условий труда. Их представитель получил слово на сессии. Позже я спросил: «Рассчитывают ли забастовщики на удовлетворение своих требований?» «Нет, — ответили мне, — на быстрый успех рассчитывать не приходится. Борьба за социальное преобразование — дело долгое и сложное».

Территория Англии немногим превышает Кузбасс, и в ней четыре миллиона безработных — больше, чем все население нашей самой густонаселенной, самой индустриальной области в Сибири. Разумеется, при таком обилии «свободных рук» можно пренебречь лозунгами забастовщиков. Что же предлагается молодому парню, не найдшему работу? Проблема эта решается своеобразно.

В центре Лондона, на Виктория-стрит, рядом со знаменитым театром «Виктория-пэлэс», рядом с не менее знаменитым вокзалом «Виктория», рядом с любимым местом встречи лондонцев — копией Биг Бена, Маленьким Беном — и рядом (это как раз наиболее существенное соседство) с самой большой в Лондоне биржей труда примостилась у тротуара небольшая, похожая на лоток мороженщицы будочка. В ней два бравых молодца в военной форме пьют кока-колу. Они набирают волонтеров, тех, кто за деньги пойдет служить в армию. Если ты так ничего и не выстоял у стойки биржи труда, добро по-

жаловать: одна роспись — и ты вполне материально обеспечен. Правда, надо надеть форму «Юкей ами» (армии соединенного королевства) и ехать куда пошлют, может статья, на самые далекие острова, о которых ты до того ни разу в жизни и не слышал. Пошлют защищать интересы. Чьи?

Небезобидна эта желтая будочка в центре Лондона. Мимо нее идут пары в майках, на которых написано «Вернем Фолкленды Британии». Обычный прием находящегося в кризисе правительства — сыграть на шовинистических чувствах определенных слоев населения. В таких слоях Маргарэт Тэтчер нашла понимание. Вошли в моду не только майки с силуэтом Фолклендских островов, но и куртки, платья, сшитые из ткани, которая идет на форму английских десантников.

У овощной лавки девушка и юноша грузят мусор. Работают они старательно, не тратя времени даже на то, чтобы прибрать постоянно падающие на глаза фиолетовые волосы. Сегодня они нашли работу, завтра, возможно, ее не будет. Не сменят ли они тогда брошенные на тротуар рядом с мусорной машиной куртки со «страшным» вызовом общества — на форменную одежду?

В армию в Англии принимают и девушек.

ПРОДАЕТСЯ...

Английский юмор лучше воспринимается глазами. Не совсем уверенное знание языка мешает уловить точный смысл сказанного. Другое дело — слово написанное.

«Любимый дом моего покойного мужа» — название паба (пивнушки). В автобусе табличка: «Когда вам надоест бросать окурки на пол, пользуйтесь пепельницами». Продаются недорогие, сделанные из пропитанного специальным составом картона, шляпы. На черном атласе лент, обоясывающих их тулы, надпись. Такая, например: «Целуй меня медленно», или: «Я алкоголик, помогите. Купите мне выпить». У миссис Майлз на кухне табличка с девизом: «Мой дом достаточно чист, чтобы быть здоровым, и достаточно грязный,

чтобы быть счастливым», у Джона: «Не хочет тот, кто не может». Одна из девушек нашей группы чуть было не купила трикотажную маечку с рисунком — оскаленная лошадиная морда и под ней: «Посмотрите, какая я здоровая кобыла».

Разнообразные надписи попадают на глаза повсюду. Они на боках omnibuses и легковых автомобилей, на входных дверях любого общественного помещения (подсказка — «тяни», «толкай»). У перекрестков специально для иностранцев, не привыкших еще к английскому левостороннему движению, прямо на асфальте: «Смотри направо».

Короткие строки. Информрующие, указывающие, предписывающие, призывающие, шуточные, но более всего — рекламные и среди последних чаще других две — «Ту лет» (сдается) и «Фо сейл» (продается). Почти на каждом многоэтажном особняке в центре Лондона висит табличка «Сдается». Люди стремятся из душного, задымленного центра ближе к природе, в отдельные двухэтажные коттеджи, пригороды разрастающиеся до чудовищных размеров (именно такой Лондон я увидел я из иллюминатора самолета). Большие дома сдаются под магазины, офисы. Особняк, в котором, как утверждают гиды, жили герои романа-хроники Голсуорси — Форсайты — ныне отель.

«Сдается», «сдается», «сдается» — аккуратные, фабричной работы таблички капитально крепятся к стене. Явно не на день-два, может, и не на год. Однако обилие предложений мало влияет на цену: она высока и четко корректируется в зависимости от того, насколько знаменит сам особняк или место, в котором он расположен. Маленький бизнес миссис Майлз поставлен тут на деловую основу.

В любительском фильме, привезенном мною из Англии, получить который можно было лишь благодаря Его Величеству Случаю, на шпилье огромного восьмизэтажного здания, занимающего два квартала супермаркета (универмага) фирмы «Макс энд Спенсер», развевается флаг Великобритании. Выше его — огромное полотнище с красными, издали видными буквами «Сейл» (распродажа). Го-

дубой квадратик неба за стягами пересекает «Конкорд» — олицетворение жесточайшей конкуренции. Написаны книги, сняты кинофильмы про то, как Англия, Франция и ФРГ стремились вывести на межконтинентальные трассы свое детище — сверхзвуковой пассажирский самолет и как американские фирмы «Бойнг» и «Дуглас» пытались этому помешать. Как той, так и другой стороне наплевать было на государственные интересы, удобство и безопасность пассажиров. Речь шла о более важном — о сфере влияния, о рынке сбыта. Короче говоря, как и в огромном универсаме, выше символа государства, выше всего на свете был поднят флаг «Сейл».

Даже напрочь лишенный способностей к языкам человек после двух дней в Англии будет знать это слово. Оно в каждой витрине, на любом рекламном щите, на автобусах, машинах, в вестибюлях станции метро. Оно написано броско, чаще всего видными изда- лека флюоресцентными красками или горящим даже днем неонам.

«Сейл» — главное слово. Сказать, что в капиталистическом мире продается и покупается буквально все — повторить общеизвестное. Действительно все. От коробка спичек до реки. Да что там река! Торгуют нравственностью в многочисленных порно-шопах и порно-кинотеатрах Сохо. Торгуют национальной гордостью.

Елизавета II, милостью божьей Королева Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, а также других ее королевств и территорий, глава Британского Содружества Наций, защитница веры. Таков полный титул царствующей ныне королевы английской. Королева — глава государства, командующая армией и глава англиканской церкви. Но все это номинально. Более всего она — символ нации, ее истории, традиций. Страной правят другие, но все значительные государственные акции вершатся от имени королевы. Ее имя — как талисман. Отсюда и отношение к королеве, как к фамильной драгоценности, передаваемой испокон века от поколения к поколению.

Двое студентов-иностранцев по незнанию перелезли через забор и провели ночь в саду

Букингемского дворца, резиденции королевы, — разговоров на всю страну более чем на год. Безработный проник ночью в спальню монарха — событие общегосударственного значения. О нем сообщает серьезное информационное агентство Рейтер. Спешит принести свои извинения по поводу инцидента Маргарет Тэтчер. Это ей нужно не столько для того, чтобы оправдаться перед королевой (какие счета между своими людьми?), сколько для того, чтобы выглядеть хорошо в глазах обывателя, которому скоро идти к избирательным урнам.

Собирается рожать жена принца Чарльза Диана Спенсер — репортажи о прибытии Дианы в родильный дом, о первом дне внука королевы оттеснили даже фолклендские события. В Англии мужчине разрешается наблюдать за ходом родов у жены. Вся страна знала, что Чарльз видит рождение своего сына, тысячи людей ждали результата у стен госпиталя, где лежала Диана, миллионы ждали сообщений у радиоприемников и у телеэкранов. Сообщения поступали регулярно. Детальные, о каждой мелочи. Единственно — в родильном доме телекамер не установили. Богатая нация позволяет себе роскошь содержать дорогой сувенир, почему бы и не поиграть с ним иногда?

Принц Чарльз совершает небезопасный облет боевых порядков на Фолклендах, освящая тем самым сомнительное предприятие Тэтчер, кстатц, позаботившись и о своем реноме. Чарльз, как впрочем и все члены королевской семьи, любит эффекты «на публику». Делается это не для политической карьеры. Королем он станет обязательно, конечно, если только не скончается раньше матери. Чарльзу нужны деньги. То, что его имя — одно из виднейших среди буржуа Англии, — в уточнениях не нуждается, но кто откажется иметь денег еще больше? Чарльз шанса не упускает, торгуя именем своим и жены оптом и в розницу. Издательство «Божья коровка» выпускает маленькие дешевые книжки (по 50 пенсов), в которых изложено все, что касается королевской четы. Интересно знать, как проходила королевская свадьба? Купите книжку «Божьей коровки». Никакое другое

издательство не сможет рассказать вам об этом, потому что «Божья коровка» доится только Чарльзом. И удои неплохие. Содержимое маленьких книжек нельзя ни репродуцировать, ни использовать в радио- и телепередачах. Авторские права защищены сто процентно. Если все же кое-что использовать необходимо, то надо платить. Музею мадам Тюссо пришлось солидно подраскошелиться для того, чтобы получить разрешение на воспроизведение в восковых фигурах сцены свадьбы (прямо со страниц «Божьей коровки»). Однако в накладе не остался никто: ни давший разрешение Чарльз, ни выложивший солидную сумму музей, очередь у входа в который ясно показала — его хозяева не прогадали.

Хотите сфотографироваться рядом с Пеле? А с Индирой Ганди? С Агатой Кристи? Сделать это возможно только в музее восковых фигур мадам Тюссо. Вот уж любопытное заведение! Вот уж где безраздельно правит холодный расчет. Вы преклоняетесь перед памятью борца за права негров Америки Мартина Лютера Кинга? Тогда вам, вероятно, противен его убийца. Что ж, это ваше дело. Найдутся люди, которые заплатят за то, чтобы посмотреть именно на него. Так что в музее мирно соседствуют и жертва и преступник.

Вы говорите — имя Гитлера ненавистно миллионам людей. Ну, это еще не основание для того, чтобы убрать его фигуру из музея. Правда, непонятно, куда его поставить — то ли в зал политических деятелей, то ли в галерею знаменитых преступников. Чуть-чуть подумать — и выход найден: пусть стоит посередине, на переходе от политиков к преступникам. И надо его спрятать за стекло, а то пахотятся сильно уж экзотические посетители, портят дорожную фигуру, одни даже додумался — пос фигурку откусил. За стеклом надежнее, а убирать не стоит. Зачем, если он приносит деньги?

Интересно, если бы в крематориях второй мировой войны сгорели близкие родственники сегодняшних владельцев музея, поставили бы они тогда фигуру Гитлера?

Июнь, 1982 г.

Поплутав по залам, «познакомившись» с Эллой Фитцджеральд, Лайзой Минелли, Маргарет Тэтчер (куда без нее?), Черчиллем, Мао Цзе-дуном, Элвисом Пресли, посмотрев все виды казней, придуманных человечеством, посетители музея попадают в цокольный этаж. Четыре фигуры, две справа, две слева от входа, красноречивым жестом приглашают войти в еще одно помещение. Четыре фигуры — это «Битлз». Посмотрим, куда приглашают нас знаменитые музыканты.

За дверью в глаза ударило — «сейл». На полках, стеллажах открытки, носовые платки, пепельницы, зажигалки, броши с изображениями знаменитостей, чьи фигуры заполняют залы музея мадам Тюссо. Масса дешевых украшений с портретами Чарльза и Дианы, плакаты с лицами поп-звезд, солонки-бюсты. Распродажа.

* * *

Стихийно складывающийся маршрут последней прогулки по Лондону вывел меня на Трафальгарскую площадь.

Собравшиеся со всех концов земли люди кормят голубей. Птицы, поев из рук туристов, пьют голубые зеркальца фонтанов. Шуршат колесами машины. Спешат по своим делам лондонцы.

На одном из львов, охраняющих колонну Нельсона, устроилась группа панков. Кто их знает, чего в них больше: позерства, подростковой дури или настоящего отчаяния. Проблем их мне не понять, как и им не понять моей радости — завтра домой.

Таможня в Хитроу очень лояльна, но и она запротестовала бы, будь ей известно, как много я повезу из Англии: мосты и площади Лондона, эту вот группу на льве, картины Национальной галереи, работы Генри Мура, которые даже фотографировать не разрешалось. Повезу семью Пейперов из Оллертона, да и весь этот маленький город, миссис Майлз, блаженные секунды, подаренные музыкой Жана-Мишеля Жарре.

Ничего из того, что я повезу, никакая таможня отобрать не может.

Я сам все отдам. Своим друзьям.

Александр Казаркин

РОДНИКИ И РУСЛО

«Отсюда вижу устье и исток, природы материнство ощущаю». Так восклицает поэт, достигнув вершинной точки обозрения, и в этих словах — ведущий мотив сборника «Абориген». Не просто на гору взойшел герой сборника, он же и автор, а достиг вершинной точки собственной жизни, и открылся ему, кажется, впервые, пунктир судьбы, весь рисунок пути. А обострившееся чувство родства с землей заставило говорить о самом нужном и заветном. Открылось единство личной судьбы с судьбой родного края. Очень важно, что книга начата с утверждения чувства малой родины: «Там родниками, родниками Россия рвется из глубин».

В «Аборигене» проступила зримо важная черта таланта Юрова, кажется, не замеченная по предыдущим его книгам, — поэтизация пространства. От малой родины обзор расширился до всей земли, и вот — «открылся мне великий материк от океана и до океана». Великие пространства Сибири автор связал с малым временем человеческой жизни, и сборник получил очень личностное звучание.

Запевное стихотворение «Встреча» дает ключ к восприятию всего сборника как единого произведения. Именно так он и выстроен композиционно. Сквозной внутренний сюжет сборника — во взаимопереходе нескольких основных мотивов: детство и зрелость, город и природа, исход и чувство пути. Главенствует и все определяет одна тема — время. Время итогов — ноша опыта. И неутраченное чувство истока. Душа стремится к родникам былого, «чтоб было слово родниково, чтоб было русское оно». Этому и подчинен монтаж времени в разделах-циклах, без чего, наверно, художественно не удалась бы попытка охватить жизнь единым взглядом.

Первый цикл «Мальчишки, пускайте бумажного змея» задает тему мудрости и беспощадности времени. Ведь, начатая так, книга завершится циклом «Друзья мои, нам не начать сначала». Внутренне, сюжетно-много-

струйный, сборник весь подчинен теме природы. К ней ведут все мотивы и темы, на ней смыкаются пролог и эпилог. Книга, замкнутая сюжетно, разомкнута своими тревожными вопросами в мир, в современность и даже адресована будущему. Исподволь автор подводит к своей заветной теме, заявленной им еще в первых сборниках, и ставит ее непривычно жестко.

В цикле «Иду по Северо-Востоку» ведет тема встречи с природой Крайнего Севера, которая естественно возвращает мысль поэта к более близкой среднесибирской природе. Необходимая, как воздух, природа Севера не шутит с человеком. Об этом автор говорит в стихотворениях «Трасса», «Росомаха», «Вечная мерзлота». Но встреча с Колымой для Юрова ведь и встреча со своей юностью, диалог с нею:

Я ждал, что Колыма, в житейской прозе,
— Зачем мешаешь? — отчужденно спросит.
Она меня спросила: — Что с тобой?

И что же? Он охвачен смятением. Постепенно оно сменяется грустью прощания. Да, облик земли, говорящей с поэтом, печален. И говорит она — о боли. Юров напряженно ищет, где началось искривление, когда мы перестали слышать землю. В цикле «Земля со мною говорит» — мысль о малости и величии человеческой жизни: поэт видит явные знаки неблагополучия, об этом неустанно и говорит. И выводы его порой безутешны: «Томиреки и Колымы-реки я не спасу ни действием, ни словом».

Легко ли это «дорогое молвить слово от лица родной земли»? Легко ли, говоря иначе, быть современным в теме природы? Надо понять и лирическую дерзость, и гражданскую ответственность поэта, когда он говорит:

«Я сын реки, ее святые строки»,
«Я зов к людскому разуму и воле,
Я боль реки и врачеватель боли,
Тоска реки и жертва той тоски».

Нет, быть современным в этой теме, всечеловеческой, судьбоносной, видно, нелегко. Ощутима тяжкая душевная ноша, боль многознания о природе.

«Абориген» не просто лирический эквивалент публицистики Юрова о родной реке и крае. Это некий итог, подведенная жизненная черта. В своей главной теме Юров правдив, душевно точен и самостоятелен. Это свойство настоящей, глубокой поэзии. И если коснуться большого контекста современной поэзии на эту тему, то творчество Юрова выгодно отличается конкретность чувства малой родины, без чего, как постоянно говорил А. Твардовский, нет поэта.

Г. Юров далек от созерцательного умиления природой. Всего два стихотворения сборника можно охарактеризовать как бестревожные: «Чистый камень сердолик», «Что даровано от бога». — Они — из прежних лет, по закону контрапункта они вступают в диалог с соседними стихами, подчеркивают порой трагическую интонацию. Нет, тревоги века не изжить и в березовой роще. Боль, рожденная чувством вины перед землей, вины вовсе не личной, и есть «мирская чаша поэта». Родниковое, колыбельное чувство земли у Юрова слито с ощущением города, и как же ему не быть тревожным?

Размышляя о природе, недавнем прошлом, о войне, поэт обронил афоризм: «мой город в дыму задохнулся, чтоб мир облегченно вздохнул». Да, Геннадий Юров — поэт Кузбасса, и его малая родина велит сосредоточиться на одной теме: промышленный город и природа.

В полную силу эта тема обретения-потери звучит в цикле «Мы все перед рекою виноваты». Стихотворения «Прощай, сосновый бор», «Смерч» — о невосполнимых потерях. «Там тишину сменила пустота» и — у реки «как будто ампутировали руку» — не только покаяние, но и вопросы, вопросы. Мотив расставания главенствует в этом цикле. Самая щемящая нота прощания — «Осень в Журавлях». Эта поэма-миниаюра подчеркивает искренность автора. В ней поэт обещает стать природой, — завершив жизненный круг, вернуться к истоку всего. «Знает мудрая природа то, чего не знаем мы». Что же о нас-то она знает? Знает о глухоте нашей и неблагодарности: и земле-матери стали видеть только сырьё. В себе самих теряем природное, и она лишь поэзия тянет нас к родникам. Но все ли ее слышат?

Поэзия Г. Юрова, мне кажется, противостоит грубому утилитаризму в отношениях с природой. Кажется, ушла в прошлое та базарщина, которая потрошила прежде даже по радио исполнить песнь Сибири прежде известную «Песню о ямсах». «С тобой, подруж-

кой звонкою, Пройдем родной сторонкою — Падут под сталью тонкою кудрявые леса, Украсит стройки новые Душистая, смолевая Кедровая, сосновая Сибирская краса». Не правда ли, сейчас это петь не станут даже школьники? Миновало это, и все же, все же...

Трудно поэту стало называть обезображенную землю матерью. Чувствуешь это почти в каждом стихе Юрова. И все же поэт искренне, с болью говорит о чувстве родства. Оно-то, это чувство, и есть сейчас самое важное,

Можно писать на тему природы и так, как пишет, например, в своей известной у нас книге «Грехотлетная война» М. Дуглас: «Правы были пророки, проклиная города. Но, поступая правильно, они руководствовались ложными мотивами. Суть греха была не в его моральной стороне, он относился не к теологии, а к технологии». Суть вопроса, возразим, как раз в моральной его стороне. Этим как раз проникнут сборник Юрова, как впрочем и предыдущие книги. Забывший землю, забыв своих предков и предаёт потомков. Дело именно в человечности.

Но взгляды: у Юрова мать-земля прощает отступничество человека. И сам поэт, автор «Песни о городе», вовсе не склонен проклинать город. Он признается, «голову склоняя»: «это город создавал меня, выстраивал по своему подобию». И понимаешь, чего стоит привязанность к родному городу, построенному на родной реке, перед которой так мы виноваты.

Юрова не назывешь как будто ни чистым урбанистом, гимнопевцем города, ни истовым деревенщиком, певцом лесной уединенности. Он уходит от одностороннего решения, его область самая трудная: соседство города с природой. Недоброе соседство, и материал этот — самый трудный, но и самый нужный. Нужный больше, чем хлеб, — как кислород.

Поэма «Абориген» — опыт обобщения собственного пути, не случайно она поставлена в заключение сборника. Время итогов, хотя бы и предварительных: «Я вижу, переходят в свет и тень моей поэмы прожитые главы». Пик Абориген — удачно найденный образ: свидетель и судья человеческих дел. И он как будто мыслит о нас, и знает важную тайну: земля способна прокормить нас и даже распрямить душевно, но разве может она удовлетворить неодолимое желание покрыть землю отходами?

Поэт, уходящий когда-то к экзотическому северо-восточному побережью, возвращается домой обогащенным — с думой о земле. И о своей жизненной задаче:

Открыть неведомую землю?

Да нет! — родимую сберечь...

Найти себя? — Да нет! — остаться самим собой, самим собой.

ПОЛЮСА СМЕХА ✓

...Недавно я узнал от своего приятеля-кибернетика любопытный факт. Оказывается, в создании «искусственного интеллекта» ученые сейчас видят единственную реальную преграду — юмор, который, по их мнению, играет первостепенную роль в человеческом мышлении.

Животные не смеются. Не смеются и ЭВМ. Этим удивительным даром наделен только человек. Мы способны замечать, что форма некоторых явлений не соответствует их сущности. Если это несоответствие обнажено нами и заострено — возникает комический эффект.

Так что в народной поговорке, давшей название новой книге Владимира Матвеева, заключен глубокий смысл. (Замечу к слову, что в устах сатирика она могла бы прозвучать несколько иначе: и грех и смех.) «Грех» — потому что кем-то нарушены, искажены, поставлены с ног на голову нормальные человеческие отношения. «Смех» — потому что сатирик наглядно показывает нам, как это нелепо и абсурдно. Мы ощущаем своеобразный комический «катарсис» — очищение смехом, в результате чего поправленный идеал торжествует свою победу. Взгляд с высоты — неперемное условие сатиры. Только в этом случае зло перестает пугать нас, а делается убогим и смешным.

«Грехи» бывают разные. Оттого-то столь разнообразны оттенки человеческого смеха. Он может быть беспощадно резким, но может звучать мягко и даже нежно. Ведь и у любимых нами, очень хороших людей есть свои слабости и недостатки.

Путь Владимира Матвеева пролегает где-то между этими полюсами смеха. В большинстве своих стихов он сдержанно-ироничен.

Посмотрите, вот он с добродушной обстоятельностью рисует нам прямо-таки умильные картины: «продавщица, как брату родному, мне рада», в ателье — «славно и в срок заказ выполняется...» ...работники всех общественных служб предельно вежливы и доброжелательны. Уж не решил ли сатирик переквалифицироваться в одописца? Но постепенно он дает понять, что все это — «подекадная вежливость», с которой мы все так хорошо знакомы. Объявляется неделя, декада, месячник культурного обслуживания населения, и на какое-то время все преобразается. Но это лишь нарядная форма, за кото-

рой зияют равнодушие и пустота. И как не согласиться с поэтом, который высказывает азбучную, но как бы заново открытую им истину:

Время считать не декады,
А годы
Годами нормальных
Людских отношений.

Поистине, формализм является страшнейшим бичом нашей жизни. Главная его опасность заключается в том, что отрицательное умело рядится в одежды положительного. Люди вроде бы как люди: суетятся, о чем-то говорят, что-то делают. Но приглядитесь: все это мимо сути дела, ради проформы. Такие люди и дела их являются призрачными величинами.

Владимир Матвеев не устает разоблачать эту мнимость. В стихотворении «Читая газету» свет сатиры бросается на явление, к которому большинство из нас привыкло:

Побил рекорд товарищ Зотов —
Сто сорок два,
четыре сотых...

Вот с какой точностью — до сотых процента — регистрируется ход социалистического соревнования. Завороженные всей этой цифирью, мы возвращаемся на грешную землю только после иронической реплики поэта:

Прочел —
И знаю о ребятах
Ноль целых,
Столько же десятых.

Опять — пустая форма, пытающаяся придать себе видимость какого-то содержания...

Формализм всеведущ и вседесуш. Он проник даже в самое, казалось бы, неподходящее для него место: вечер сатиры и юмора, где читает наш поэт свои стихи. Зал, полный «солнечных лиц», откликается как эхо, и лишь одно лицо — темнее тучи. Все объясняется просто:

Лицо не то, чтобы скучает,
Ему тут просто не до шуток —
За вечер смеха отвечает.

Чем-то близко это «лицо» ильф-петровскому персонажу Небабе, которого авторы характеризовали так: «Бывший городской, а ныне — музыкальный критик». То же рази-

тельное несоответствие внутренней сущности человека и роли, которую он играет в жизни.

Сатирическая муза поэта заглядывает в самые различные уголки нашей жизни. И незде ей не находится работа.

Вот на суконной фабрике одобрили интересное рацпредложение, и «под сукно идею положили» («Внедрили»). Странная арифметика действует при распределении квартир: «двадцатый новоселье справил, а первый ждет двадцатый год» («Очередь на квартиру»). Беззаботно играют в кошки-мышки со злыми прогульщиками руководители соседних предприятий («Опасная игра»). Детина, ударивший женщину, уверен в своей правоте: «Спокойно, граждане, она — моя законная жена».

Мишеней у Владимира Матвеева много, но, пожалуй, больше всего сил тратит он на разоблачение мещанства. Мещанин издавна старается замаскировать свое «мурло» налетом псевдокультуры. Ведь при всех своих поту-гах на духовность мещанин имеет «одну, но пламенную страсть» — страсть к вещам. Против хороших вещей сатирик ничего не имеет, но:

Хорошо, что обе
В норке ходят.
Плохо, что из норки
Видят мир,

— говорит он про маму с дочкой, избравших себе такую удобную точку зрения («Из норки»).

В книге Владимира Матвеева немало стихов на литературные темы. Вернее, «окололитературные». Мы попадаем в настоящий паноптикум литературных лжефигур. Перед нами поэт, издавший «десятики сборников с портретами, а собственным лицом — ни одного» («В ореоле славы»). У другого, щеголяющего современным стилем, «свободный стих освобожден от смысла» («Пишущему верлибры»). Достается и литературным критикам. Один из них приспособился писать так, что «и критик сыт, и автор цел» («Бывалый стрелок»). Другой критик только в одной небольшой заметке «трех лириков ухлопал наповал и двух прозаиков подранил» («Размышления перед охотой»).

Владимир Матвеев часто пользуется приемом сближения двух похожих звучащих слов, далеких друг от друга по смыслу. Он вообще любит мять и перепорачивать слова, сталкивать их друг с другом, неожиданно выявляя новый смысл... Слово «барокко» соседствует у него с «бракками», «рецензия» — с «лицензией», «ридонной проходчик» идет беседа с «крупным проходником». Наиболее последовательно принцип омонимии проведен в стихотворении «Маг».

Порой сближаются не только отдельные слова, но и крупные смысловые блоки. Глядя на витрину овощного магазина, поэт говорит с элегической печалью: «Как хороши, как свежи были клубни...» («В овощном магазине»). Слышали про обычай древних греков разбавлять вино водой на три четверти? Оказывается, его продолжает современная продавщица, у которой «без воды не бывает вина» («Верность традиции»).

Сопрягаются явления очень удаленные друг от друга во времени и пространстве, и чем больше эта «разность потенциалов», тем сильнее разряд смеха.

Поэт недвусмысленно замечает:

Хочу успехов
Макси-
мальных
Добиться я
В мини-
атюре.

И, надо сказать, цель эта в большинстве случаев достигается. Уменьшается объем стихотворений, но возрастает их смысловая наполненность:

Огорошены.
Ошарашены.
Огорожены.
Огаражены.

Постепенно в нашем представлении складывается образ лирического героя книги. Я не согласен с критиком Евсеем Цейтлинным, который в интересной и обстоятельной статье «Легко ли быть сатириком?» («Огни Кузбасса», № 2, 1980) высказывает мысль, что учителем Владимира Матвеева является Саши Черный. Хочу напомнить, что этот остроумный и талантливый поэт избрал своим девизом слова Сенеки: «Избежать всего этого нельзя, но можно презирать». Поэт был убежден в вечности мещанства.

Ничего подобного нет в стихах Владимира Матвеева. За редким исключением он говорит от собственного лица, на котором нет тени разъедающего скепсиса. Лирический герой абсолютно уверен, что дело, которому он служит, принесит пользу людям:

В стихах бичуем
Всякий хлам,
Все пошлос, дурное.
Была бы только польза. Нам
Чихать на остальное.

Но при этом герой стихов Владимира Матвеева деликатен и мягок. С соседкой, которая «от радостей людских грустна», он делится своими невзгодами того лишь ради, чтоб «легче стало ей». Есть в этом ироническом парадоксе и немалая доля грусти.

Лирическому герою книги присуща и некоторая наивность: «Верблюды в восторге от своей симпатии: — Ты всех верблюдиц, милая, горбатее». («Комплимент»).

Поэт искренне, по-детски радуется, заново открывая тот факт, что все на свете относительно и условно. Эта вещь, а также стихотворения «Разные судьбы», «Душа в пятаках», «Крот-философ», «Бегемот в Искитимке» и некоторые другие вполне могли бы составить небольшой поэтический сборник для детей.

Лирический герой книги «Смех и грех» подсмеивается не только над окружающим его миром, но и над самим собой. Критикуя косноязычного оратора, который «так сказать» на «так сказать» скороговоркой множит, поэт как бы ненароком вкрапляет эти «так сказать» и в собственную речь. Надо замечать соломинки не только в глазу ближнего, как бы говорит этим он. Осуждая людей, окутанных религиозным дурманом, лирический герой все же «подстраховывает» себя: «Господь, прости мои грехи — на всякий случай». Справедливо отметив, что сатирики приписывают отрицательные свойства ни в чем не повинным животным, он, однако, тут же говорит: «Болтлив бываю, как сорока, твержу одно, как попугай».

Самоирония — это ценнейшая черта, которой так не хватает некоторым нашим поэтам. Из всех сил пытаются они говорить красиво, показать себя с лучшей, возвышенной стороны. Но с железной закономерностью происходит именно то, чего они так боятся: они делаются смешными, но уже, увы, не по доброй своей воле.

Лирическому герою Владимира Матвеева это не грозит, так как он все время корректирует свое поведение, глядясь в зеркало самокритики.

...Но все ли стихотворения новой книги удачны? Нет, к сожалению, есть в ней не так уж мало строк, портящих общее впечатление.

«В приемной же весь день народ томится» — осуждающе говорит Владимир Матвеев по поводу одного бюрократа («В часы работы»). Мы, конечно, сочувствуем посетителям, но юмором и сатирой здесь не пахнет. Не нахожу очень остроумной попытку переименовать «век технический» в «век технический» («Проблема века»), как и остроуту насчет любителя «экранного ящика», который однажды «сыграл в ящик» («Эпитафия ревностному телезрителю»). Вяло констатируются факты в стихах «Позиция», «На разных языках», «Частушки-вострушки», «Скороспелому автору», «Удача макулатурщика», «Досадное заблуждение», «Хоккейная горячка».

Порой неточны сами факты. В стихотворении «Меры приняты» говорится о том, как «полмиллиона плут растратил» и в результа-

те — «в размере месячной зарплаты предъявлен жулику начет». Если бы плут наконец попался, то денежным начетом он ни в коем случае бы не отделался. Сатирику следует знать, что это — мера наказания для лиц, виновных в бесхозяйственности и халатности. Для их осмеяния, конечно, можно было бы найти язвительные и меткие, но совсем другие слова.

Не кажется мне особенно удачным и раздел книги, где представлены пародии. На мой взгляд, все дело в том, что Владимир Матвеев не совсем ясно представляет себе задачи пародиста:

Как хорошо,

Что ты так плохо пишешь.

Он, пародист, с тобой не пропадет

— и в своих пародиях, как правило, высмеивает слабые, неуклюжие строчки довольно средних авторов. Между тем, из истории литературы хорошо известно, что самые удачные пародии написаны на очень хорошие стихи. Вспомните, как пародировал Лермонтова Некрасов, Минаев — Тютчева, Архангельский — всех советских классиков. Существуют свидетельства, что Пушкин с большим удовольствием слушал пародии на себя и собирал их.

Ведь пародия гротескно «моделирует» сам стиль какого-либо поэта, являясь как бы рецензией на него. Чем своеобразней пародируемый стиль, тем больше шансов, что пародия будет удачной.

Среди пародий Владимира Матвеева есть и весьма остроумные, но следует признать, что это, скорее всего, не пародии, а эпиграммы. Исключение составляет цикл «Посадил дед репку», где показано, как бы могли решить одну и ту же тему популярные кузбасские поэты, и стихотворение «Баня с ропотью», составленное из пяти строф пяти различных авторов (в нем пародируется уже не оригинальный стиль, а как раз его отсутствие).

Как видите, юмор является более сложной вещью, чем это кажется на первый взгляд. Это замечательная, чисто человеческая черта, органически враждебная всякой косности и застою. И хотя еще античные мудрецы называли юмор «высшим даром богов», роль смеха в нашем существовании только сейчас начинает осознаваться в полной мере. Как бы предвидя это, Маяковский в одной из своих статей писал: «Будет, обязательно будет высшая школа смеха!»

Мне кажется, если такая школа будет, то в ее библиотеке новая книга Владимира Матвеева могла бы занять свое скромное, но заслуженное место.

А. Фролов

ГОРДИЕВ УЗЕЛ

У директора завода сломалась служебная машина, и на работу он поехал в автобусе, где на ногу ему наступил небритый гражданин. «Послушайте!» — недовольно поморщился директор. «А пошел ты!..» — дыхнул в лицо директору жутким перегаром небритый гражданин и вышел на следующей остановке.

Директор пришел на работу в плохом настроении, вызвал главного инженера и устроил ему разнос. После этого главный вызвал своего зама и распек того. Зам. главного вызвал начальника цеха и дал нагоняй. Начальник цеха вызвал своего помощника и задал тому головомойку. Помощник вызвал мастера и отчитал его. Мастер пошел и отругал рабочего. Рабочий пошел домой и поскаandalил с женой. На следующий день жена рабочего пошла на работу в плохом настроении и не продала небритому гражданину водку до одиннадцати часов.

Через два дня машину у директора почи-

нили, и он прибыл на работу в хорошем расположении духа, вызвал главного и объявил ему благодарность. У главного поднялось настроение, он вызвал зама и сказал, что не возражает против заграничной командировки. Зам вызвал начальника и пообещал отпустить его в отпуск летом. Начальник вызвал помощника и сказал, что вопрос с квартирой будет решен в самое ближайшее время. Помощник вызвал мастера и пообещал дать ему премию. Мастер пошел к рабочему, извинился и пожал ему руку. Рабочий пришел домой и назвал жену кисанькой. Жена рабочего на следующий день пошла на работу и продала небритому гражданину водку в восемь утра. Небритый гражданин сел за руль в нетрезвом состоянии и врезался в машину директора.

На следующий день директор пошел на работу пешком, пришел, вызвал главного и наорал на него...

ЗАПИСКА

Кравцов бросил в раскрытый чемодан носки и рубашку, сел рядом с чемоданом на стул и задумался. Он не хотел писать жене записку, но сейчас подумал, что это будет, наверное, по-свински, а быть напоследок свиньей не хотелось. Нужно написать, только надо такое-этакое выдумать, чтобы схватилась бедная Наталья за волосы и заголосила на все двенадцать этажей.

Кравцов нашел чистый лист бумаги, подсел к столу и вывел первую фразу:

«Наталья, прости, я ухожу».

К горлу подступил комок, Кравцов отки-

нулся на спинку стула и перевел дух. Затем продолжил:

«Теперь тебе не надо будет стирать мои рубашки и варить обед».

Сглотнув слюну, Кравцов вновь заерзал ручкой по бумаге.

«И не на кого будет ворчать в дни получения аванса, а также в субботу и в воскресенье и на День рыбака, и на Новый год».

Маленькая прозрачная слезинка выкатилась из левого глаза Кравцова, медленно сползла по щеке и упала на слово «Новый». Правый глаз задергался.

«И уже некого будет попрекнуть, что, мол, по дому не помогаю, хотя я почти каждую субботу носил белье в прачечную».

Кравцову стало так грустно, что он зарыдал. Печальный образ бывшей жены заполнял его изболевшуюся душу. Он уже приготовился доставать из чемодана носки и рубашку, но вспомнил про вчерашнее и сразу перестал плакать.

«Теперь никто не будет приходить домой в 12 часов ночи», — твердо вывела рука Кравцова следующую фразу и продолжала:

«А что касается запаха духов, то это плод твоей досужей фантазии, зато разбитая о мою голову хрустальная ваза вполне реальная вещь. И отдал я за эту вещь в комиссии 110 рублей. Между прочим, подарил тебе ее на десятилетие со дня нашей свадьбы...»

г. Новокузнецк

Не успел Кравцов поставить точку, как вдруг, холодея, услышал, как поворачивается ключ в замке.

Наталья Кравцова застала мужа, суетливо запикивающего чемодан на антресоли.

— Сумку ищу, — объяснил Кравцов, что-то жуя, — за картошкой надо сходить, картошка кончилась.

— Квитанцию возьми, — бросила сквозь зубы жена, — попутно белье из прачечной принесешь. Возьми еще авоську.

Только в лифте Кравцов, даваясь, проглотил записку.

Через неделю Наталья Кравцова, придя с работы, подозрительно поглядела на мужа и строго спросила:

— Чего ты стал жевать все время, когда я с работы прихожу? И жует и жует, а мусор конечно, опять не вынес...

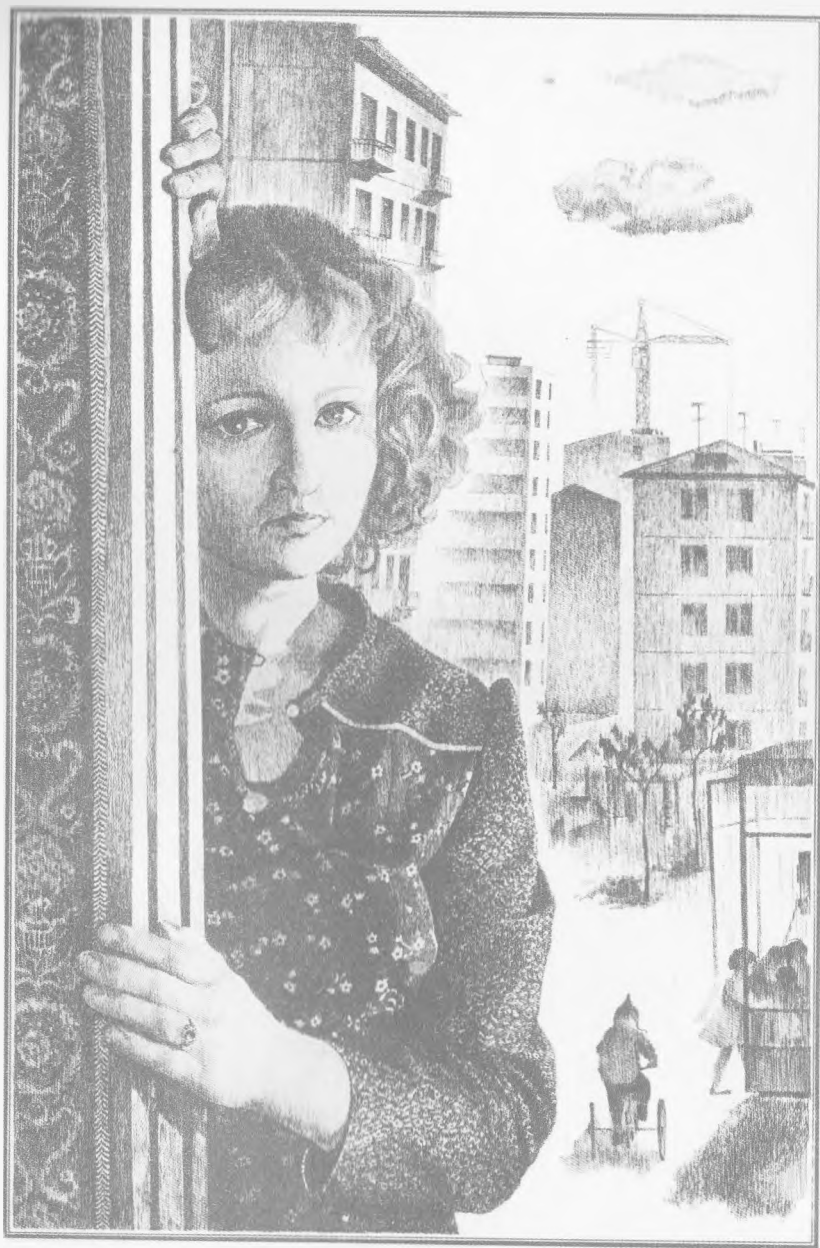
Василий Афанасьев

В ПЕРВЫЙ КЛАСС

Всё сегодня на Николке
С головы до ног с иголки.
Гимнастерка ремешком
Подпоясана на нем.
Металлическая пряжка
Так и светится огнем.
Он по улице спешит.
У него солидный вид.
Так и хочется попрыгать,
Только важность не велит.
Дома Колина рука
Грустно тронула щенка:
Пусть играет с ним сестренка,
А ему нельзя никак!

На ограде поднял крик
Воробьишка: «Чик-чирик!»
С ним не стал мальчишка спорить —
Толк какой — не ученик!
По-иному дышит грудь.
Парень в школу держит путь.
Пустяки его сегодня
Не касаются ничуть.
Было время... А сейчас
Он шагает в первый класс.
У него букварь в портфеле
И тетради про запас.
...Потому-то на Николке
И одежда вся с иголки.

г. Новокузнецк



В. К р а в ч у к. «Материнство» (из серии «Детство»)

